

Александр Филичкин

ТРОЗА

книга 2

2014 - 2022 год

Александр Тимофеевич Филичкин

Проза. Книга 2

Серия «Взрослые рассказы
и повести», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69906415

SelfPub; 2023

Аннотация

В данную книгу вошли прозаические и юмористические повести и рассказы, написанные автором в течение 2014-го – 2022-го года

Содержание

Дневной сеанс	5
Воспоминания о печатной машинке	12
То, что кому суждено	19
Сельский почтальон	24
Студенты и преподаватели	28
Вечерник	32
Акварель	42
Поездка в пургу	49
Встреча на зимней дороге	55
Вечерний автобус	61
Несколько строчек о тёще	65
Любовь к сочинению разных историй	68
Воспоминания о прошлом	73
Сосед по площадке	77
Халтура	84
Рассказ печника	96
Вынужденная диета	111
Игровые автоматы	115
Дуб Иммануила Канта	124
Егорка	126
История о моём дедушке	133
Дачники и натуральные удобрения	149
Шумная свадьба	158

Высокие двери	163
Жизнь среднего класса в России	172
Конец ПЗП	178
Иду на Вы. Шаг первый	183
Иду на Вы. Шаг второй	189
Иду на Вы. Шаг третий	192
Разговор с нанимателем	195
Удалённый доступ	204
Модная стрижка	210
Талоны на сахар	216
Танкист	219
Авария	223
Парикмахер	226
Саша и большая Любовь	236
Долгий путь на восток	248
Настоящий мужчина	258
Доброе дело	266
Киста	274
Семёныч с мясокомбината	278
Поросёнок	283
Прибалтика	287

Александр Филичкин

Проза. Книга 2

Дневной сеанс

В восьмидесятые годы двадцатого века, я летал в небольшую республику, которая назвалась тогда Югославией. Нужно сказать, что тот интересный вояж был организован районным отделением ВЛКСМ.

Была когда-то такая общественная организация, которая занималась работой с молодёжью советской страны. В числе прочего, она отправляла группы туристов за рубежи СССР.

В своём большинстве, наша компания состояла из активистов комсомольских ячеек. Всем тогда было, где-то под тридцать. Люди сплошь, политически грамотные, самостоятельные и очень надёжные.

Так уж случилось, что во время поездки меня всегда размещали в одном номере с парнем, которого звали Володя. Как я позднее узнал, он входил, в так называемый, резерв КГБ. Росту в нём было под метр девяносто, а ширина плеч оказалась всего вдвое меньше.

Мы с ним проводили по многу часов и познакомились значительно ближе друг с другом, чем с остальными членами группы. Как оказалось, у нас есть много тем для общения.

Мы стали держаться с ним вместе и осматривали достопримечательности на пару.

После одной из экскурсий по центру Белграда, наш гид остановился на маленькой площади и заявил: – Следующим пунктом нашей программы является просмотр художественного фильма, снятого в нашей стране.

Он взглянул на часы и добавил: – В связи с тем, что до начала сеанса ещё около часа, вы можете пока прогуляться по улицам старого города. После чего, всем нужно собраться возле этого кинотеатра. – переводчик указал на скромное здание, к которому мы должны подойти к определённое время. Комсомольцы тотчас разошлись в разные стороны.

Мой новый приятель оказался большим меломаном и потащил меня в магазин, где продавали грампластинки и аппаратуру, чтобы их проиграть. Если, кто-то не помнит, в то давнее время, музыкальные диски делали чаще всего из винила. Они были трёх разных размеров.

В эту самую пору, в Европе уже торговали концертом знаменитой группы «Pink Floyd», что назывался «The Wall», то бишь «Стена». В СССР он тогда завозился лишь контрабандным путём и стоил на «барахолке» до тридцати пяти долларов.

Платить за новинку, пятую часть моей зарплаты месяц, у меня не поднималась рука. Поэтому я слушал магнитофонные записи весьма среднего качества. Но раз уж мы оказа-

лись в стране, где данную вещь можно купить за два с чем-то бакса, то почему, не воспользоваться подобной оказией? В конце концов, решил я тогда, продам диск одному фанатов английской команды. По крайней мере, верну часть внушительных денег, потраченных на эту путёвку.

Мы вошли в магазин и обомлели от огромного количества записей. Там было все, о чём мог мечтать советский любитель разнообразного рока. Даже я, не сильно подверженный разорительной страсти, захотел вдруг купить пару-тройку альбомов.

К сожалению, у меня оставалось уже мало денег. Кроме того, по тогдашним суровым законам, мы не могли провезти бы на родину больше одной грампластинки на нос.

Побродив меж больших стеллажей, заваленных всевозможной продукцией, мы решили с Володей, приобрести только то, за чем явились сюда. Мы взяли по диску с концертом «Стена», заплатили деньги на кассе и направились к выходу.

На улице мы посмотрели на ручные часы и с огорчением поняли, что до назначенной встречи времени осталось в обрез.

Нельзя сказать, что нам хотелось посмотреть новый фильм, снятый в стране, которая никогда не блистала в кинематографическом плане. Насколько я помню, в то время, всем был известен один Гойко Митич. Да и тот снимался

в Германии и играл, большей частью, индейцев. Таких, как Великий Змей – Чингачгук и Винниту – вождь аппачей.

Однако, советским туристам нельзя отставать на чужбине от группы. Пойди её, потом отыщи в незнакомом Белграде. Тогда нам бы пришлось проторчать два часа на маленькой площади и ожидать, пока завершиться сеанс.

Мы рванулись вперёд и понеслись быстрым шагом к месту назначенной встречи. Как оказалось, мы не рассчитали дистанцию нашей прогулки, и примчались к нужному зданию на пять минут позже, чем было нужно.

Комсомольцев у входа в кино мы не увидели влетели в просмотровый зал, когда там было темно. Мало того, на экране уже замелькали первые кадры картины. Чтобы никому не мешать, мы не стали искать земляков, а сели в заднем ряду и начали смотреть на экран.

К нашей досаде, в фильме все говорили лишь на английском. Внизу шли мелкие титры на сербском наречии, написанные латинскими буквами. Да и мелькали они достаточно часто. Мы не могли ничего разобрать.

Из такой мешанины мы поняли только одно. Нам показали историю сильной любви двух молодых разнополых людей. А о чём они там говорили между постельными сценами, для нас так и осталось неразгаданной тайной.

Наконец, все закончилось и свет тут же зажёгся. Мы огляделись и с удивленьем увидели, что в зале нет нашей группы.

Придя в недоумение, мы вышли на улицу и натолкнулись на экскурсовода. За ним хмуро шагали туристы.

Нас слегка пожурили за отрыв от команды, и экскурсия по Белграду продолжилась. По пути, к нам подошли трое парней, с которыми мы разговаривали значительно чаще, чем с остальными.

Они с интересом спросил: – Куда вы пропали?

Мы честно ответили, что не рассчитали время прогулки и опоздали к началу сеанса. После чего, сами спросили: – А откуда же вы сейчас все пришли?

На что получили достаточно краткий, но весьма эмоциональный ответ. Я не стану его приводить по одной важной причине. Дело всё в том, что он, в основном, состоял из тех выражений, которые зовут непечатными. Вкратце, его смысл состоял из нескольких фраз.

После того, как группа собралась в назначенном месте, гид вдруг узнал, что югославский фильм, который должны были показывать, заменили другим. Наш переводчик пообщался с хозяином кинотеатра.

Неожиданно выяснилось, что будут крутить эротическую историю из жизни французской золотой молодёжи. Мужчина решил, что комсомольцам не стоит смотреть откровенные постельные сцены и отвёл нашу группу к соседнему залу.

Там шла старая советская кинокартина о Великой Отечественной войне, которую все уже видели по телевизору дома. Причём, по несколько раз и на родном языке, а не на мало-

понятном сербском наречии.

После той гневной тирады кто-то спросил: – Ну, а как вам понравился фильм, который удалось посмотреть?

Перебивая друг друга, мы красочно описали всё то, что промелькнуло на белом экране.

Должен напомнить, что в те давние годы, в СССР, подобные вещи подпадали под строгий запрет, как низкопробные и идеологически чуждые. Поэтому, их не показывали в кинотеатрах, и тем более, не пускали по телеку.

Видеомагнитофонов и персональных компьютеров в широкой продаже ещё не имелось. Такую продукцию можно было увидеть лишь за границей страны или на международных фестивалях кино, которые достаточно часто проводились в Москве.

Нужно ли объяснять, что наш живописный рассказ удивительно сильно заинтриговал комсомольцев. Ведь они находились в том возрасте, когда это всё весьма интересно.

Все дружно решили: – После обеда будет свободное время. Нужно сходить в тот кинотеатр и посмотреть безобразие своими глазами.

На всякий случай, они с интересом спросили: – Сколько же стоит увидеть сиё непотребство?

Я честно сказал: – Даже не знаем. Мы ничего не платили. – Как же вы внутрь сумели пройти? Ведь там, возле входа стоит контролёр. – удивились друзья.

На что я, не таясь, доложил: – Я уже говорил, что мы с Володей, слегка опоздали к началу сеанса. Поэтому, когда влетели в фойе, внутри уже не было ни единой души. Мы двинулись к просмотровому залу и наткнулись на крепкого парня, который проверял там билеты.

Я указал на своего большого приятеля, что возвышался над нами на полголовы, и завершил сообщение: – Володя, жёстко сказал: – Группа русо туристо! – После чего, билетёр стушевался и отступил в сторонку от двери. Ну, а мы ринулись дальше...

Воспоминания о печатной машинке

В конце семидесятых годов прошлого века, мне захотелось купить, небольшую машинку, чтобы печатать свои «нетленные произведения». Я стал заглядывать иногда в магазины и выбирать модель подходящих размеров. Постепенно мой выбор остановился на портативной «Москве».

Должен признаться, меня прельстило в ней одно обстоятельство. Она находилась в небольшом чемоданчике, который весьма походил на современный портфель-дипломат. То есть, в сложенном виде, прибор занимал достаточно мало места в квартире. Однако, я её тогда не купил.

Вы спросите: – Почему, настолько подробно я говорю о печатной машинке? – и я вам отвечу: – Потому, что у меня было желание писать, но не хватало свободного времени. С восьми до семнадцати я вкалывал техником в проектной конторе.

По окончании рабочего дня, четыре раза в неделю, я бегал в вечерний стройинститут. В выходные и в праздники, я выполнял курсовые, лабораторные и другие задания. По средам и пятницам, я их сдавал, а иногда, ходил на коллоквиумы.

Через пять с лишним лет, учёба всё же закончилась, и мне вручили диплом. К этому времени, я уже стал руководите-

лем группы из семи архитекторов. И тут на меня навалили ещё больше работы.

Поэтому, я был твёрдо уверен, что большую часть моей жизни машинка «Москва» будет стоять без всякого дела. Ну, а раз так, то зачем ей пылиться и занимать какое-то места в нашей весьма малогабаритной квартире.

В восьмидесятом году, мне подвернулась турпутёвка в Киргизию, с отдыхом на берегу озера, которое зовут Иссыкуль. Я скатался в, тогда ещё братскую нам небольшую республику и там прошёл по маршруту, проложенному по ближайшим окрестностям.

То путешествие тянулось несколько дней, включало в себя восхождение на высокогорный ледник. Вернувшись в Самару, я вдруг узнал, что сильно простыл в том походе, и пришлось мне немедленно, улечься в больницу.

Болезнь затянулась на третью часть года и всё это время я был на больничном. Сначала в клинике города, а потом уже дома. От нечего делать, я накропал целый роман из раздела научной фантастики.

Писал я его старым дедовским способом, при помощи карандаша и бумаги. Кстати сказать, мне, как архитектору, это показалось намного удобнее, чем какой-либо ручкой, шариковой там, или, например, перьевой.

В любое удобное время можно взять ластик, то бишь, резинку, и стереть слово, которое тебе разонравилось, всё

предложение, а то и абзац. Да и целые куски сочинения, можно легко тасовать, словно карты в колоде. Нужны лишь ножницы и какой-нибудь клей.

Долго ли коротко, я окончил свой труд и серьёзно задумался: – Как быть теперь дальше?

Хотелось, отправить роман в пару-тройку издательств и узнать от редакторов, что же я сочинил? Годиться ли это в печать? Вот только, толстую рукопись, написанную карандашом, никто бы не взялся читать.

К этому времени, множество денег ушло на лекарства. Я не до конца оклемался, больничный был не закрыт, и денег, не осталось совсем. Не мог я пойти и купить устройство «Москва». Хорошо, что я жил вместе с мамой. Она продолжала работать, и кормила меня.

Ничтоже сумняшися, я внезапно решил, обратиться к знакомой мне машинистке и попросить её об услуге. Я отдал одну небольшую главу, заплатил за работу не так, чтобы скромные деньги и, в назначенный срок, получил материал от неё.

Как оказалось, в напечатанном виде всё выглядело совсем по-другому. Я прочитал принесённые дамой листы, и остался весьма недоволен своим «дурным писевом». Я всё переправил и с огорчением понял, придётся опять повторить всю процедуру.

До меня вдруг дошла очевидная вещь. Никому неизвестно сколько раз я переделаю текст, а платить машинистке снова

и снова я не могу. Нужно было найти другой вариант.

К этому дню, я уже вернулся к работе и начал опрашивать всех друзей и знакомых: – Нет ли у кого-нибудь дома печатной машинки?

Скоро я выяснил, что такие счастливицы имеются, и они, на какое-то время, дадут мне данный прибор. Но при одном важном условии – я сам приеду за ним. Ну, а после того, как он мне станет не нужным, верну добросердечным хозяевам. Я согласился и отправился по нужному адресу.

Молодая сотрудница впустила меня в небольшую прихожую, и указала на огромную сумку, что притулилась возле дверей. Я поблагодарил милую даму, взялся за ручки объёмистой тары и с огорчением понял, она весит более пуда.

Это меня не смутило. Благо, что остановка трамвая находилась поблизости. Я привёз машинку домой и извлёк её из баула на свет. Передо мной оказался большой «Ундервуд» тридцатых годов. Он был с длинной кареткой и чугунной станиной.

Возраст прибора перевалил за полвека, но он работал на удивление чётко. К моему сожалению, у него обнаружилось одно неудобство. Чтобы напечатать какую-то букву, нужно было, очень сильно врезать пальцем по клавише.

Иначе рычажок с литерой просто не долетал до каретки. Или же бил её слишком слабо. Подобный удар не мог пробить листы писчей бумаг и копировки, лежавшей меж ними.

Между прочим, тогда приходилось печатать, как минимум три экземпляра. Два для отсылки в издательство и последний себе, на долгую память. Вдруг потеряют на почте, или где-то ещё?

Поэтому, все писатели тогдашних времён делали столько копий, сколько возможно. Нужно сказать, что пятая копия читалась весьма тяжело, а шестую делали лишь в исключительных случаях.

По тогдашней традиции, один экземпляр редакция обязательно оставляла себе. Так сказать для архива. Если рукопись их не устраивала, то второй они возвращали по почте безутешному автору.

Можно себе такое представить сейчас? Ведь ридеры, даже не подтверждают факт получения вашего «нетленного произведения». Хотя, это мог бы делать компьютер при получении «электронной посылки» от вас. Нужно его только правильно запрограммировать.

С другой стороны, людей можно понять. Ведь раньше писателей было значительно меньше, чем в настоящее время, а все потому, что данное дело являлось весьма трудоёмким занятием.

Сначала все сочини. Потом, преврати свои почеркушки в божеский вид. А если тебе, что-то вдруг не понравилось, то приходилось перепечатывать лист, а то и главу целиком. Иначе сбивалась нумеровка страниц.

Мало того, любую очеПатку, нужно было, соскабливать лезвием безопасной бритвы на всех копиях текста, и вписывать туда нужную букву какой-либо ручкой, шариковой или, например, перьевой.

Сейчас всё проще простого. При помощи бытового компьютера, можно легко заменить каждое слово, перетасовать предложения, абзацы и главы. Причём, документ всегда будет выглядеть очень опрятно. Без заметных помарок.

Остается лишь отослать его на электронную почту издательства. Благодаря прогрессу в науке и технике, количество авторов выросло во множество раз. Меж тем, как число «бумажных» изданий сократилось на пару порядков.

Итак, чтобы послать своё произведение в редакцию, мне нужно было, изо всех сил лупить по маленьким клавишам. При этом, в моей тесной комнате стоял оглушительный треск печатной машинки. Уже через час у меня сильно болели подушечки пальцев, и я бросал эту работу.

Самое грустное, что мой первый роман так и не появился на свет. Все издательства мне отказали. Потом я женился, родилась прекрасная дочка, и мне уже стало не до писания прозы. Еле хватало свободного времени на семью и работу.

Переполненный грустью, я сунул печатный прибор в огромную сумку, вернул его доброй хозяйке и продолжил обычную жизнь. «Москву» я тогда тоже не стал покупать. С деньгами было не густо.

В память о той давней поре, я до сих пор сильно стучу по

клавишам компа, словно передо мною стоит «Удервуд». То большое устройство, что солдаты советской страны привезли, как трофей из разгромленной в 1945 году фашистской Германии.

То, что кому суждено

В огромный цех машиностроительного завода въехал электрокар. На платформе машины лежала заготовка огромной детали. Она представляла собой толстостенную трубу длиною в два человеческих роста и диаметром около тридцати сантиметров.

Транспортная тележка плавно затормозила в широком проходе между станками и застыла на месте. Откуда-то появился мужчина, который держал в руках пульт управления подъёмником.

Он подошёл ближе и нажал на крупную кнопку. Небольшая кран-балка пришла в движение. Она медленно прокатилась по рельсам и замерла над доставленным грузом.

Человек дал другую команду. Электроталь подвинулся влево и немного стравил прочный трос. Крановщик взял внушительный крюк и зацепил за монтажную петлю, расположенную на одном конце массивной болванки.

Вновь зашумели электромоторы. Завращалась лебёдка, и стальной канат натянулся. Весящая несколько сот килограммов, труба шевельнулась, и начала не спеша, подниматься одним своим краем.

Наконец, она встала почти вертикально и, немного покачиваясь, повисла над опустевшей платформой. Электрокар выскользнул из-под заготовки, развернулся и выехал из ги-

гантского цеха.

Кран-балка тронулась с места и понесла тяжёлую ношу вглубь помещения. Крановщик шагал следом за ней и, нажимая на разные кнопки, управлял перемещением.

Через десяток секунд, где-то под крышей послышался металлический скрежет, и подъёмный механизм резко встал. Увлекаемая силой инерции, труба качнулась немного вперёд, остановилась и, словно маятник устремилась назад.

Амплитуда её колебания достигла своей крайней позиции. Раздался подозрительный треск. Стальной трос неожиданно лопнул, словно прогнувшая нить. Груз сорвался с лебёдки и, продолжая движение, полетел на крановщика.

Вслед за тем страшным событием последовал целый ряд совершенно невероятных счастливых случайностей. Нижний конец заготовки врезался в пол и очень точно попал между ступнями рабочего.

Острая кромка детали влетела в неглубокую выбоину. Труба наклонилась налево и, не задев человека, с оглушительным шумом упала плашмя. Она покатилась по пустому проходу, к счастью, ни на кого не наткнулась, а ударилась о станину кузнечного пресса и замерла.

Когда всё закончилось, замерший от испуга, рабочий побледнел, как свежесвыпавший снег. От пережитых волнений он лишился сознания, покачнулся и стал валиться назад, словно подрубленный столб.

Стоявший рядом, станочник подскочил к падающему

навзничь мужчине. Товарищ подхватил его сзади под мышки, и не дал упасть головой на бетон. Спустя пару мгновений, бедолага очнулся. Он освободился от дружеских рук и, покачиваясь из стороны в сторону, поплёлся в бытовки.

Следом за виновником драмы вошли трое рабочих, которые видели всё, что случилось в цеху. Кто-то открыл свой металлический шкафчик. Он достал из тайного места бутылку сорокоградусной водки, откупорил её и налил полный стакан ошеломлённому крановщику.

Тот рассеянно поблагодарил. Он принял посудину, заполненную до самых краёв, и, не чувствуя какого-то вкуса, выпил залпом двести пятьдесят граммов огненной жидкости.

Покачав головой, он отказался от ломтика хлеба, протянутого верным приятелем, и сказал сиплым голосом: – Видимо, мне опять не суждено умереть. Лет двадцать назад, я ехал с друзьями в машине.

Навстречу повернул грузовик и врезался в нос легковушки. Сидевшие рядом со мной, три человека сторели в салоне, а меня удивительным образом швырнуло наружу. Я свалился в кювет и получил лишь небольшие ушибы.

Лет десять назад, я работал на буровой в Западной части Сибири. Под ней вдруг возник глубокий провал. Вышка завалилась на бок, и погибло шесть человек. Меня отбросило в сторону, а я снова отделался лёгкими травмами.

Владелец бутылки, взял опустевший стакан крановщика, вылил в него всю ту водку, что осталась в наличии, и одним махом опрокинул в себя.

Стоявший поблизости, мастер с осуждением сказал: – Тебе ведь полдня ещё, нужно работать.

– Да у меня эта доза не видна ни в едином глазу. – отмахнулся станочник.

Чтоб увести разговор от неожиданной смерти, кто-то спросил: – А сколько ты должен принять, чтобы быть в стельку пьяным?

– Один пузырь для меня нет ничто. – без всякой тени бахвальства, ответил мужчина. В его голосе даже послышалось сожаление по данному поводу. Мужчина вздохнул и продолжил: – Каждый вечер, я перед ужином, принимаю на грудь поллитровку. Чаще всего, этим дело никогда не кончается. Иногда, выпиваю литр водки, а то и все полтора.

– Как же потом ты идёшь на работу? Я что-то не помню, чтобы ты приходил на работу хорошо не проспавшись и с запахом спирта. – засомневался один из рабочих.

– Я никогда не похмеляюсь с утра, а беру бутылку с собой и прячу её в этом шкафчике. А чтобы от меня не несло перегаром, я выпиваю флакон корвалола. Охрана на проходной, сразу чувствует, что от меня пахнет лекарством и никто ко мне не цепляется. Перед обедом я выпиваю всю водку и отправляюсь в столовую.

– А ты не боишься откинуть коньки с перепоею? – поинте-

ресовался кто-то ещё.

– Не боюсь! – отмахнулся невероятный станочник: – Как-то раз, среди ночи, мне послышался удивительный голос. Он мне сказал, что я умру не от водки.

В это время, в бытовку влетел взволнованный инженер по технике безопасности цеха. Ему сообщили о происшествии на производстве, и он прибежал выяснять, всё ли в порядке с людьми?

Разговоры тотчас закончились, и все разошлись по рабочим местам.

Прошло около года и много пьющий, станочник почувствовал лёгкие боли в области сердца. Он прислушался к своему самочувствию и благоразумно решил: – «Нужно сделать небольшой перерыв».

После чего, прекратил потреблять водку в течение дня, а корвалол по утрам. Дня через три, он, после смены, вышел из проходной предприятия. Мужчина сел в нужный троллейбус, проехал две остановки, и упал замертво на пол.

Благодаря пропуску, что обнаружили в кармане рабочего, его тотчас опознали. Сначала беднягу отвезли на завод. Ну, а потом, в местный морг, где сделали вскрытие.

Дежурный патологоанатом, внимательно осмотрел внутренности и тело покойного и сделал неутешительный вывод: – Слишком резко он завязал со спиртным! Вот организм и не выдержал такого насилия.

Сельский почтальон

В раннем детстве, я часто ездил к своей родной бабушке по линии мамы. Она вместе с дедушкой и моими младшими тётками, жила в селе Новоголовка, что находилось на юге СССР.

Село состояло из нескольких огромных частей, разбросанных возле центральной усадьбы колхоза. С давних времён, отделения сельхозпредприятия все называли не иначе, как «улицами». Хотя они отстояли одно от другого, на пять и более вёрст.

Там обитали люди разных национальностей: азербайджанцы, армяне и русские. Причём, все вперемежку. Тогда не было тех ужасных делений, как в настоящее время. Все они составляли единый советский народ

Сами хорошо понимаете, как было трудно там почтальону. Ведь ему приходилось мотаться из деревни в деревню и покрывать большие дистанции в течение дня. С ранней весны до окончания осени, он ездил на стареньком велосипеде Харьковского завода.

Зимой, работы в полях прекращались, а дороги совсем развозило от частых дождей. Председатель колхоза давал почтальону старую верховую лошадку. Что, в общем-то, удивительно правильно. Машины тогда встречались достаточно редко, а гонять тяжёлую технику из-за нескольких писем, га-

зет и журналов считалось дорогим удовольствием.

Детство азербайджанца Мамеда пришлось на очень трудные годы. Едва он пошёл в начальную школу и успел научиться читать и писать, как началась Великая Отечественная война 1941-го – 1945-го года.

Пришлось ему бросить занятия и с раннего возраста, трудиться в колхозе почти круглые сутки. Где только и кем он не работал. Ну, а в конце-то концов, ближе к преклонному возрасту, стал почтальоном.

Видно, сказалась тяга к наукам, которыми в детстве, мужчина не мог заниматься. Теперь, на своей новой должности, Мамед мог читать все газеты, а так же журналы, что приходили в село. Что он и делал изо дня в день.

Изучив периодику и набравшись тьмы новостей, он пересказывал интересные факты всем хорошим знакомым. Правда, в силу скромных познаний, многое он понимал весьма необычно. Я был случайным свидетелем подобного случая.

В то время, я стоял на широкой веранде. Дедушка возвёл её вместе домом, в те давние годы, когда был ещё молодым. Именно в этот момент, дядя Мамед принёс скромную пенсию моим престарелым сородичам.

День выдался достаточно жаркий. Пожилой почтальон уже долго катался под яростным солнцем Кавказа. К обеду мужчина сильно устал, и его мучила жажда. Он присел на простой табурет, стоявший под крышей веранды, и снял с

головы потёртый картуз.

Вытерев с лысины капли крупного пота, он спросил немного воды. Пока хозяйка ходила туда и сюда, он отсчитал нужные деньги и вместе с ведомостью, положил их на стол, который всегда стоял на веранде,

Моя бабушка уже плохо видела без сильных очков, но «стёкла» носить не любила. Так что, когда она занималась обычной домашней работой, старалась всегда обходиться без оптики.

Она подошла к самовару, и взяла сослепу первый попавшийся в руки стакан. Так уж случилось, что он оказался невымытым с самого завтрака. На стенках сосуда остался коричневатый налёт от крепкого чая.

Евдокия Николаевна налила кипячёной воды и протянула долгожданному гостю. Он взял тяжёлую гранёную ёмкость, посмотрел её на просвет и начал рассказывать о микроскопических организмах, которые возбуждают все болезни на свете.

В то давнее времена, об этом только стали писать в периодике, и моя старая бабушка ничего о бактериях не знала. Евдокия Николаевна внимательно слушала, с удивлением охала и под конец, спросила Мамеда: – А откуда они берутся проклятые?

– От грязи заводятся! – безапелляционно заявил почтальон: – К примеру, видишь этот стакан? Он давно уж немыт,

значит, в нём обитает уйма мУкробов. И ежели выпить из него хоть бы глоток, то можно тотчас помереть.

– Вот наказание! – ужаснулась потрясённая женщина: – И что же делать теперь?

– Чистоту нужно блюсти! – назидательно объяснил азербайджанец Мамед: – МУкробы страсть, как это не любят и сразу же дохнут. Тащи сюда чистую плошку.

Бабушка бросилась к настенному шкафчику, висящему в комнате дома. Она принесла до блеска отмытый стакан и подала учёному гостю. Он взял гранёный сосуд. Внимательно посмотрел его на просвет и убедился, что всё стекло девственно чистое.

– Теперь другой коленкор! – удовлетворённо сказал почтальон. Он перелил содержимое грязной посуды в ту, что взял у хозяйки, и с удовольствием выпил прохладную кипячёную воду.

Сказав опешившей бабушке: – Большое спасибо! – он нахлобучил картуз, забрал со стола бумажную ведомость и устало поднялся с сидения. Мужчина взял тяжёлую сумку, набитую почтой, закинул ремень на плечо и направился к лестнице, ведущей с веранды во двор.

– Не забывай о мУкробах! Не то заболеешь. – напомнил, обернувшись Мамед.

Студенты и преподаватели

В группе был парень, который отслужил уже срочную в армии и умудрился там получить медаль, посвященную столетию Ленина. Так он всегда действовал по одной излюбленной схеме.

Как бы не было жарко, студент всегда надевал на экзамен пиджак. К лацкану пиджака крепилась награда, сияющая ослепительным блеском. Парень приближался к столу и шептал экзаменатору: – Я учил такой-то билет.

Сначала преподаватель шалел от такой неслыханной наглости. Потом, он смотрел на ярко-жёлтый кругляш, висевший на одежде студента, и видел на нём профиль вождя мировой революции.

Какое-то время, человек колебался, а потом начинал искать нужный вопрос. Парень отвечал без подготовки и без единой запинки. Он получал отметку «Отлично» и уходил, довольный собой.

Другие давили на жалость. Особенно Лере запомнился такой удивительный случай. Здоровый бугай долго и путано отвечал на вопросы по «научному коммунизму» (была сия дисциплина тогда в институте).

Он перепутал всех классиков марксизма и ленинизма. Назвал друзьями философов, которые жили в разное время, с разрывом в сто с лишним лет. А после того, как его каждый

раз поправляли, начинал уныло мычать: – А я всё учил!

В конце концов, терпение преподавателя лопнуло. Он поставил тройку в зачётку и услышал ту же бессмертную фразу: – А я всё учил!

Имелся ещё один странный доцент, который, любил прикалываться над молодыми студентами. В частности, он обожал наказывать тех, кто опоздал на занятия.

Если ты вошёл в аудиторию после звонка, то должен был спеть, станцевать или прочесть какой-нибудь стих. Как-то раз, таких нарушителей оказалось около десяти человек.

Преподаватель выстроил их друг за другом. Давал им по очереди толстый учебник и приказывал петь сложный технический текст. Так продолжалось до тех пор, пока ему не понравиться.

Ребята, конечно, распсиховались, но получать двойки по лабораторным занятиям никому не хотелось. Поэтому все очень старались.

Ещё он мог отправить кого-нибудь в строительный трест, расположенный на противоположном конце огромного города. В таком случае, студенту приходилось подходить к секретарю организации и просить фирменный бланк, доказывавший, что ты побывал в месте ссылки.

Однажды, Лера торопилась к началу занятий. Недалеко от института, она столкнулась с доцентом, любителем странного юмора.

Мужчина остановил бегущую девушку. Показал ей на толстую асбестоцементную трубу, лежавшую возле глубокой канавы, и строго сказал: – Она тут, всем очень мешает. Берись за один конец, я за другой, и отнесём её в сторону.

Студентка ухватилась за указанный край и поняла, что не сможет поднять подобную тяжесть. Она присела, чтобы ухватиться покрепче, но тут услышала смеющийся голос: – Перестань! Я пошутил!

Был среди прочих, старый профессор, который совершенно не зверствовал. Он благодушно относится к учащимся и не замечал их невинные шалости. Да и экзамены он проводил весьма необычно.

Преподаватель запускал всех в аудиторию, раздавал ребятам билеты и рассаживал их за столы. После чего, уходил покурить, минут на тридцать, на сорок. Всё это долгое время, студенты списывали всё с учебников.

Мужчина приходил с перекура. Студенты, по очереди садились к нему. Выкладывали бумажки на стол и тарабанили то, что содрали с источников. Затем, следовал дополнительный, очень несложный вопрос.

Если учащийся мог, хоть что-то ответить по теме, то получал в зачётку пятёрку. Нет, довольствовался только четвёркой.

В тот день, всё шло, как обычно. Студенты взяли билеты и дождались, когда экзаменатор уйдёт. Они достали шпоры

и книги начали списывать. Одна девушка передрала ответ на первый вопрос. Затем, на второй, а пример решить не смогла.

Тогда она встала с места. Подошла к столу профессора и стала просматривать остальные задания. Она пыталась найти ту задачу, что оказалась бы ей по зубам,

В этот момент, в коридоре раздались шаги. Послышался голос профессора. Видимо, он встретил знакомого, остановился за дверью и начал с кем-то беседовать.

Испуганная донельзя, студентка сгребла все бумаги. Спрятала их за лифом высокой груди и помчалась на место. Она села на место, где с умным видом, принялась что-то писать.

Дверь широко распахнулась. Преподаватель переступил через порог и увидел, что его стол девственно пуст. Он повернулся к ребятам и сурово спросил: – Кто взял все билеты?

Учащиеся, как один, промолчали. Мужчина рассвирепел и закричал: – Мне что, вас всех обыскать?

Виновница возникшего шума, покраснела, как свёкла. Она вынула из-за пазухи растрёпанную пачку листков и протянула преподавателю. Недовольный мужчина уселся за стол. Он подвинул к себе стопку зачёток. Поставил всем тройки и выгнал студентов из комнаты.

Это был единственный случай в истории стройинститута, когда группа так плохо сдала экзамен профессору.

Вечерник

Несмотря на частые переезды из города в город, Глеб успешно окончил десятилетку. Хорошо одарённый природой он схватывал всё на лету, быстро усваивал любой материал, и умел очень многое делать руками. В том числе, рисовал.

Школа, где он завершал обучение, относилась к тем динозаврам «Наробраза», в которых ещё сохранялись традиции советской страны. Поэтому, мальчик, как и другие умельцы, должен был оформлять стенгазеты и «всю агитацию», как говорили тогда.

Отказаться от подобной «нагрузки» подросток не мог. Учителя и так на него косо смотрели. Одним словом, он взялся за дело и, как писали в девятнадцатом веке, стал «придворным классным художником».

Получив аттестат, Глеб оказался на большом перепутье. Перед ним встала проблема, куда поступать после школы? Он пообщался с приятелем из параллельного класса, таким же «крепостным живописцем», как и он. Ребята немного подумали и дружно решили, раз они обладают способностями к рисованию, то могут претендовать на места на факультете архитектуры КИСИ.

Друзья собрали нужные справки и двинулись в инженерно-строительный институт. В то время, в городе появилось

великое множество экономических, юридических и других учебных заведений подобного толка.

У народа создалось впечатление, что теперь вся страна хочет производить только менеджеров, и экономистов с юристами. В отличие от «университетов», появившихся на каждом углу, «стройка» так и остался в единственном роде.

Правда, раньше эта контора звалась институтом, а теперь, ни с того, ни с сего, начала величаться «Строительной Академией». Хотя кроме вывески, больше там ничего не сменилось.

Всё было, как прежде: обшарпанные старые здания, тесные аудитории и древнее оборудование в лабораториях. Да и состав престарелых профессоров и доцентов остался всё тем же.

Зато все строители, что получили дипломы до этого года, вспомнили золотые слова Василия Ивановича Чапаева, героя Гражданской войны: – Мы академиев никогда не кончали!

В тот знаменательный день, в помещении «приёмной комиссии» собралось пять или шесть человек. Тесная комната разделялась высоким прилавком. Абитуриенты стояли в коротенькой очереди, и ожидали, когда они смогут «подать документы». С другой стороны сидели сотрудники вуза и оформляли бумаги.

От нечего делать, Глеб повертел головой, и нашёл нечто

весьма интересное. Парень заметил прямоугольный предмет, стоящий у дальней стены за барьером. То был подрамник небольшого размера, обтянутый ватманом. На нём оказалась картина, «набросанная» карандашом.

Одного взгляда оказалось достаточно. Глеб сразу узнал Аполлона, которого все зовут Бельведерским. Бывший школяр толкнул друга в бок и указал взглядом на «голову» древнего бога.

– Класс! – восхищённо отозвался товарищ.

Они подошли чуточку ближе и стали шёпотом обсуждать технику исполнения рисунка. Как показалось парням, сына незабвенного Зевса изобразили на удивленье удачно.

Во-первых, они сразу узнали покровителя всевозможных искусств, а только это говорило о многом. Во-вторых, штрихи были чёткие, очень уверенные, тени контрастные, «мазня» совершенно отсутствовала.

Глеб посмотрел на портрет и с сожалением решил, так хорошо у него, скорее всего, не получится. Он переглянулся с приятелем и понял, тот ощущает себя так же, как он, неуверенно.

– Извините, пожалуйста, – как можно вежливей, обратился Глеб к пожилой хмурой женщине, стоявшей рядом с подрамником.

Она обернулась и парень продолжил: – Чтобы пройти на факультет архитектуры нужно рисовать именно так? – и он указал на Аполлона правой рукой.

Старая гримза вскинула голову и с явной брезгливостью посмотрела на парня. Затем, с отвращением зыркнула на чудесный планшет и с возмущением прокаркала: – Это на двойку!

Два «придворных художника школы» были буквально раздавлены такими словами: – «Как же нужно тогда рисовать, если это на двойку?» – мелькнула в их головах ужасная мысль.

– Ходят тут всякие! Научились срисовывать с дешёвых открыток, и все, как один, прутся в великие зодчие. – не унималась злая сотрудница вуза.

Подавленные подобным напором, друзья слушали филиппику разгневанной дамы и уныло молчали.

– Чтобы хоть чему научиться, необходимо, как минимум, окончить художественную школу района! – продолжала шипеть старая перечница.

Стоявшая перед парнями, «плотная» девушка уже «подала документы» для поступления на архитектурную кафедру. Абитуриентка повернулась к друзьям и окинула их презрительным взглядом.

Она язвительно им ухмыльнулась, и гордо вскинув массивную голову, отошла от прилавка. Судя по её поведению, она имела посещала то заведение, о котором сказала старуха.

Как назло, оба парня, оказались из неполных семей и жили в дальнем, пролетарском углу огромного города. О том,

что существуют не только общеобразовательные и музыкальные, а ещё и художественные школы в Самаре, они узнали только к концу десятилётки.

Приятеля никогда не бывали в «художке» и слышали о мифическом месте лишь краешком уха. Да и узнали об этом они совершенно случайно. В конце учебного года, в классе вдруг появился незнакомый никому ученик. Он тотчас затмил рисовальные способности Глеба.

Именно этот школяр и поведал друзьям необычную весть. Выяснилось, что в городе существуют две школы изобразительных искусств. Ещё, он сообщил, что прошёл полный курс и получил там бумажку, подтверждающую удивительный факт.

Выслушав возмущённую женщину, оба приятеля сильно смутились. Они оценили свои небольшие способности и осознали ничтожность своих притязаний на обучение в храме, которым руководил Аполлон.

Парень вдруг покраснел, подал бумаги молодой регистраторше и сдавленно выдал: – На Промышленное и Гражданское Строительство. – его верный приятель выразился намного короче: – На факультет ПГС.

Впоследствии Глеб с огорчением понял, что поступил в корне неверно. К его сожалению, это произошло уже после того, как он окончил КИСИ. Став инженером, он с успехом работал в разных конторах, что занимались проектировани-

ем сооружений и зданий различного рода.

Дело было всё в том, что он часто встречал архитекторов, имевших диплом на руках. Многие из них совсем ничего не умели, ни рисовать, ни даже держать карандаш. Ну, а о том чтобы, что-то там начертить, не стоило вообще говорить.

К радости подобных «умельцев» тогда началась эра виртуального зодчества, и все пересели с чертежных досок за компьютеры.

На приёмных экзаменах с Глебом опять повторилась всё та же история. Она с ним случалась и других образовательных заведениях города. Все преподавательницы единодушно поставили парню унылые тройки.

Причём, всё они настойчиво спрашивали, в каком районе парень учился? Услышав в ответ номер школы, в которой он получил аттестат, они презрительно фыркали и выводили в бумагах посредственный «УД».

Совершенно естественно, что с такими отметками, он не прошёл в институт, как тогда говорили – «по конкурсу». Глеб подал документы на вечернее отделение вуза и попытался прорваться туда. Результат был тем же самым.

Узнав о провале любимого сына, его милая мать взяла это дело в свои крепкие руки. Она навела справки и быстро узнала, где и почём. Затем, сняла деньги со сберегательной книжки и отправилась в стройинститут.

Оттуда мама вернулась с бумажкой в руках. На ней обна-

ружилась странная надпись: – «Принять на вечернее отделение в числе кандидатов». – внизу находилась неразборчивая длинная подпись.

Глеб взял сомнительный, с его точки зрения, мандат и пошёл в деканат. Как это ни странно, cedулку там приняли без всяких вопросов и выдали другой документ. Строчка, выполненная на матричном принтере говорила о том, что это – «Временный студенческий билет». – ниже стояла размашистая закорючка чиновника и круглая печать синего цвета.

Жить на зарплату мамани было уже невозможно. Ведь у сына теперь не осталось никаких оправданий. Раз окончил ты школу, учись себе дальше. Не смог поступить на дневной факультет, иди парень трудиться. Вечерний институт относился ко второй категории, и начался безуспешный поиск работы.

После недолгих хождений по офисам, Глеб узнал неприятную вещь. Везде требовались люди с высшим образованием и опытом проектировщика. Получался замкнутый круг. Не имеется опыта, не возьмут на работу. Нигде не работал, отсутствует опыт.

К удивлению парня, вдруг позвонил его кровный отец, что расстался с семьёй лет пять назад. Неизвестно с чего, он решил навестить всю родню, жившую в городе, и ближайших окрестностях. Заодно, он зашёл к бывшей жене.

Узнав, что Глеб ищет место, бывший супруг поднял свои

старые связи и устроил «сыночка». Парень стал техником в отделе строителей скромной проектной конторы.

К счастью «вечерника», офис стоял не так далеко от его пятиэтажного дома. После окончания смены он успевал бы вернуться в квартиру, перекусить, и уже сытый, бежать в храм науки.

Наступил долгожданный первый день сентября. Глеб взял студенческий «кандидатский» билет и, трясаясь от волнения, пошёл в институт. К искренней радости парня, вахтёры пустили его сквозь вертушку.

На общем собрании, «вечерник» узнал, что это обычная практика, родившаяся в советском Союзе. Ещё в те времена мудрый декан зачислял в каждую группу по три «кандидата в студенты». Делалось это лишь для того, чтобы после первых экзаменов, на потоке остался хоть кто-нибудь из учащих.

Всё объяснялось простой психологией. Бывшие школьники, что «по конкурсу» не прошли на дневной, просили принять их на «вечерний». Вот только, там было, не так хорошо, как они думали раньше.

Занятия начинались в девятнадцать часов и продолжались до двадцати двух ноль-ноль. Учебные дни – четыре раза в неделю. В субботу и воскресенье нужно корпеть над контрольными, а потом, курсовыми работами. Да ещё, деканат пристаёт, требует справку с работы по выбранной тобою специальности.

Получалось, что по-настоящему учатся только счастливицы, что оказались на «дневных» факультетах. То есть, утром «балдеют» с весёлыми сверстниками в аудиториях, а вечерами тусуются на ночных дискотеках и клубах.

В то же самое время, «вечерник» восемь часов усердно работает. Потом, он уставший, как чёрт, плетётся ещё в институт. Ну, а там, не то чтобы общаться с друзьями, сил не хватает слушать преподав. Того и гляди, заснёшь за столом.

Одним словом, после первой же сессии, число юных студентов на данном потоке убавилось вдвое. Зато все «кандидаты» были зачислены в учебные группы на свободное место.

Забегая вперёд, нужно сказать, что «вечернее» обучение окончила и успешно защитила дипломы лишь четвёртая часть, от числа поступивших. У «заочников» этот процент оказался значительно ниже.

Таким странным образом, Глеб стал полноправным студентом, и у «вечерника» началась интересная жизнь. С восьми до семнадцати работа в проектной конторе. Ускоренный марш-бросок до квартиры. Бутерброд в зубы и, жуя на ходу, бегом в институт. Две пары занятий и рысью обратно.

До дома он добирался только к двенадцати ночи. Глеб проглатывал что-то на ужин и, волоча тяжёлые ноги, отправлялся в кровать. На этом суточный цикл завершался. Через семь часов сна, всё начиналось по новому кругу и шло точно

такой же, как и вчера. И так почти шесть долгих лет.

Единственным утешением, было одно обстоятельство. В те давние годы обучение «вечерника» ещё оставалось бесплатным.

Акварель

Во время учёбы в вечернем инженерно-строительном институте «КИСИ», я работал в секторе архитектуры конструкторского бюро. Наша контора проектировала разного рода объекты, расположенные в городах и посёлках Поволжья.

Само собой разумеется, что все местные власти хотели узнать, какими окажутся новые здания, которые, они заказали. Ведь в ближайшее время, они все появятся на их территории?

В семидесятые годы, ещё не было настольных компьютеров. К тому же, чиновники совсем не умели «читать» чертежи. Поэтому, нам приходилось, «рисовать» все фасады только вручную. Ну, а чтобы начальству было понятней, мы изображали постройку в перспективной проекции, в крупном масштабе и в цвете.

Для этого, брали деревянные рейки, сколачивали прочную раму нужных размеров, а сверху к ней прибивали лист ДВП или фанеры. Получался подрамник, или, как иногда говорили, планшет. Обычно, он имел габариты пятьдесят сантиметров на семьдесят пять.

– Почему конкретно такой? – спросите вы, а потому, что эту конструкцию поверху обтягивали плотной белой бумагой. По-английски она называлась – «Whatman paper» и выпускалась одного и того же размера. Его до сих пор все зовут

А1.

На ватмане хорошо рисовалось карандашом или тушью. И что самое главное, при помощи ластика, то бишь, резинки, с него очень легко стирался графит. Причём, вся поверхность бумаги почти не махрилась.

Нужно добавить, что стойкость к внешним воздействиям являлась очень важным достоинством ватмана. Ведь прежде, чем архитектор вычертит всё, что он хочет, приходилось использовать ластик множество раз. Иногда к концу проектирования чертежи становились похожими на светло-серую ворсистую ткань. Плюс ко всему, они выглядели довольно помятыми.

Так вот, именно эти листы часто использовали для того, чтоб «натянуть» их на подрамник. Для этого их расстилали на ровном столе и обильно мочили водой с обеих сторон.

Сверху клали планшет таким хитрым образом, чтобы со всех сторон оставалась полоска бумаги, шириной в пять сантиметров. Боковины деревянной конструкции мазали клеем и прижимали к ней края мокрого ватмана. Бумагу прихватывали кнопками к рейкам.

После чего, ставили подрамник к стене на ребро. Вода постепенно стекала. Ватман хорошо высыхал и становился ровным и гладким, словно кожа на боевом барабане.

Если бумага оказывалась на солнцепёке или на сквозняке, то громко лопалась со звуком ружейного выстрела. Ино-

гда она «ложилась» дольно неровно, или натягивалась удивительно сильно. Деревянную раму коробило, и планшет подходил на пропеллер.

Теперь, когда вы узнали все эти тонкости, представьте себе, что у вас вдруг появился ватман рулонный. К этому времени промышленность СССР освоила эту продукцию, и в нашу контору привезли большую бобину плотной бумаги. Высотой она оказалась сто семьдесят один сантиметр, диаметром в два мужских локтя, а весом четыреста пятьдесят килограммов.

Как мы ворочались с увесистой «рулькой» на узенькой лестнице, и как тащили её на третий этаж, это другая история. Я расскажу её несколько позже. Сейчас, я хочу сообщить, что наш глав. архитектор жутко обрадовался приобретению и заказал в плотницком цехе планшеты размером метр на полтора.

Тут архитекторы взвыли нечеловеческим голосом, но делать нам было нечего. Приходилось работать с теми подсобными средствами, которые оказались в наличии.

Изготовление «демонстрационного материала для показа заказчику» делилось на три неравные части. Первый этап – обтяжка громадных подрамников, оказался самым простым. Затем, нужно было весьма аккуратно, нанести карандашом на бумагу фасад того здания, что мы проектировали. И, наконец, браться за кисти.

Для «доводки» планшета использовали, в основном, акварель. Иногда брали гуашь, а ещё реже – темперу. О второй и третьей краске, я говорить пока не хочу. Там тоже есть свои заморочки.

При работе с простой акварелью, нужно поставить подрамник под углом в тридцать градусов к поверхности нашей земли. Обмакнуть волосяную кисточку в разведённую краску и, стараясь не капнуть на белый планшет, провести горизонтальную линию в нужном вам месте.

Под действием сил гравитации, водный раствор стекает по ватману и собирается в самом низу мокрой полоски. Тем временем, архитектор опять повторяет всю операцию. Только теперь, он проводит черту по тому месту, где собралась вся излишняя влага.

И так повторяется до тех самых пор, пока не пройдёшь весь планшет, сверху донизу. Остановиться нельзя ни при каких обстоятельствах. Иначе краска посохнет, и на том месте, где прервался процесс, возникнет полоска более тёмного колера. Её потом уже невозможно закрасить.

Хочу с содроганием напомнить, что мне приходилось красить приличные плоскости размером метр на полтора. Причём тонкой кисточкой, толщиной не более в полсантиметра.

Особенно трудно мне было, когда приходилось «отмывать небо» подрамника. Мало того, что оно тянется от края до края. Так в него, ещё постоянно «втыкаются» части ново-

го здания, которые придётся потом, «крыть» совсем другим цветом.

Пока пройдёшь по большому планшету от одного угла до другого, то от напряжения, правую руку начинало сводить сильной судорогой. А на пальцах у меня появлялись глубокие вмятины.

Самое грустное, что как ни старайся, а на таких площадях, всё равно ты допустишь огрехи. Краска ложиться неровно, а неопрятными полосами. К счастью, глав. архитектор увидел, что с акварелью мы не добьемся эффекта, и постепенно перешёл на гуашь.

В отличие от акварели, гуашь не просвечивает на бумаге насквозь, и с ней чуточку легче работать. Ну, а затем, начальник вернулся к прежним подрамникам, обычных размеров.

Мы усердно «пахали» и достаточно скоро извели все запасы какой-либо краски, что имелась в конторе. Как всегда в те далёкие годы, в магазинах, где продают канцтовары, случился очередной дефицит. Нам стало нечем работать. Мы поскребли по сусекам и принесли на работу из дома всё, что сумели найти.

В это время, моя милая мама решила съездить в Москву. Она хотела немного развеяться, навестить близких родственников, а заодно прикупить модных шмоток. Я услышал об этом и попросил купить пару коробок акварели «Нева №5».

Любовь Федоровна легко согласилась и отбыла в столицу. Там она прошлась по гостям и двинулась по большим магазинам. Мама затарилась всем, чем хотела и решила купить мне обновку.

Как назло, ничего подходящего ей не попало. Мама немного подумала и взяла тёмно-зелёный свитер с рисунком, вытканым коричневым цветом. Она подозвала к себе парня моего роста и такой же комплекции, прикинула одежду к нему и всё же купила.

Какое-то время мама походила по ЦУМу. Потом, вспомнила о моём странном заказе и отправилась в отдел канцтоваров. Она подошла к большому прилавку и поняла, что забыла, как называется краска, которую я попросил.

Она обратилась к первому попавшемуся ей покупателю и спросила у человека совета. Как это ни странно, перед ней оказался тот парень, который помог ей подобрать свитер для сына нужных размеров.

Он подозрительно посмотрел на маманю. По её внешнему виду, нельзя было твёрдо сказать, что она может хорошо рисовать. Молодой человек немного подумал и задал уместный вопрос: – А зачем вам акварель?

Немного гордясь своим старшим отпрыском, мама честно сказала: – Мой сын архитектор, и ему часто нужно «отмыть» фасады домов.

– Судя по свитеру, какой вы ему прикупили, он работает не архитектором, а маляром. – брякнул насупленный парень

и хмуро закончил: – Возьмите ему краски «ВДНХ».

Моя мама проглотила обиду, но купила именно то, что он предложил. Она вернулась домой, вручила мне эти наборы вместе со свитером и рассказала историю, что с ней приключилась в Москве.

Я попробовал ту акварель, что привезла мне родительница, то с огорчением понял, что данная краска никуда не годится. Она была предназначена для малолетних детей, которые только взялись рисовать. Она оказалась плохо «протёрта», а все цвета имели «грязный оттенок». Работать ей было нельзя, и обе коробки несколько лет валялись в нашей конторе.

Кстати сказать, свитер мне тоже не очень понравился, но он мне пришёлся удивительно впору. Да и зимою в Самаре достаточно холодно. Так что, пришлось его иногда одевать.

Постепенно, я к свитеру всё же привык. Благополучно носил положенный срок, а потом, с лёгкой душой отвёз на нашу скромную дачу. Там он бесследно пропал. Скорее всего, его украли бомжи.

Поездка в пургу

Однажды зимой, в кабинете зазвонил телефон. Я взял трубку и по голосу понял, со мной говорит директор конструкторского бюро, где я в то время работал. Как всегда, он не стал представляться, а сразу сказал: – Завтра с утра едем с тобой на объект. Так что, в семь часов будь на остановке трамвая у дома. Я тебя там подберу, потом захвачу глав. архитектора и мы двинем к северу области.

– Далеко? – спросил я начальника.

– Двести километров туда и двести обратно. – ответил мне шеф и отключился от связи.

На другой день, я оделся как можно теплее и вышел из тёплой квартиры. Я добрался до улицы, по которой ходил городской общественный транспорт, дошёл до остановки и приготовился ждать.

В назначенный срок, рядом со мной остановилась серая «Волга». Я открыл заднюю дверцу, забрался в салон и поздоровался с директором и его крепким шофёром. Машина тронулась с места и рванулась на Безымянку. Там мы посадили Ивана Ивановича и отправились в командировку.

Стояла середина зимы. Снегу в тот год выпало меньше обычного. Асфальт был удивительно чистым на всём протяжении нашей поездки. Выбравшись за окраину города, шофёр надавил педаль, и мы помчались вперёд со скоростью

под сто километров.

Часа через два машина добралась до районного центра Челно-Вершины. Мы нашли автохозяйство, куда нас направила необходимость, встретились с местным начальством и принялись за работу.

Пока шеф обсуждал договор, я и глав. архитектор обмерили здание, над которым нужно было работать. Мы собрали нужную нам информацию и к полудню завершили дела.

Местный руководитель взглянул на ручные часы и предложил нам пообедать. Мы согласились и направились прямо к столовой, стоящей на территории их предприятия.

Хлебосольный хозяин остановил наше движение и заявил: – Стол для гостей из Самары мы приготовили в другом помещении.

Мы сели в машину и отправились следом за «Волгой» начальника. Минут через пять, мы все приехали на главную площадь Челно-Вершин и затормозили у местной гостиницы. Затем, вошли в тесный холл и огляделись вокруг.

Стены и потолки украшала аляповатая роспись и неказистая с виду лепнина. Мы сняли куртки и шапки, сдали всё гардеробщице и отправились в небольшой туалет, вымыть пыльные руки.

Потом, появилась милостивая горничная. Она проводила нас в маленький зал для банкетов. Он оказался отделан в том же вычурном стиле, что и все помещения «отеля». Нас по-

садили за стол и принесли по тарелке горячего наваристого борща.

Только тут мы заметили, что наша компания вдруг увеличилась и стала больше на одного человека. К четырём гостям из Самары прибавился молодой капитан, одетый в поношенный китель армейского вида.

Хозяин автохозяйства открыл дверцу ближайшего шкафа, достал пару бутылок сорокаградусной водки и щедрой рукой налил всем, кроме шофёра. Мы с благодарностью подняли тост за удачную реконструкцию его предприятия. Все дружно выпили и стали закусывать тем, что Бог нам послал.

Нельзя, сказать, что стол ломился от каких-то невиданных яств. Еда не блистала изысками, но была очень свежей и хорошо приготовленной. А после «гуляния» на крепком морозе, да вслед за рюмочкой водки, она казалась до чрезвычайности вкусной.

Прерываемая короткими тостами, неспешная трапеза продлилась около часа. Когда она всё же кончилась, наш директор спросил: – Сколько мы должны за еду? – и получил очень приятный ответ: – Ничего! Всё за счёт предприятия.

Балагуривший весь обед, молодой капитан встал из-за стола. Он громко сказал: – До свидания. – и вышел из зала.

– Это районный пожарник? – спросил наш архитектор.

– По-моему, у него знаки связиста. – ответил глазастый шофёр.

– Так он не с вами приехал? – удивился хозяин застолья.

– Нет. Мы думали, что это Ваш человек. – сказал наш директор.

– Наверное, он проживает в этой гостинице. – встрял я в разговор.

– Хорошо. Я с ним потом разберусь. – закрыл неприятную тему местный начальник.

Мы выразили ему благодарность за тёплый приём и, особенно, за вкусный обед. Все вышли из уютного зала, оделись, сели в машину и помчались домой.

За то короткое время, что мы работали в Челно-Вершинах, погода успела испортиться. С неба посыпалась мелкая снежная крупка и началась слабая низовая метель. Внезапно, ветер усилился. Не встречая препятствий в обширной степи, он хорошо разогнался, поднимал в воздух белые шарики льда, и нёс их над стыллой землёй.

«Волга» выехала на пустынную трассу и двинулась к далёкой Самаре. Крепкий водитель обладал нужным опытом и больше не гнал под сто километров, как это делал сегодняшним утром. Он сбросил скорость и теперь выжимал не больше семидесяти.

Впереди показался крутой поворот. Притормозив, шофёр повернул руль направо. Тяжёлая «Волга» вошла в плавный вираж. В это самое время, ударил сильный порывистый ветер.

Идущий по снежной крупе, автомобиль потерял связь с дорогой, и двинулся юзом. Он выскочил боком на левую сторону трассы и влетел боковыми колёсами в придорожный кювет. Машина тотчас опрокинулась, совершила в полёте один оборот и, каким-то неведомым чудом, встала на четыре опоры.

Нам весьма повезло. В том месте, шоссе шло вровень со степью. Обочина трассы была очень ровной и завершалась почти незаметной канавой. Благодаря стечению всех обстоятельств, «Волга» не кувыркалась так долго, как если б она упала в овраг.

Мы чуть успокоились и осмотрели себя. Оказалось, что не пострадал ни один человек. Да и машина, не получила почти никаких повреждений. На наше счастье, все стойки и стёкла в кабине остались в сохранности. Только лишь крыша прогнулась немного в салон. Теперь мы задевали её головами.

Водитель выгнал нас всех на мороз. Сам влез внутрь до пояса и долго принюхивался. Бензином совершенно не пахло. Тогда он крикнул меня и велел выполнять все команды. Шофёр улёгся спиной на переднем сидении, указал на задний диван и приказал сделать тоже, что он. То есть, задрать сапоги и упереть в потолок их подошвы.

Я выполнил его указания, и ощутил, что наши колени чуть согнуты. Шофёр дал очередную команду. Мы одновременно выпрямили все четыре ноги. Стальной лист поддался сов-

местным усилиям и, с глухим стуком, прогнулся в противоположную сторону.

Выйдя наружу, мы осмотрели крышу у кузова и не разглядели на ней ни внушительных впадин, ни каких-то больших деформаций. Хотя много царапин, там наверняка появилось.

Водитель вернулся в машину, вставил и повернул ключ зажигания. Двигатель сразу завёлся и начал работать на холостых оборотах. «Волга» не спеша развернулась, выехала на шоссе и встала носом к Самаре.

Мы вновь забрались в салон и тут же продолжили прерванный путь. Только теперь, мы поехали со скоростью не более пятидесяти вёрст, а в повороты входили на сорока.

Всю дорогу до города, ветер дул с не слабеющей мощностью. Иногда сильный порыв налетал на машину, толкал её в бок, и она начинала скользить. Водитель сбрасывал скорость, и движение юзом тотчас прекращалось. Таким черепашьям шагом, мы добрались до дома почти четыре часа.

За это долгое время я видел пару аварий в разных местах. Двух «жигулят» сдуло в большие кюветы. Так же, как нам, водителям тех легковушек весьма повезло. Вокруг суетились какие-то люди, а рядом стояли грузовики. В нашей помощи никто не нуждался, и мы ехали дальше.

Встреча на зимней дороге

Мой старый приятель всю жизнь проработал шофёром. За долгие годы трудовой биографии он ездил на всём, что только имело мотор и колёса. Он начинал с древнего «ГАЗ-51» и закончил «Камазами» разного вида.

Несколько лет, ему приходилось водить знаменитый «УАЗ-452». Тот самый, который в народе называют «Буханка» или «Пилюля». Военные модификации кличут – «Таблеткой», потому, что чаще всего, их используют медики.

Эта машина выпускается Ульяновским автозаводом более пятидесяти лет. Она имеет два ведущих моста и обладает неплохой проходимостью. Такая особенность очень нужна в далёкой российской глубинке.

Особенно там, где нет шоссе с твёрдым покрытием и после любого дождя дороги тотчас превращаются в непролазную хлябь. Да и сугробы высотой до метра, там появляются каждую зиму.

Те, кто ездил в «УАЗике» знает, что двигатель автомобиля находится между креслом водителя и пассажира. Для обеспечения их безопасности, его верхняя часть закрыта съёмным капотом. При работе машины, он сильно греется и чтобы, люди не получили ожоги, сверху находится прочный чехол, сшитый из толстого заменителя кожи.

Как мне объяснил, как-то Степан, управление раздаточ-

ной коробкой автомобиля производится дистанционно. Для этого служат два рычага управления. Они установлены перед мотором, справа возле руля.

Верхний рычаг служит для включения и выключения передних колёс и имеет два положения: переднее, когда передний мост включен, и заднее, когда мост отключен.

Нижний рычаг предназначен для переключения передач в раздаточной коробке машины «УАЗа». Он может быть установлен в трёх положениях: переднем, когда включена прямая передача, нейтральном (среднем) положении, при котором ведомый вал не вращается, и заднем, когда включена понижающая передача.

Все эти подробности он взял из техпаспорта простого «УАЗа». Я повторяю их здесь так подробно, чтобы вы поняли то, о чём же пойдёт дальше речь.

Однажды, мой старый приятель мчался в Самару из родного села. Зимний день недавно угас, и стало совершенно темно. Началась низовая метель. Местами, узкую трассу занесло языками из снега. Наш герой часто катался по этой дороге, хорошо её знал и никуда не спешил. В сложных погодных условиях он всегда руководствовался русской пословицей: – Тише едешь – дальше будешь!

Он проехал пять или шесть километров и увидел «Буханку» с включёнными фарами и красным крестом на боку. Она стояла в невысоком сугробе, и зарылась в белое крошево по

самые ступицы. Окна заиндевели до такой сильной степени, что на них появились узоры, что затагнули всё стёкла сверху донизу.

Преграда из снега для пустого «УАЗа» казалась весьма незначительной. Степан слегка удивился: – Неужели застрял? Скорее всего, что-то сломалось. Водитель бросил машину и уехал на попутке за помощью. – подумал мужчина, но, на всякий случай, затормозил рядом «буханкой»: – Вдруг там кто-нибудь есть?

Он взял огромные валенки, стоявшие за передним сидением, сунул внутрь ноги, обутые в зимние сапоги на меху, и вышел из тёплых недр «Жигулей».

Едва он приблизился к автомобилю, как пассажирская дверца открылась. Из салона выбрался врач, с которым Степан когда-то жил по соседству. Едва переставляя конечности, эскулап устремился навстречу.

– Слава Богу! – пробормотал человек, которого в селе знали, как атеиста.

– У тебя печка работает? – спросил бледный медик. Его зубы стучали, словно большой перфоратор: – Наша вдруг, поломалась. Сидим целый час, а за всё это время не прошло ни единой машины. – он трясся от холода, словно хвост у овцы и едва шевелил синими, обескровленными губами.

– А что с вашим двигателем? – спросил мой приятель.

– Двигатель в полном порядке, да только машина почему-то стоит. – объяснил эскулап: – Ты ведь ездил на моей

«скорой помощи». Посмотри, что с ней случилось?

Степан открыл дверцу водителя. На шофёрском сидении дрожал молодой парень, лет двадцати. Мужчина согнал бе-долагу с удобного места и вместе с врачом отправил его в заднюю часть медицинской машины.

Затем, сел за руль, вдохнул стылый воздух и ощутил, что автомобиль промёрз удивительно сильно. Словно он целую зиму стоял на дороге. Самое странное, что двигатель тихо работал на холостых оборотах.

Не поверив ушам, мужчина отстегнул все защёлки, и снял «утеплённый» металлический кожух. В этот же миг, воздух, нагретый блоком цилиндров, рвался наружу. Тепло тут за-полнило скромный салон. Морозные узоры на окнах начали таять, а стёкла быстро очистились.

Увидев всё это, врач повернулся к ошарашенному моло-дому водителю и заорал во всё горло: – Ты почему так не сделал? Мы ведь чуть не замерзли здесь на хрен?

– Откуда я знал? – пролепетал обескураженный парень: – Я ведь на «ЗИЛе» в армии ездил.

Медик не стал слушать его оправдания и обратился к спа-сителю: – Глянь-ка пожалуйста, что же случилось с маши-ной? Почему, она встала, когда этот олух влетел в маленький снежный занос?

Степан осмотрел рычаги управления раздаточной короб-кой машины. Выяснилось, что нижний рычаг находится в

средней позиции, при которой ведомый вал не вращается. Он сдвинул его назад до упора, выжал сцепление, и «УАЗ» медленно тронулся с места.

Мужчина вывел машину на чистый асфальт, остановился и сообщил: – Когда твой водитель влетел в этот сугроб, он хотел перейти на пониженную передачу. К сожалению, он не довёл рычаг до конца, и поставил его в нейтральную точку. Поэтому, вал не вращался, а мосты не работали.

Выслушав и поняв все объяснения, врач пришёл в буйную ярость и начал кричать те слова, которые врачи не используют в ходе общения с другими людьми. Наконец, он успокоился и сказал: – Степан, ты куда сейчас направляешься?

– В город. – ответил мужчина.

– Ты ведь проедешь через Ивановку? Подкинь меня, пожалуйста, к брату. Я у него заночую. – сказал неожиданно медик.

– Да тут до околицы всего пять километров. – Степан ткнул рукой в направлении родного села и закончил: – Через четверть часа будешь дома.

– Я с этим ослом, больше никуда не поеду! – взорвался вдруг врач: – Завтра уволю его, к чертовой матери! – он взял чемоданчик с красным крестом на боку и пошёл к «Жигулям», что стояли поблизости.

Степан повернулся к водителю, покрасневшему, как помидор, и дал дельный совет: – Прежде чем садиться в маши-

ну, прочитай всю инструкцию по эксплуатации. А если куда-то поедешь зимой, бери обязательно с собою тулуп и тёплую обувь. – он показал на свои огромные валенки.

Затем, сел в легковушку, скинул бахилы из толстого войлока и бросил их между сидениями. Мужчина дождался, когда «УАЗ» рванулся к селу и повёл «Жигули» в противоположную сторону.

Спустя полчаса, Степан высадил молодого врача возле дома его старшего брата и отправился дальше.

Вечерний автобус

Эта история произошла в начале восьмидесятых годов прошлого, двадцатого века. Стоял конец жаркого августа. Воскресный день благополучно приближался к концу.

Новый автобус отправился в путь с автостанции, что находилась в одном из районов Куйбышевской области. «Икарус» выехал на широкую трассу и, набрав приличную скорость, помчался в направлении Сызрани. Быстро темнело. Впереди было около ста километров.

В те времена, многие люди трудились на заводах и фабриках, что размещались в больших городах. Сменив место жительства, они не теряли связь с теми местами, где обитали до переезда в промышленный центр.

Билеты в междугородних автобусах стоили на удивление недорого. Граждане часто приезжали домой, чтобы навестить всех родных, помочь в огороде, а заодно, взять гостинцы, которыми их постоянно снабжали любимые «предки».

Чаще всего, люди являлись в село в пятницу вечером, после работы. Два выходных они усердно трудились на семейных земельных участках. В воскресенье, уже ближе к закату, все возвращались обратно в Самару.

Уставшие граждане выходили на трассу и ожидали вечернего рейса. Все очень хотели вернуться домой до полуночи, сразу улечься в кровать, а утром вернуться на своё произ-

ВОДСТВО.

Водитель тормозил на всех остановках и подбирал там пассажиров. Они отдавали деньги за проезд в удобной машине и проходили в полутёмный салон. Затем, устраивались на мягких сидениях и засыпали под ровный рокот мотора.

В соответствии со своим расписанием, новый «Икарус» уже одолел две трети пути. Он заполнился почти до отказа и мчался по трассе, окружённой густым лиственным лесом.

Здесь не имелось каких-либо селений. Дорога была совершенно пустынной и прямой, словно луч яркого света, льющегося из фонаря. В вечернюю пору уже ощущалось приближение осени. Воздух становился прохладным, и атмосферная влага уже конденсировалась, в низких местах.

Водитель уверенно гнал огромный автобус и не видел в пути ничего необычного. Иногда попадались невысокие взгорки, но мощный «Икарус» поднимался на них безо всяких усилий. Среди пологих холмов встречались мелкие впадины, заполненные редким туманом.

Машина взлетела на очередную вершину, стремительно рванулась вперёд и быстро скатилась в небольшую долину. Шофёр втянул в себя воздух и ощутил резкий запах природного газа.

В этот же миг, горячая смесь просочилась в моторный отсек, где находился работавший двигатель. В проводке воз-

никла короткая искра. Произошёл мощный взрыв. Волна детонации ударила с ужасающей силой и все люди мгновенно погибли.

На месте автобуса немедленно вспух огромный огненный шар. Волна багрового пламени рванулась к овражку, что вёл в котловину, нырнула в него и побежала наверх по длинному склону.

Пылающий шнур оказался на просеке, по которой тянулся трубопровод под названием «Дружба». Пламя достигло места утечки, и прикоснулась к тоненькой трещине. Оттуда струёй вырывался пропан и бутан.

Природное топливо, что находилось внутри, сразу же вспыхнуло. Послышался оглушительный грохот. Прочный металл разрушился во многих местах. Тридцатиметровый кусок толстой трубы оторвало от продуктопровода и отбросило в сторону.

Находящийся под огромным давлением, газ рванулся наружу. Он вылетел в воздух, вспыхнул, как факел и зарёвел, словно двигатель межконтинентальной ракеты.

Отдача была так велика, что труба в метр диаметром начала резко двигаться. Она поднялась над землёй и моталась по воздуху, наподобие шланга, из которого под высоким напором хлестала вода.

Хвост яркого пламени прошёлся по ближайшей округе, словно был выброшен из огнёмёта. Стоявший вдоль просе-

ки, лес ярко вспыхнул. Начался сильный пожар. Ослепительный свет разогнал темноту. Его было видно за многие километры вокруг.

Диспетчеры трубопровода заметили снижение давления. Они отключили насосы и перекрыли задвижки. Топливо тотчас перестало подаваться в трубу. Однако, природного газа внутри оказалось так много, что он выгорал много часов.

Когда пламя потухло, спасательные службы прибыли на место пожара. Они осмотрели всю котловину и поняли, что в ней бушевал огненный смерч. Температура там поднималась до тысячи и более градусов. Вечерний автобус оказался в центре этого ада. От него сохранились только куски железных конструкций.

Едва почва остыла, как появились ремонтники. Они заменили трубу, и ценное топливо снова пошло к потребителю. Взамен испарившегося с дороги покрытия, уложили новый асфальт. О недавней трагедии напоминала лишь огромная пустошь, что осталась от леса.

Несколько строчек о тёще

Моя жена Лена относится к удивительно редкому типу людей. Они составляют всего двадцатую часть населения нашей планеты. Я имею в виду, обожателей классической музыки.

Остальные девяносто пять процентов землян предпочитают простонародные жанры. Начиная с жёсткого рока с попой и кончая горловым пением монголов и тамтамами антропофагов из Африки или Новой Гвинеи.

Несмотря на свою исключительность в отношении мелодических звуков, Лена любит ещё изобразительное искусство и книги. Тяга к чтению у женщины от её милой мамы – Светланы Анатольевны Хорват.

В своё время, моя просвещенная тёща окончила педагогический институт в Ленинграде. Она успешно защитила диплом и поехала по распределению в «солнечный» Мурманск. В тот чудный город, что расположен на юге от моря, носящего название Баренцева.

Там тёща устроилась в среднюю школу и стала преподавать в старших классах. Она вышла замуж за моряка и, в положенный срок, родила двух дочерей – Лену и Нату.

Они обе выросли в семье учителя русской словесности или, если выразаться точнее, на уроках литературы. Тёща рассказывала им народные сказки, которые знала из книг,

читала детские книжки, учила чтению и, конечно, письму.

После того, как девочки отправились в школу, она проверяла, как они выполняли задание на дом? Главным образом, по «своему» родному предмету. Она указывала на все ошибки, обличала небольшие погрешности и ставила детям в пример литературных героев. Начиная с Иванушки-дурачка, и кончая Павкой Корчагиным.

В девяностые годы, многие школы начали вдруг закрываться, и тёща ушла из учебного учреждения, где почти ничего не платили. Она долго мыкалась без всякой работы и, наконец, нашла себе место.

Дама устроилась в ближайшую библиотеку и стала заведовать залом, где сидели читатели. Зарплата оказалась едва ли не меньше, чем раньше, но рядом с ней всегда находились книги любимых писателей. Можно было, взять в руки потрёпанный томик и окунуться в блистающий мир упоительных грёз.

Так она и работала до семидесяти лет. Недавно вышла на пенсию, но продолжает читать интересные книги. Как бумажные, которые иногда покупает на свою скромную пенсию. Так и электронные, что качает из интернета через компьютер.

Она часто звонит моей жене Лене и советует ей прочитать ту или иную новинку. Ещё предлагает, посмотреть, тот или иной кинофильм. Обычно то и другое, относится к класси-

ке, зарубежной и русской.

Несколько раз, тёща пыталась читать мои короткие опусы. Воспитанная на стиле и слоге «высокой литературой словесности», она одолела пять-шесть рассказов и в сердцах заявила: – Так и хочется, взять и переделать всё от начала и до конца!

Зная свои недостатки, я не стал возражать и предложил ей сделать с моей писаниной всё, что она пожелает. К сожалению, я пока, не увидел никаких результатов. Будем ждать. Какие наши с ней годы?

Любовь к сочинению разных историй

Не стоит сейчас говорить о «боязни чистого листа», о «муках творчества», об «успехах и неудачах в построении фразы». Все грамотные люди нашей страны учились в общеобразовательной школе. Они писали изложения и сочинения, поэтому, знают об этом из личного опыта.

Те, кто «баловался стихами и прозой» и рассылал свои опусы по различным журналам, тем более. Так что, вряд ли удастся сказать, что-то новое по данной «волнующей» теме. Остаётся черкнуть пару слов о самих публикациях. Вдруг не у всех они уже есть?

Начинается всё с того, что редакторы не отвечают на ваши послания, в которых вы предлагаете им свои «нетленные» произведения. Оно и понятно – в России лет сорок идёт нескончаемый экономический кризис. Бумажные издания закрываются одно за другим, а с появлением компов, писателей стало больше читателей. Да и зачем тратить деньги на покупку печатной продукции, когда её можно бесплатно скачать в интернете?

Так что, если вы не вошли в обойму «классиков современной литературы», то не ждите быстрой реакции. Лучше привыкнуть к той мысли, что жизнь достаточно длинная. Кто

его знает, может быть, и вы тоже, когда-то прославитесь? Вас будут печатать большим тиражом, а к вашему мнению станут прислушиваться?

Правда, не стоит на это сильно рассчитывать. «Зубры литературы» отличаются редким здоровьем, долголетием и плодовитостью. Поэтому, «бумажным издательствам» хватает забот и без раскрутки «молодых талантливых авторов».

Но вот случилось невероятное чудо! Ваше «гениальное» произведение попало в нужные руки. Находясь в благодушном настроении духа, редактор прочёл его до конца и, почему-то, решил, что оно выделяется из общей реки «самотёка».

Вам приходит письмо, где сообщают отличные вести. Мол, поставят рассказ в длинную очередь, и может быть, издадут его в этом квартале, а скорее всего, в другом полугодии.

Первое время, вы прыгаете на месте от радости и с нетерпением ждёте, когда же выйдет ваш опус (повесть, роман, эпопея)? Вы постоянно рассказываете о предстоящем издании друзьям и знакомым.

Кроме того, лазаете по сетям интернета, следите за выходом печатной продукции, нужного вам журнала или издательства. Ваша душа дрожит от волнения, а глаза ищут родовую фамилию во множестве списков и перечней.

Месяц протекает за месяцем, но ничего не случается. Ваши пылкие чувства постепенно тускнеют, и по чуть-чуть угасают. Пик сильных эмоций остаётся далеко позади. Это когнитивное искажение восприятия мира врачи называют – психологическим опережением.

Потом вдруг выясняется, что человек, что клялся вас напечатать, внезапно уволился. Журнал или издательство переключилось на другую область литературы, а то и вовсе закрылось. Остаётся только всплакнуть над погибшим «проектом» и двигаться дальше.

Некоторым снова везёт. Их новый опус (повесть, роман, эпопея) попадают в планы какой-то редакции. Всё повторяется снова, но так же томительно долго и всё в той же, последовательности.

Наконец, ваше «нетленное» произведение всё же выходит из ворот типографии и попадёт в равнодушные руки читателя. К сожалению автора, к этому времени, ничего кроме печали, оно вызвать уже не сумеет. Слишком долго он ждал.

Потом, вы узнаете о том, что ваш «потрясающий труд» никем не замечен! Он оказался в длинном ряду таких же обложек и не вызвал ажиотажа у грамотной публики. Лишь пара интернетовских троллей, поселившихся в сайтах, так расчихвостили вашу «нетленку», что хоть из дома беги.

– «Столько бессонных ночей ушло на мой новый опус (повесть, роман, эпопею)» – размышляет бедняга: – «а всё

для того, чтобы безвестно пропасть в бурном море подобной продукции».

Чаще всего, этим всё и кончается. Разуверившись в личных «великих» способностях, сочинитель бросает перо. Он возвращается к прежней размеренной жизни и уже никогда не мечтает о славе. Таких было много во все времена. Когда-то давно появился даже специфический термин – «писатель единственной книги».

Сейчас дела обстоят значительно хуже. Если в вас не заметил какой-то издатель, то не спасут даже нескольких малотиражных романов. Вам их не хватит на то, чтобы стать популярным писателем. О положении «ведущего» или «известного» «инженера человеческих душ» и говорить не приходится.

Несмотря на все эти препоны, кто-то продолжает строчить день и ночь. Что их гонит к клавиатуре компьютера, они сами толком не знают. Заработать огромные деньги и стать знаменитым им точно не светит. Внести новое слово в культуру, тоже вряд ли получится. Всё уже много раз описали другие. Часто очень даже талантливо.

Остаётся только «любовь к процессу создания текста». Ведь это так увлекательно, ощущать себя настоящим творцом литературного образа. Тем более, что твой герой, порою становится самостоятельным и ведёт себя вовсе не так, как хотелось бы автору.

Иногда даже не знаешь, что же он выкинет в последний

МОМЕНТ...

Воспоминания о прошлом

Однажды, я зашёл в интернет. Там я увидел, что один из сайтов рунета проводит литературный конкурс под названием – «Семейная реликвия». Насколько я помню, слово реликвия означает – «вещь, свято хранимая, как память о прошлом».

К огромному сожалению, ни я, ни моя жена Лена не относятся к древним боярским, дворянским и, тем более, к банкирским родам. Типа Морганов, Ротшильдов или Рокфеллеров.

Великих или хотя бы, известных людей: писателей, путешественников, военных и государственных деятелей, в наших двух семьях, тоже, увы, никогда не имелось. Это у них полно драгоценных вещей, которые они сохраняют в своих фешенебельных замках и передают по наследству.

У нас с Леной все обстоит совершенно иначе. Обе наши фамилии, как говорили когда-то: – «Вышли из плоти народной!»

То есть, нет у нас ни дворцов, ни имений, ни каких-то особых реликвий. Да и откуда им взяться? Был в моём роду предок, который при царе Николае II, имел скромную мельницу и трёх лошадей с приличной коляской. Да и там всё закончилось плохо.

Как-то раз, он ехал с родными на церковную службу. Ну,

а дальше всё пошло именно так, как печально поётся в замечательной песне: – «Сшиблись кони с моста...»

Вся семья сразу погибла при падении в реку. Уцелела лишь их новорождённая дочь, что была дома под наблюдением няни.

Совершенно естественно, что всё имущество тотчас растащили, и превратилась моя дорогая прабабушка, как говорили тогда, в «бесприданницу». Слава Богу, что не умерла ещё с голоду.

Потом, она выросла и вышла замуж за вдового пожилого крестьянина. Она воспитала пятерых приёмных и трёх общих детей и всю жизнь проработала в обычном колхозе, в огороде и поле.

В семье Лены произошла похожая драма. Один из её предков занялся продажей скота и поднялся на уровень купца средней руки. После очередной крупной ярмарки он, с большими деньгами возвращался домой. Его схватили бандиты в глухих местных лесах, обобрали до нитки и жестоко убили.

Узнав о смерти мужчины, нагрянули его кредиторы. Они описали имущество несчастной семьи и отняли всё за долги. Люди едва не умерли с голоду. Они стали разнорабочими, ну, и так далее...

О других наших предках даже сказать, в общем-то, нечего. Они родились в глухих деревнях «великой» России. Все жили впроголодь и бились в тисках нищеты, как сказано в

Библии, от «вонючей пелёнки до смердящего савана».

Потом пришла революция, сражения гражданской войны, восстановление народного хозяйства страны, коллективизация и снова война. На этот раз, с фашистской Германией.

Снова восстановление СССР, построение социализма и «КАТАстройка». То есть, реставрация капитализма под управлением «верных Ленинцев» – Мишки Горбатого и вечно пьяного Ельцина. Затем, наступила черед вечных кризисов разного рода. Они тянутся до настоящего дня и никому неизвестно, закончатся ли вообще?

За это долгое время даже «небольшое богатство» обошло наши семьи далёкой сторонкой. Так что, обзавестись кое-какими предметами, чтобы их передать по наследству, тоже как-то не вышло.

В «бесноватые девяностые» у меня имелись знакомые среди тех, кто пошёл в криминал. Можно было, пойти вместе с ними, сколотить состояние и оставить детишкам такие реликвии, как электроутюг или бейсбольную битку. Но я почему-то не смог.

Единственное, что мне осталось от предков, это фотография дедушки Соболева Федора Терентьевича в форме солдата РККА. Сняли её в 1940, «предвоенном» году, когда его вдруг призвали на компанию с Финской республикой. Потом, ему некогда было позировать перед объективом.

До 1945 года он находился на передней линии фронта, до-

шёл до Берлина и расписался на стенке Рейхстага. После чего, был отправлен на Дальний Восток, где воевал с самураями.

За боевые заслуги Советская Родина наградила его медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За Победу над фашистской Германией» и «За Победу над милитаристской Японией». Домой он вернулся лишь в 1947-м.

В семье Лены произошло почти тоже самое. Её дедушка Николай Степанович Хорват окончил техникум в 1941 году. С первого дня той войны он оказался на фронте, где в качестве офицера-строителя возводил аэродромы и укрепления разного рода. Был награждён двумя орденами «Красной звезды», орденом «Отечественной войны» и медалью «За победу над Германией».

От прабабушки, что пожила какое-то время купчихой, Лене досталась выцветшая фотография размером с небольшую открытку. Вот, пожалуй, и всё, что у нас есть из семейных реликвий.

Сосед по площадке

Всю жизнь, Татьяна Корнеева провела в многонациональном Баку. Здесь она родилась, и все детские годы обитала в небольшой «самоделке». Её молодые родители, без чьей-либо помощи, построили маленький домик из пилёного камня.

Он прилепился к склону высокой горы, стоящей возле окраины азербайджанской столицы. Одноэтажное здание оказалось удивительно скромным и не отличалось от тысяч таких же неказистых построек.

Затем, Таня выросла. Она окончила среднюю школу и стала работать на крупном заводе. Девушка познакомилась с крепким покладистым парнем, приехавшим из далёкой России, и безумно влюбилась в него.

Николай тоже заметил Татьяну. Он пригляделся к юной станочнице и обнаружил в себе такие же пылкие чувства. Через два с чем-то месяца они поженились. Жить новобрачным было, к сожалению, негде. Пришлось поселиться в отчем доме невесты.

Молодые супруги прожили там, в тесноте, но в уюте, несколько замечательных лет. Они завели двух малых деток и, к удивлению соседей, получили квартиру от своего производства.

В советские времена, в огромном Баку такое событие происходило нередко, но чаще всего, только с «блатными»

людьми. А тут нате вам братцы, пожалуйста. Простым работягам, вдруг выдали ордер на проживание в сталинском «профессорском» доме.

Татьяна и муж собрали немудрёные вещи, взяли детей и переехали в большую, по их собственным меркам, квартиру. Они познакомились со всеми соседями и с удивлением узнали невероятную вещь. Выяснилось, что рядом с ними, на одной площадке по лестнице, поселился весьма непростой пожилой человек.

Он служил академиком каких-то очень мудрёных наук, был женат на красивой ухоженной женщине и являлся отцом двух детей. Судя по прекрасной одежде мужчины и всей его дружной семьи, зарабатывал он очень прилично. Не то что, работяги с завода.

Кроме того, он имел персональную «Волгу». Машина въезжала во двор каждое утро, увозила профессора неизвестно куда, а вечером возвращала обратно. Ещё у него была домработница. Она убиралась в квартире, покупала продукты на рынке и готовила свежую вкусную пищу.

Первое время, учёный не замечал «пролетариев», и не отвечал им в ответ на приветствия. Постепенно он привык к «беднякам», но так же, как прежде не позволял себе с ними никакой фамильярности. Сухо кивал при встрече на лестнице, вот, пожалуй, и всё.

Жестокое время неумолимо летело вперёд. Жена акаде-

мика вдруг заболела и скоростижно покинула наш замечательный мир. Дети стремительно выросли, стали студентами и уехали учиться в Москву. Закончив курс института, они не вернулись в Баку, а отправились уже за границу, продолжать обучение. То ли, в Англию, то ли, в Америку? Татьяна точно не знала.

Профессор остался совершенно один. А тут ещё старость внезапно приблизилась. Большого учёного «попросили на заслуженный отдых», а он не смог им отказать. Как только, мужчину «проводили» на пенсию, так сразу забыли о нём.

«Волга» исчезла вместе с домашней работницей, и пришлось человеку лично решать все проблемы. А он, между прочим, всю жизнь витал в империях, двигал науку вперёд и мало что понимал в обыденной жизни.

Тогда бывший учёный вдруг вспомнил, о «бедных» соседях. Он пришёл как-то к Татьяне и попросил её заниматься его домашним хозяйством. К счастью мужчины, пенсия у него оказалась довольно хорошая. Он мог позволить себе заплатить за заботу соседки, и она согласилась.

Подростие Татьяны дети ходили ему за продуктами и другой мелочёвкой, вроде вина или курева. Она забегала к нему после работы, по выходным или по праздничным дням. Женщина приводила квартиру в порядок, готовила ему вкусной еды на несколько дней и все были очень довольны таким положением дел.

Так прошлое много лет. Академик очень сильно состарился, перестал спускаться со своего этажа, и о нём во дворе все постепенно забыли. Теперь лишь Татьяна навещала и ухаживала за пожилым человеком.

Затем, пришла к нам беда, которую мы и вовсе не ждали. Сперва объявили о перестройке, которая перетекла в катастрофу. За ней вдруг случился развал великой державы, а с ней началась безумная «приХватизация».

После чего, нагрянули чистки по национальному признаку. Кто-то из властей предержавших, вспомнил о «несносных» армянах, и записал их врагами своей новой «великой» страны.

Соседи, с которыми азербайджанцы бок о бок прожили множество лет, вдруг превратились в изгоев. Их выбрасывали из квартир и домов, в которых те родились, росли и мужали. «Хачиков» стали ловить прямо на улицах и избивать. Причём, с такую звериной жестокостью, что очень часто всё дело кончалось убийством.

Кто-то неожиданно вспомнил, что академик тоже «проклятый армяшка». Среди бела дня, к дому подъехала пара блестящих иностранных машин. Из них вывалилась группа пьяных небритых парней. Подбадривая друг друга грозными криками, они ворвались в тихий подъезд.

Бандиты держали в руках новомодные бейсбольные биты, которые советские люди раньше встречали только в американском кино. Они поднялись на площадку и принялись ко-

лотить в добротную дверь.

На стук вышел седой академик, а следом за ним пожилая Татьяна, которая в то время возилась на кухне. Профессор давно не появлялся на улице. Соседи уже и не помнили, что ему больше восьмидесяти лет. Как любой армянин, он никогда не выглядел молодо. Ну, а сейчас, по прошествии множества лет, показался старым настолько, что бандиты сразу притихли.

Как ни крути, все учились в советское время и им успели вдолбить уважение к преклонному возрасту. К тому же, это разное дело: бить здоровых мужчин, пусть и впятером одного, и совсем другой коленкор, воевать с ветхим дедом, что еле дышит на ладан. Ведь это против любых нравственных норм.

Потоптавшись перед дряхлым соседом, бандиты немного помялись и, не сговариваясь, повернули назад. Лишь главарь крупной шайки переступил чрез моральный порог. Перед тем как уйти, он сказал: – Завтра утром придём к тебе снова. Если квартира не будет свободной, пеняй на себя. Нам придётся с тобою разделаться.

Едва их шаги затихли на лестнице, Татьяна предложила учёному: – Пойдём, соберём твои вещи.

– Зачем? – удивился профессор: – Всю жизнь меня все уважали, а теперь я стану бездомным бродягой? Для чего мне терпеть ужасный позор и такие мучения? Пусть меня

завтра убьют, но я не буду слоняться по улицам.

– Будешь жить вместе с нами. – сказала Татьяна и пошла искать чемодан для одежды профессора.

К тому ужасному времени, деньги совсем обесценились, и чтобы хватало на нормальную жизнь, профессор давно уже продал все ценные вещи. Кроме множества книг, у него больше ничего не осталось. Так что, Татьяна сама всё смогла унести.

Академик забрал только фото жены и детей. Он побродил по своему, уже бывшему, дому, вышел на лестницу и, не закрыв дверь на ключ, двинулся в квартиру соседей. Ему отвели небольшую комнату, где раньше была детская комната. Там старик и устроился.

Утром нового дня, квартиру профессора осмотрел большой «демократ», который в то давнее время, часто мелькал в телевизоре. С ним вместе явился главарь тех бандитов, что приходили вчера.

«Радетель Великого Азербайджана» прошёлся по комнатам и остался доволен «добытым трофеем». Он приказал, отправить на свалку все книги, картины и старую мебель, а в доме сделать евроремонт.

Покончив с армянами, «сознательные азербайджанцы» круто взялись за прочих «русскоязычных».

– Чемодан, вокзал, Россия! – в те дни, эти слова были самыми модными в СССР и гремели они во всех бывших

«братских» республиках. Азербайджан был в числе лидеров «народного освобождения от оккупантов».

К счастью Татьяны, её квартиру, почему-то, не тронули. То ли, припомнили, что они тут живут уже долгие годы и говорят на местном наречии, значительно лучше, чем коренные «азеры»? То ли, ещё по какой-то причине?

Скорее всего, потому, что в семье были очень хорошие люди, что не делали зла никому из соседей. К тому же, они не позволили всем окружающим взять страшный грех на свои чёрствы́е души. То есть, приютили больного профессора и дали ему спокойно дожить до смертного часа.

Халтура

Время подходило к полуночи. Я разделся, улёгся в кровать, и приготовился спокойно уснуть. В этот момент, ожил телефон. Чертыхнувшись, я встал и взялся за трубку.

– Привет! – закричали на том конце провода: – Это Мила с тобой говорит, узнаёшь?

– Узнаю. – без особой радости сказал я в ответ: – Что это ты так поздно звонишь?

– Я только, что поговорила со своей старшей дочкой. – затараторила Мила: – Алла несколько лет проживает в Америке. Её друг открыл архитектурную фирму. Ему нужны люди, которые могут чертить на компьютере. Ты вроде бы изучал «AutoCAD»?

– Я и сейчас работаю в нескольких подобных программах.

– Прекрасно! – бросила Мила: – А ты можешь... – она вдруг запнулась и начала неразборчиво мямлить: – это, как её... сейчас посмотрю... я тут всё записала... а вот, наконец-то нашла. – она облегчённо вздохнула и прочитала голосом московского диктора: – ...создать виртуальный макет крупного здания.

– Конечно. Я делаю трёхмерную графику и печатаю с этих моделей цветные картинки. Затем, представляю заказчику и главному архитектору города или района, где намечается строительство здания.

– Отлично! Алла приедет ко мне дней через десять. Ты сможешь показать ей проекты?

– Приходи с ней в контору, где я сейчас подвизаюсь. Альбомы с картинками у меня на работе.

– Алла просила меня записать твои проекты на лазерный диск, чтобы её милый друг мог их посмотреть. Если ему это понравится, он завалит тебя своими заказами. Сделаешь?

– Запросто!

– Договорились. Как только Алла приедет, я тебе позволю. Пока. – Мила бросила трубку и, наверное, отправилась спать.

Зато у меня сон бесследно пропал. Ведь впереди замаячила неплохая халтура. Может быть, она повторится несколько раз. И даже, чем чёрт не шутит, возникнет возможность заявить о себе, как об архитекторе, в далёкой Америке.

Зарплаты, как пишут в газетах, там очень высокие. С нашими низкими ставками их никак не сравнить. Приятель, который обитает в Германии, как-то сказал, что у них такая работа стоит в пять раз дороже, чем здесь. В Америке платят, наверно, не меньше. И объекты, скорее всего, интереснее, чем в нашей провинциальной Самаре.

Полночи я ворочался в койке и грезил непонятно о чём. Утром я пришёл на работу. Первым делом, собрал самые интересные фото, записал их на лазерный диск и стал ожидать суматошную Милу и её дочку Аллу.

Ждать пришлось достаточно долго. Я уже стал забывать тот ночной разговор. У архитекторов это часто бывает. Сначала маячит большая работа. Потом, заказчик куда-то исчезнет, тем дело, обычно, и кончится.

Недель через пять, зазвонил телефон. Мила сказала, что Алла приехала, и они прямо сейчас забегут ко мне на работу. Они появились минут через сорок. Я ожидал, что за годы, проведённые в Штатах, Алла уже превратилась в этакую «столичную штучку».

Взглянул на неё и понял, что крупно ошибся. Потом начал с ней говорить и, после двух предложений, вновь изменил своё мнение. Внешне она, как была, так и осталась плохо одетой простушкой. Зато гонору у неё появилось, хватит на трёх москвичей.

Я принёс альбом со своими работами. Цветные картинки лежали в кабинете директора, и она их предьявляла потенциальным клиентам. Особенно в тех частых случаях, когда убеждала людей в высоком уровне нашей проектной конторы. Обычно, заказчики велись на красивые фото. Ну а дальше шёл разговор, по поводу цены договора.

Миле тоже все очень понравилось, и она завалила меня кучей любезностей. Алла вела себя по-другому. Она листала страницы с высокомерием наследной принцессы, случайно попавшей в убогую лавку старьёвщика. Мало того, презрительно фыркала и повторяла, что её милый друг делает вещи

более высокого класса.

Я компенсировал презрение дочери, восхищением матери и смиренно сносил девичий снобизм. Архитектура, как и всё остальное искусство, это полная, на мой взгляд, вкусовщина. Хотя, если честно сказать, мнение и той и другой, не вполне отражали действительность. Истина, как мне казалась, находилась где-то в серёдке.

Алла завершила просмотр. С большой неохотой взяла лазерный диск с моими картинками и лениво сказала: – Это я отправлю в Америку, поговорю по телефону с приятелем и расскажу о своих впечатлениях. Если он вдруг захочет, с вами работать, то он позвонит. – сухо простившись, она двинулась к выходу.

Мила слегка задержалась. Какое-то время она расточала мне комплименты. Затем, поспешила за дочерью.

История с ожиданием ответа повторилась опять. Я уже выкинул из головы мысли об американской халтуре, и тут зазвонил телефон. Это произошло на работе, в пятницу, в девять утра.

– Здравствуйте, мой друг посмотрел ваш лазерный диск. – вдруг зачастила моя собеседница. Это так не вязалось с ленивой манерой вести разговор, что я невольно подумал: – «Видать, для неё очень дорого звонить в Самару из Штатов».

– В принципе моего парня устроило качество ваших картинок, но он хочет сам проверить ваши умения. Так сказать,

провести маленький тест. Вы с этим согласны?

Я был весьма удивлён. Какой ещё тест, если на диске записано три десятка работ, начиная с коттеджей и многоэтажных домов и, кончая торговыми центрами и цехами заводов. К моему сожалению, чаще всего в нашей жизни, архитектор находится не том положении, чтобы перечить заказчику.

– Хорошо. – сказал я: – Тест, значит тест.

– Мы послали по электронной почте чертежи скромного домика. Сделайте 3D-модель и картинку с неё. Кроме того, мы послали вам образец. Это здание школы сделал мой друг. Посмотрите, с каким качеством нужно исполнить работу. – дальше она перечислила типы отделки цоколя, крыши и стен.

– Сколько времени это займёт? – прервала она свой монолог.

– Если домик не очень большой, то дня два на модель и часов восемь на рендер (это построение компьютером фотореалистичной картинки с видом трёхмерной модели).

– Договорились! – ответила Алла и бросила трубку.

Я тут же проверил свою электронную почту, открыл письмо и увидел, что нём нет ни единого слова. К нему прилагалась картинка и файл «Автокад». Ожидая увидеть нечто особое, я торопливо открыл «Образец». На экране виднелась двухэтажная школа с большой галереей, примыкавшей к фасаду.

Честно сказать, я был слегка раздосадован. Работа, на мой взгляд, была очень посредственной. Я бы даже сказал – ученической. Поделки студентов выглядели приблизительно также.

Впрочем, и мои большие работы тоже кому-то не нравились. Как всем известно, на вкус и на цвет, товарищей нет. Кто-то предпочитает арбуз, а другому давай кусок буженины.

Открыв второй файл, я разглядел планы скромного домика. Чертежи произвели на меня впечатление студенческого курсового проекта. На них не имелось размеров. Не нашлось там и столь важных частей, как разрезы с фасадами.

Домик, по нашим понятиям, оказался довольно приличным – 15 на 18 метров в длину, два этажа, плюс высокий полуподвал. У него оказалось много крылец и наружные лестницы, ведущие на все этажи.

Как выяснилось из поясняющей надписи, это был «досуговый центр». Подобные здания в Штатах строят в небольших городках. Американцы встречаются там со своими соседями и обсуждают проблемы, возникшие на их территории.

Прежде чем делать модель, мне пришлось образмерить все планы, и прикинуть фасады. На это ушло четыре часа. Впереди были два выходных, но на всякий случай, я взял на понедельник отгул на работе.

В связи со множеством лестниц, разных крылец, и наружных дверей, работы оказалось на удивление много. Три дня,

я пахал, как папа Карло, отец Буратино. Трудился по двенадцать часов.

Крышу, козырьки и прочие архитектурные штучки, Алла не обсудила со мной. Я сделал их на собственный вкус. Наконец, я закончил модель. Сделал с неё цветную картинку и отослал в США.

Ближе к концу понедельника, за минуту до полночи, раздался длинный междугородний звонок. Алла вновь начала тараторить: – Мы получили ваш файл, но не можем его просмотреть. Пошлите его, пожалуйста, снова.

Я стал ей объяснять, как можно открыть самораспаковывающийся архив с расширением exe. В конце концов, сдался и хмуро признал, что файл мог быть испорчен при пересылке из одного конца паутины в другой.

– Хорошо. – вздохнул я. – Завтра утром пошлю его снова. – в девяностых годах, дома у меня не имелось выхода в электронную сеть. Я использовал почту на рабочем компьютере или заглядывал в интернеткафе. Уснул я достаточно трудно и спал очень тревожно.

Часов через шесть, меня разбудил дребезжащий сигнал: – Вечером мне звонила Алла из Штатов, – не здороваясь крикнула Мила. Дочь говорит... – далее повторился весь разговор, произошедший вечера.

– Пожалуйста, отправь ей картинки! – несколько раз попросила меня разгорячённая дама. Я несколько раз обещал.

Выслушав мои заверения, она, наконец, успокоилась и отключилась от связи. Придя на работу, я снова отправил Алле картинки.

В полночь, у меня в изголовье раздалась телефонная трель. Звонили из Штатов. Не здороваясь, Алла рванулась в атаку: – Мой друг посмотрел все ваши картинки. В общем, всё это нормально, но готовьтесь к тому, что придётся исправить много деталей.

– В честь чего? – удивился я её странным словам. – Речь шла только о тесте. Я его выполнил, и на этом всё кончилось.

– Мы заплатим за ваши труды, только вы должны сделать работу буквально на днях. И возможно, придётся несколько раз вносить изменения.

– И о каких же деньгах мы сейчас говорим? – проявил я интерес к увлекательной теме.

– Сто баксов! – твёрдо заявила она.

В моей голове послышался механический скрежет. Завертели колёса ржавого арифмометра жадности: – Сто долларов, минус деньги за перевод, итого девяносто. – мгновенно провёл я расчёт про себя и двинулся дальше в своих рассуждениях.

– Насколько я знаю из писем приятеля, посудомойка в Штатах, получает минимальную ставку – пять долларов в час. Сто разделить на пятёрку, получается двадцать.

В общей сложности, я проработал все сорок часов. Учи-

тывая моё «верхнее» образование и длительный стаж, мой труд оплатят по половинной ставке уборщицы. Причём, за эти же деньги мне ещё предстоит, несколько раз переделать модель. Это тоже займёт сколько-то времени.

– Извини Алла, – сказал я сурово: – но такая сумма меня не устроит.

– Но почему? – удивилась она.

Я не стал говорить про Германию, а остановился на том, что сказал девушке сушую правду: – Потому что, в убогой России за такую работу платят вчетверо больше.

– Но у нас эта модель стоит именно столько! – взвизгнула Алла.

– Значит, наймите студента из колледжа. Или поищите в другой, более бедной стране. Может быть, и найдёте умельца, что будет неслыханно рад означенной сумме. Наверняка есть несчастные люди, в горных районах Тибета и Африки.

Алла ещё, что-то кричала, но мне наскучили препирательства с ней, и сухо простившись, я нажал на отбой. Улёгшись в постель, я долго ворочался и уснул не раньше двух пополуночи.

В семь часов, меня разбудил местный телефонный звонок. В голосе Милы слышались горькие слезы: – Аллочка позвонила мне вечером. – всхлипнула дама. – После её объяснений я всю ночь не спала. Еле дождалась утра, чтобы связаться с тобой.

Аллочка говорит, что ты сильно подвел её милого друга. Ты обещал сделать для них какой-то проект. Они договорились с заказчиком, а ты всё сорвал. Аллочка говорит, что если ты не хочешь дальше работать, пришли им свой файл с трёхмерной моделью.

– С какой это стати? – возмутился я не на шутку: – Я тридцать три года служу архитектором. Много зданий построено по моим чертежам. Я показал Алле все большие работы за последние две пятилетки. Записал их на лазерный диск для её милого друга.

И вдруг ейный приятель, как заявила мне Аллочка, решает устроить мне тест. То есть, проверить, могу ли я хоть как-то работать с трёхмеркой? Я согласился лишь для того, чтобы им показать, с какой скоростью я умею ворочать 3D.

После того, как я сделал картинки, выясняется, что это вовсе не тест. Оказывается, что у них есть заказчик на этот «досуговый центр». Я должен исполнить все «хотелки» клиента, а они мне заплатят сотню «зелёных баксов». Да за подобные деньги в Америке только посудомойки работают.

Теперь, я должен отправить им файл с трёхмерной моделью, чтобы они продолжали работать с заказчиком. Так вот, передай своей Аллочке, что я дарю ей картинки, которые ей отослал.

А на сто сэкономленных долларов пусть сходит с другом в ближайший «досуговый центр». То бишь, в мультиплекс. Посмотрят там фильм, скушают ведёрко попкорна, пару мо-

рожденных и попьют кока-колы. Может быть, они и уложатся в эти огромные деньги.

На все мои объяснения Мила только вздыхала и просила связаться с Аллочкой ещё один раз.

Скрепив своё сердце, я согласился, оделся и пошёл на работу. Там сел за компьютер, написал и отправил письмо в далёкие Штаты. В тексте я сообщил, что если бы не её добрая мать, я бы не стал продолжать разговор. Но так как, Мила меня попросила, то сообщаю, на каких конкретно условиях я буду с ними работать.

До начала проекта, мы должны обсудить три главных вопроса: что нужно сделать, в какие сроки и за какую оплату? Если мне что-то не нравится, я отклоняю заказ. Работу я начинаю лишь после того, как получаю аванс в полсотни процентов. Файлы отдам после расчёта. Как и следовало ожидать, ответа я не дождался.

Через пару недель, позвонил мой старый товарищ, который лет восемь, как обретается в Штатах. Сам он чистокровный еврей и уехал с семьей по еврейским каналам.

Поговорив обо всем понемногу, я рассказал ему о моей неудачной халтуре и об оплате в сто зелёненьких баксов. На что он грустно ответил: – В Америке, за восемь часов, водитель машины получает значительно больше.

Пару секунд он помолчал и продолжил, осторожно подбирая слова: – Очень многие... – он снова ненадолго замял-

ся, и тихо закончил: – ...советские эмигранты... поступают именно так, как твоя знакомая Аллочка. Хорошо, что ты с ними не стал дальше работать, они бы тебе и этих грошей не отдали...

– Больше иностранных заказчиков у меня никогда не имелось. Я работал лишь с теми людьми, что проживали в Поволжье. Наверное, это и к лучшему. Не то, всеми ночами ругался бы с каждым клиентом.

Рассказ печника

В конце пятидесятих годов двадцатого века мне шёл пятый год со дня появления на свет. Поэтому я, по своему малолетству, жил вместе с родителями. Тогда наша семья обитала в Баку. Этот внушительный город и по сегодняшний день является центром Азёрбайджанской республики.

В те времена, эта небольшая страна входила в состав СССР. Там можно было увидеть представителей самых разных народов. В том числе, постоянно встречались и русские люди. Не то что, сейчас.

Часть из них появилась на той территории ещё в правление Екатерины Великой, когда шло «присоединение Кавказа к России». Все остальные оказались на Апшероне, значительно позже. А если выразаться точнее, то сразу после того, как возле Каспия обнаружили нефть. Причём, нашли её там, в огромных количествах.

Промыслам требовалась уйма людей, чтобы обслуживать те установки, что усердно бурили пустынную землю. Мало того, нужно было построить железнодорожные ветки, для отправки сырья за границу Бакинской губернии.

Вслед за ростом добычи «чёрного золота», начала развиваться промышленность. В том числе и производство керосина с бензином. На всех предприятиях должен был кто-то трудиться, поэтому рабочих различных профессий везли со

всех концов огромной империи.

Местное население, в основном, занималось животноводством и сельским хозяйством. Люди разводили там коз, овец, лошадей и выращивали виноград и овощи с фруктами.

После образования СССР, горючего требовалось всё больше и больше, и приток специалистов только усилился. Дело дошло того, что город Баку стал фактически русским. Как-никак, а сорок процентов всего населения, это не шутки.

Кстати сказать, в те времена, азербайджанцев в столице было в два раза меньше, чем представителей всех прочих народов. Все, как один, общались на языке Толстого и Пушкина, и никто никогда не выпрашивал национальностью своего собеседника.

Если сказать откровенно, то дела с жильём тогда обстояли неважно. Поэтому, много людей обитало в, так называемых, «самоделках». Их строили из пилёного камня, который назывался ракушечник.

В этих сооружениях имелся лишь электрический свет. Во дворах размещался металлический кран, играющий роль водоразборной колонки. Все остальные удобства находились в общественной надворной уборной, которая была лишь одна на десятки домов.

Наша небольшая семья обитала в такой же скромной «халупе», как и все остальные соседи. То есть, мы обладали двумя тесными комнатами, каждая метров двенадцать-пятна-

дцать. Одна служила нам «залой». Ну, а другая, совмещала в себе множество функций.

Во-первых, в ней стояла кровать, на которой я спал. Во-вторых, она являлась прихожей. Из неё можно было пройти прямо с улицы в нашу гостиную. В-третьих, здесь, в самом центре, размещалась «семейный очаг», на котором варили еду.

Нужно сказать, что это устройство, совсем не похоже на традиционную русскую печь. Скорее это была, кухонная плита, сложенная из кирпича. Она стояла вплотную к наружной стене.

Плита представляла собою большое корыто высотой со стол и размером восемьдесят сантиметров на метр. В передней, длинной части данного короба имелась чугунная дверца, как у обычной «печки-голландки».

Сбоку находилась труба диаметром в дюйм. По ней, внутрь подавался природный газ, что шёл с нефтепромыслов. Кран, что открывал и прекращал поступление горючего, находился снаружи. Это была железная поворотная ручка на магистральной трубе.

Сверху плита закрывалась толстой чугунной пластиной с двумя конфорками переменных диаметров. То бишь, конфорки состояли из разноразмерных съёмных колец, что вкладывались одно в другое.

Причём, одна группа колец была чуть побольше второй. Таким образом, имелась возможность отрегулировать раз-

мер той дыры, из которой яростно пыхало открытое пламя.

Не знаю, как в Азербайджане сейчас, а в те далёкие годы, центрального отопления в Баку не имелось. Поэтому, эти устройства являлись не только кухонными плитами, но и печами для обогрева жилища.

В холодные дни, люди усиленно жгли «голубое горючее» и ожидали, пока раскалится вся эта конструкция. После чего, перекрывали подачу природного газа и ложились в кровать.

Какое-то время в доме было комфортно, но постепенно печь остывала. Тепло улетало сквозь щели в дверях, в окнах и стенах, и ближе к утру становилось довольно прохладно. А если вдруг ночью выпадет снег, то температура внутри помещений стремилась к тому низкому уровню, что оказался на улице.

В это давнее время, у моих милых родителей был хороший товарищ дядя Володя. Вместе с моим юным отцом он работал на нефтепромыслах в одной бурильной бригаде. Он часто заглядывал к нам с женой и детьми разного возраста. Пока взрослые о чём-то болтали за скудным столом, мы развлекались, как только могли.

Потом, мужчина с супругой и моими приятелями внезапно пропали. Я, конечно, спросил, почему они к нам теперь не приходят? Мама немного подумала и сообщила, что они отправились жить куда-то в Россию.

Прошло несколько лет и мои «предки» решили перебраться на Волгу. Мы переехали в Куйбышев, который потом, стал опять называться Самарой, и поселились в пятиэтажной «хрущевке» со всеми удобствами.

Когда я оканчивал школу, мама мне рассказала, почему дядя Володя с семьёй вдруг покинул Баку? Как оказалось, до работы на промыслах, он был подсобником у печника. Молодой человек научился этому сложному делу и, какое-то время, трудился по сёлам, что находились вокруг его тихой деревни.

Затем, уехал в соседний райцентр, окончил там техникум и «по распределению» попал в Азербайджан на морское бурение. Володя женился, обзавёлся детьми и со временем понял, что денег едва хватает на жизнь.

Жилья он тогда не имел, и не знал, когда получит квартиру от родимой конторы? Пришлось ему, прикупить скромный участок земли и самому возводить небольшую халупу.

Все средства у них уходили на строительство дома. Его семья жила до ужаса бедно, и он подрабатывал везде, где только мог. В том числе, перекладывал печи друзьям и знакомым. Кстати сказать, нашу плиту он тоже когда-то чинил.

Потом, Володя вдруг быстро уволился. Он продал все вещи и дом, взял жену, малолетних детей и пару больших чемоданов. Потом сел в скорый поезд, идущий Россию, и навсегда уехал из города.

Перед самым отъездом дядя Володя зашёл к нам проститься. Он сказал маме с отцом, что ценит дружбу с такими людьми, как они, но оставаться в Баку он больше не может. Мужчина немного помялся и объяснил им причину такого решения.

– Не очень давно. – сказал дядя Володя: – Меня пригласили отремонтировать печь в старом районе Баку. Причём, в старом доме, который выглядел, словно полная чаша. И в этом нет ничего удивительного.

Хозяин работал директором в большом магазине. Как болтали соседи, он пускал дефицитный товар, не в торговую сеть, а сдавал его местным барыгам. Те тащили добро на базар и получали на такой спекуляции огромные деньги. Добычу делили между собой.

Я разобрал большую плиту и стал выгребать оставшийся мусор. Дошёл до основания кирпичного короба и увидел неприятную вещь. Оказалось, что несколько крупных камней раскололись от сильного жара.

Желая заработать чуть больше обычного, я решил их сменить и сказал об этом хозяину. Тот говорит, делай, что надо. Мол, всё тебе оплачу и ушёл в соседнюю комнату.

Я выковырял один из обломков и увидел, как под ним что-то ярко блеснуло. Я подцепил предмет монтировкой и вытащил круглый кусочек металла тёмно-жёлтого цвета. Продолжая работать, я подождал, когда все хозяева уйдут в другой

конец дома, снял ещё пару камней и увидел под ними целую россыпь монет. Это были царские золотые пятёрки, а так же червонцы.

Насколько я знаю, дед моего нанимателя был очень богатым купцом и до революции жил в том же доме. Наверняка он и спрятал деньги в печи, когда в город пришла долгожданная Советская власть. В двадцатых годах, его расстреляли, как контрика, а деньги остались лежать, где их спрятал старик.

Я быстро сложил золото в ящик, в котором всегда носил основной инструмент, закрыл его сверху тряпкой и вернулся к ремонту печи. Хоть я и трясся от напряжения и страха, но, как всегда, закончил дело в назначенный срок.

Сдав работу хозяину и его дотошной супруге, я хотел поначалу, отказаться от платы, но потом, к счастью, одумался. Не то люди удивиться без меры. Потом, скажут об этом друзьям, те кому-то ещё, и всё это вызовет различные слухи. Чего это, вдруг нищий мужик, вроде меня, не взял предложенных денег? Значит, тут что-то нечисто?

Я принёс находку домой, показал всё жене, и мы решили, что нужно срочно уехать из города. У меня есть старый знакомый, который когда-то работал по ювелирному делу. Наверняка у него есть каналы, по которым можно продать золотые монеты.

Денег, что я получил за продажу вещей и моей убогой ха-

лупы, нам хватит на первое время. Потом, когда появятся новые средства, куплю себе дом, где-нибудь в центре России. Обустрою его и сложу настоящую русскую печь, не то что, это убожество. – он кивнул на плиту, стоявшую в нашей маленькой комнате, и тут же закончил: – Извините, что я не называю вам город, куда я уезжаю с семьёй.

– Конечно. – кивнули ему мои смущённые предки: – Мы всё хорошо понимаем. – после чего, моя мама добавила: – Хорошо, что эти монеты достались тебе, а не тому богатею. Уж если кто ими и может владеть, так это ты, твоя дорогая жена и ваши трое детей. Желаю вам счастья на многие годы вперёд.

Продажа дома

Мария родилась в селе Новоголовка Азербайджанской ССР. Она росла, красивой, умной и крепенькой девочкой, успешно окончила школу и, так же, как все одноклассники, устроилась работать в колхоз.

Прошло несколько лет. Она поняла, что если останется здесь, то будет всю жизнь пахать за «копейки», и в её дальнейшей судьбе ничего не изменится. Она стала думать: – Что делать дальше?

Девушка тут же решила, что лучше всего уехать в Баку. Тем более, что там уже обитали две её родные сестры – Любовь и Надежда.

Оказавшись в столице советской республики, она поселилась у Любы, огляделась по сторонам, и сделала вывод, что

дальше учиться ей ни к чему. Ломоносова из неё не получится, так что, лучше идти, зарабатывать деньги. Ведь, не может она оставаться на шее у старшей сестры.

Люба устроила её в тот автопарк, где трудилась сама. Мария быстро освоилась и началась для неё взрослая жизнь. Скоро она вышла замуж за хорошего парня, провела с ним три года, поняла, что не любит супруга, и развелась.

Через какое-то время, женщина встретила другого мужчину. Они расписались и стали налаживать семейную жизнь. Начинали они точно так же, как и многие другие бакинцы. Сначала снимали тесную комнату у каких-то людей. Потом, подкопили денег, купили участок на склоне горы, стоящей на Шихово, и начали строиться.

Как все советские люди, оба трудились на благо отчизны, только в разных конторах. Она шиномонтажницей, в одном автопарке, он водил грузовик, приписанный к большому заводу.

Как и всем жителям СССР, платили им не так чтобы много. Только бы не умерли с голоду. Средств, как всегда не хватало. Так что, нанять профессиональных строителей они не могли. Приходилось всё делать своими руками. Причём, лишь после работы, да в выходные и праздники. Так продолжалось несколько долгих томительных лет.

Сначала это было одно помещение, до половины врытое в землю, в склон высокой горы. Там хорошо жилось летом, но

зимой, во время дождей, одна стена промокала, и хозяевам становилось весьма неудобно. Особенно, когда утром всташь, а на бетонном полу лежит слой жидкой грязи.

Потом, к этой комнате пристроили просторную кухню, провели в неё газ, и стало чуть-чуть веселее. Даже во время долгих ненастий. Зажёг все четыре конфорки, вот тебе и тепло, и относительно сухо.

После чего, Николай стал возводить над постройкой новый этаж. Постепенно дом рос. То помещение, что находилось внизу, стало полуподвалом с большой кладовой, душевой и уборной. Наверху появились три обширные светлые комнаты.

Возле крыльца возник чистенький дворик. Там посадили пару плодовых деревьев, три лозы винограда и много различных цветов. Лет через десять-двенадцать после начала строительства, дом приобрёл свой окончательный вид. Он оказался настолько хорош, что вызвал зависть соседей.

Много раз к Николаю приходили очень разные люди. В том числе и такие, что жили поблизости. Все смотрели на дом, на маленький садик, которого не было возле соседних построек, и предлагали хозяевам приличные суммы.

– Берите. – говорили они: – На эти огромные деньги вы себе купите дом в любом районе советской страны. Хоть в Азербайджане, хоть в Украине, а хоть и в России. Возле Каспийского, Чёрного или Азовского моря. Везде есть места, где

так же тепло и приятно, как здесь, на родном Апшероне.

Николай и Мария слушали лестные отзывы о своём добротном жилье, благодарили за предложения, но неизменно отказывали всем покупателям: – Мы долгие годы строили наш замечательный дом и хотим в нём прожить до наступления смерти. – говорили они.

Щедрые гости весьма огорчались, уходили, но всегда возвращались назад и предлагали за дом более крупные суммы.

Вокруг жили русские, азербайджанцы, армяне, евреи. Было много советских семей, где супруги являлись «детьми разных народов». Никто не кичился своей «исключительной» нацией. Все говорили на двух или трёх языках. Все считались большими приятелями. Ходили друг к другу, в гости на праздники и помогали, чем только могли.

Потом, пришла «КАТАстройка», затеянная «пятнистым генсеком», и всё вдруг изменилось. Из телевизора слышались крики в адрес «братских» республик. Мол, они избирают «великую нефтяную державу».

– Ведь если бы не было этих нахлебников, – твердили «говорящие» головы: – то азербайджанский народ жил так хорошо, как в богатом Кувейте.

О том, что в Кувейте втрое меньше людей, а нефти там добывается вчетверо больше, все горлодёры забывали сказать. А, между прочим, разница в прибыли у двух этих стран, была тогда больше чем в дюжину раз.

Брань в сторону давних соседей, постоянно крепчала и, наконец, обратилась на конкретных людей. Первыми пострадали армяне. Их избивали там, где увидят. Врывались в дома и квартиры и выгоняли старых и малых на улицу. Пришлось несчастным армянам бросить всё, что они нажили за долгую жизнь, и спешно покинуть страну.

Огромную часть этих беженцев вывезли пароходы России. Кто-то прорвался в Армению, кто-то в мусульманский Иран, где их тоже не ждали, а кто-то остался лежать в любимой азербайджанской земле.

Затем пришла очередь всех остальных «русскоязычных». Тех, кто прибыл сюда в последние годы, гнали в первую очередь. Мол, понаехали сюда иноверцы, понастроили заводов и фабрик, и разрушили древний национальный уклад.

Прибывшие по распределению, специалисты из «братских» республик не рисковали драгоценным здоровьем. Они бросили полученные от государства квартиры, собрали свои чемоданы и вернулись на родину.

Промышленность немедленно встала. Как горько сказал один из бывших партийных работников: – Уехали «золотые» головы, остались лишь челюсти с «золотыми зубами».

Нужно сказать, что в те времена, среди азербайджанцев возникла странная мода на золотые коронки. И чем больше блестело за твоими губами, тем считалось почетнее. Значит, у тебя имеются средства и очень немалые.

Многие местные жители шли на огромные жертвы ради престижа. Они брали деньги под большие проценты и превращали свой рот в большую витрину ювелирных изделий. Причём, часто обтачивали и здоровые зубы.

Тех «русскоязычных», что проживали на Апшероне долгие годы, почему-то, не били. Им просто все дружно советовали: – Уезжайте вы восвояси, подобра-поздорову. – причём, говорили те самые люди, которые жили бок о бок десять и более лет. То есть, считались друзьями и прочее...

К этому времени, у Николая с Марией родились две красивые дочери. Обеим не было и двадцати. Они имели славянские лица и белокурые волосы. С таким внешним обликом оставаться в республике оказалось опасно. Не помогли бы ни отличное знание языка Азербайджанской республики, ни быстрые ноги. От всех «националистов» убежать невозможно.

Глядя на «разгул демократии» Николай быстро решил, что пора уезжать. Он отправился к людям, что хотели купить его дом, обошёл пять или шесть человек и услышал ужасную новость. Все как один, отводили глаза, мямлили, что-то невнятное, но предлагали вчетверо меньше, чем обещали полгода назад.

Лишь один из соседей, что считался его старым другом, прямо сказал: – Сейчас в городе много свободной жилплощади. Поэтому, рынок сильно упал. К тому же, здесь появи-

лись какие-то «урки». Они приказали, никому не давать сумму больше, чем четверть от настоящей цены. Мол, эти гяуры и так все уедут. Пусть ещё радуются, что их не убили, как проклятых армян.

Николай печально кивнул и, не подавая руки, направился к двери.

– Подожди. – крикнул хозяин удручённому гостю. Он чуть помолчал и хмуро закончил: – Ты много раз мне во всём помогал и ничего не просил при этом взамен. В честь нашей дружбы я дам тебе половицу цены, но лишь при одном важном условии. Ты всем здесь объявишь, что я заплатил только четверть.

Деваться «русскоязычным» было, в общем-то, некуда, и Николай согласился. Он получил обещанные приятелем деньги и сказал всем соседям так, как просил покупатель.

Затем, собрал какие-то вещи, погрузил в маленький железнодорожный контейнер и вместе с семьёй уехал в украинский Белгород. В тот тихий город, что находился недалеко от Чёрного моря.

Там жила Роза – младшая сестрёнка Марии. Она приютила родню в своей малометражной квартире и помогла купить им участок со стареньким домом. Жильё оказалось весьма неудобным и ветхим и его пришлось переделать. Это строительство заняло несколько лет.

На это ушли последние силы уже престарелых людей.

Сначала умер муж – Николай, а через три года, Мария. Внуки и дочери остались на юго-западе страны Украины и до сих пор там живут.

Вынужденная диета

Не знаю, известно ли вам, что термин диета происходит от греческого *diaita*, которое переводится, как «образ жизни». Как это часто происходит в России, чужеземное слово вошло в обиход местных жителей, но, как это, ни странно, сейчас оно означает нечто совершенно иное.

Теперь оно трактуется, как «правила употребления пищи, по роду её, качеству, количеству, времени». То есть, диета сегодня это – «режим питания, специально установленный кем-то». Чаще всего, его рекомендует какой-нибудь врач, например, терапевт или эндокринолог.

По своему назначению диеты бывают достаточно разные: спортивные, медицинские и, наконец, просто вынужденные. То есть те, что возникают в силу сложившихся вокруг обстоятельств.

О первых двух, говорить, здесь не стоит. Они у всех на слуху и каждый может сказать, что нужно проделать, если ты захотел похудеть? Или наоборот, набрать внушительный вес для того, чтобы участвовать в состязаниях в японском сумо.

Я хочу рассказать о моём старом друге, который однажды сам назначил себе небольшую диету.

Однажды, Иван получил зарплату за месяц и приличную премию за ударно сданный объект. Именно в этот момент, его молодая жена вместе с детьми решила поехать к своей

родной маме в деревню. Мол, и сама я там отдохну, и детишки погуляют на воздухе.

Совершенно естественно, что пришлось купить билеты на поезд для трёх человек, продукты в дорогу и гостинцы родным, которых жена не видала уже целый год. Плюс ко всему, нужно было оставить какую-то сумму для жизни в той далёкой деревне и для возвращения назад.

Вот так и вышло, что почти вся наличность ушла в карманы жены, а Ивану осталось всего сорок рублей. В те времена, такую стипендию получали студенты, что учились в университетах и ВУЗах.

Как назло, наступил «день строителя», и Ивану пришлось потратить десятку на поездку за Волгу. Там наш отдел отмечал столь знаменательный день. Вернувшись домой поздно ночью, сильно уставший Иван завалился в кровать.

Утром, парень проснулся с больной головой. Он вспомнил о том, что до получки ещё целый месяц, и пересчитал наличные деньги. Их оставалось всего три червонца. То есть, рубль на день. Хорошо, что есть сезонка на общественный транспорт. Так что, на дорогу в КБ и обратно, он тратить не будет.

Занимать у сослуживцев было весьма неудобно. Все сразу скажут, ты же на днях получил крупную сумму. Объяснять, куда делась наличность, ему не хотелось. Иван начал думать, как ему протянуть этот длительный срок?

В доме нашлись разные крупы и соль. Значит, добавление к главному блюду у него уже есть. Оставалось лишь, брать ежедневно полбуханки ржаного, и что-то к гарниру. Например, колбасы.

Иван сложил деньги в карман и пошёл в магазин. Пока двигался по торговому залу, он вдруг подумал: – «Сейчас на улице такая теплынь, что колбаса в холодильнике быстро испортится. Так что, придётся бегать за ней почти каждый день, а это весьма неудобно».

Тут он увидел, что на прилавке лежат свежие куриные яйца. Парень вспомнил о том, что кашу готовить достаточно долго. Ну, а яйца дело другое. Во-первых, Иван их очень любил. Во-вторых, их очень быстро варить или жарить. Всего пять минут и еда на столе.

– Садитесь, пожалуйста, жрать! – как говорили в замечательном фильме «Джентльмены удачи».

Парень отметил, что яйца стоят всего десять копеек за штуку и быстро прикинул в уме: – Пару на завтрак, пару на ужин и три штуки в обед. Итого, будет семь. Умножить на тридцать, всего двести десять. То бишь, два червонца и рубль. Девять остаётся на хлеб, свежую зелень и прочее. Можно будет, по воскресеньям, даже взять бутылочку пива.

Сказано, сделано. Иван купил двести десять яиц, чем вызвал небольшую растерянность во всём магазине. Продавцы даже подумали, не начался ли очередной дефицит, устроенный властью?

Архитектор принёс покупку домой, сложил всё в холодильник и стал жить наполненной жизнью холостого мужчины. То есть, все вечера лежал на диване и спокойно смотрел телевизор.

Первые дни, Иван с большим удовольствием употреблял куриный продукт. Завтрак и ужин он съедал дома, а на обед, брал на работу, варёные яйца и хлеб. Утром он яйца жарил на подсолнечном масле, а если вставал очень поздно, то просто пил их сырыми. Быстро, дёшево, вкусно и очень полезно.

Вторую неделю, Иван не так восторгался замечательным вкусом яиц, как не очень давно. Он утешался лишь всем остальным. Мол, еда достаточно сытная, наелся и ладно.

Третья неделя прошла с небольшим напряжением. К концу месяца, есть куриные яйца совсем не хотелось, а их внешний вид или запах вызывал отвращение. Не помогала ни соль, ни перец, ни даже горчица, намазанная внушительным слоем. Ни думать, ни говорить о них, парень тоже не мог.

С тех самых пор, Иван яйца больше не ел, а если случайно и видел, что кто-то жуёт куриный продукт, то, как можно скорее, отводил в сторонку глаза. Он весь передёргивался и с огромным трудом сглатывал плотный комок, появившийся в горле.

Игровые автоматы

Саша Соболев жил в Баку вместе с родителями, с дядями, тётями и прочей роднёй. Он вырос в многонациональном городе СССР. Как и многие русские, парень свободно владел азербайджанским, говорил по-армянски, немного понимал еврейский язык.

Он учился в школе с ребятами, что обитали в соседских домах. С кем-то дружил, с кем-то только общался, а с кем-то был по-настоящему в контрах. Всё у него было так же, как у прочих мальчишек его подросткового возраста.

Окончив десятилетку, Саша поступил в техучилище, прошёл положенный курс и стал наладчиком устройств с ЧПУ. То есть, станков с числовым программным управлением. Так в те времена назывались предшественники промышленных роботов. Сейчас они заменили людей на сборочных линиях современных заводов.

Затем, молодой человек познакомился с замечательной девушкой. Саша женился на ней, обзавёлся двумя прелестными детками и думал, что жизнь у него уже совсем устоялась.

Вот тут и пришла «КАТАстройка». Начались беспорядки, а затем и жестокие чистки по национальному признаку. Сначала изгнали из Азербайджана армян, а потом принялись и за прочих «русскоязычных».

Люди, которые не очень давно, прибыли на Апшерон, уехали первыми. За ними потянулись и те, у которых имелись родные в других местах некогда единой страны. Остались лишь те, кому некуда было отправиться.

Таких очень долго третировала местная шваль. Часто их заставляли покинуть квартиры, полученные от государства, и перебраться в те развалюшки, что вдруг оказались свободными. Многие не вынесли таких издевательств и тоже уехали. Причём, с одним чемоданом руках.

Семью Саши почему-то не трогали. То ли, из-за того, что их предки жили в Баку с давних времён, ещё с тридцатых годов? То ли, ещё по какой-то причине? Как бы там ни было, с жильём у них всё осталось по-прежнему. А вот с работой дела обстояли неважно.

Приезжие специалисты, что жили на Апшероне, вернулись на родину. Торговые связи с другими частями советской страны мгновенно разрушились. Поточные линии встали. Суперсовременный завод, на котором Саша трудился наладчиком, внезапно закрылся.

Как и во всём СССР, в Азербайджане вдруг началась вакханалия «свободного предпринимательства». Те, у кого имелись деньги и связи, сразу же стали «большими» людьми. Все остальные совсем обнищали.

Возникли новые торговые точки, а следом за ними, большое число павильонов, в которых стояли ряды самых разных

игровых автоматов.

Такие устройства появились в стране ещё в середине семидесятых годов. Саша сам немного играл на этих машинах. Он быстро понял, что это чистейший обман и прекратил тратить деньги впустую. Тем более, что деньги для мальчика были немалые.

В те времена, сеанс короткой игры стоил пятнадцать копеек. Ну, а на завтрак в средней образовательной школе, ему мама давала только «десюнчик». То бишь, «серебряный» гривенник.

На эту «огромную» сумму можно было купить вкусный коржик и стакан лимонада, или стограммовый брикетик мороженого, или сбегать в кино на детский сеанс. А тут бросил монеточку в прорезь железного ящика и жди результата. Автомат поморгает яркими лампами и скажет тебе металлическим голосом, что Вы проиграли. Вот и весь разговор.

Как-то раз, Саша оказался свидетелем необычного случая. Среди бела дня, в их маленький двор заехал автомобиль с логотипом «Милиция» на жёлтом боку. Он остановился у рядов гаражей и из него вышли двое «ментов». С собой они привезли человека, который жил в доме напротив.

Мальчишки увидели эту картину, немедленно прекратили играть старым мячом и подбежали поближе. Им было интересно понять, что же сейчас здесь происходит? Может быть, произошло преступление? Ведь недаром привели понятых?

Мужчина достал ключи из кармана, открыл ворота своего гаража и двинулся внутрь. Саша глянул в широкий проём и с удивленьем увидел, что машины там нет. Вдоль длинной стены, стояло множество цинковых ведёр. Они находились вплотную бок о бок. Поверху, громоздился ещё один ряд, а над ним стоял третий. На вид, этих ёмкостей было штук шестьдесят, если не больше.

Один из прибывших «ментов» подошёл к крайней металлической таре, стоявшей вверху. Он поднял плоскую крышку и сунул внутрь правую руку. Затем, с трудом вынул ладонь и показал двум свидетелям. В ней ярко блестели монеты достоинством в пятнадцать копеек.

Любуясь «металлическим» блеском, он ссыпал деньги назад. Затем, шагнул к другому сосуду и показал, что в нём лежит тоже самое, что было в первом. И так много раз. Потом, перешли к среднему ряду, а за тем уже к нижнему. Для этого пришлось снимать верхние вёдра. Они оказались такими тяжёлыми, что их сумели поднять лишь двое крепких мужчин.

Скоро, мальчишки узнали, что тот человек, который владел гаражом, был обычным наладчиком игровых автоматов. Заодно, он забирал из них выручку, собранную за пройденный день.

Часть полученной суммы он не сдавал государству, а просто её прикарманивал. Вот только, знакомых в сбербанке у него не имелось, а менять «серебро» в магазинах, на бумажные деньги он очень боялся. Слишком бросалось в глаза та-

кое количество мелочи. Поэтому и хранил он всё в оцинкованных вёдрах. Мол, потом, постепенно потрачу.

Со временем, его заподозрили в воровстве государственных средств. Мужчину арестовали, провели тщательный обыск, и нашли три с половиной тонны блестящих монет.

Но в те времена, доход от игровых автоматов, шёл государству. Сейчас, весь «навар» перетекал в карман их хозяев.

Помыкавшись без работы, Саша встретил знакомого парня, с которым учился ещё в средней школе. Тогда у них отношения не были особенно тёплыми. Ребята часто дрались, а если и встречались на улице, то делали вид, что не знают друг друга.

И вдруг, Тофик сам подошёл к своему давнему недругу. Он поздоровался с Сашей и завёл обычный, пустой разговор. Мол, как дела, как семья, как здоровье, нашёл ли себе какое-то место?

Обменявшись пустопорожними фразами, они замолчали, и азербайджанец перешёл прямо к делу: – Я слышал, ты разбираешься хорошо в электронике?

– Да. – кивнул Саша.

– Сейчас в Баку подобных людей очень мало осталось. – нахмурился Тофик и тотчас продолжил: – Мой родственник открыл павильон игровых автоматов. Ему нужен наладчик. Сможешь к нам подойти, посмотреть?

– Конечно. Когда и куда?

Они договорились о встрече. Немного помялись, но всё же пожали руки друг другу и разошлись в разные стороны.

Уже через день, Саша пришёл по тому адресу, что дал ему Тофик. Он встретился с тучным хозяином, блиставшего золотыми зубами, и спросил, чего тот хотел?

Ему показали на несколько новеньких игровых автоматов и попросили их посмотреть. Саша быстро разобрался в машинах, исправил несколько небольших неполадок и получил, по его скромным меркам, приличные деньги.

С тех пор, он стал работать по данному профилю. Саша обходил павильоны, чинил иностранную технику и хорошо на том зарабатывал. Со временем он разобрался в устройстве примитивных машин и понял, что они обдирают клиентов, значительно лучше, чем те, что имелись в Советском Союзе.

Но какими бы жадными не оказались владельцы «одноруких бандитов», они должны были давать посетителям надежду на выигрыш. Иначе все скоро поймут, что их надувают и перестанут к ним приходить. Поэтому, время от времени, в ящиках слышался бравурный марш, а в лоток высыпались какие-то мелкие деньги.

Общаясь с названной техникой, Саша научился рассчитывать, когда же наступит нужный момент, и тупая машина выбросит часть своей выручки. Ему было достаточно постоять в зале пару-тройку минут и посмотреть, как работают игровые устройства? За это короткое время он мог понять, где

намечается выигрыш?

Несколько раз, Саша проверил свою «способность к предвидению». Он подходил к нужной машине и бросал деньги в щель автомата. После второй или третьей попытки он с радостью слышал звон мелких монет.

Так он добыл какую-то скромную сумму. Парень подумал о том, что не стоит ради мелкой добычи портить отношения с хозяином, и прекратил «грабить» владельца игровых автоматов.

Через несколько месяцев, азербайджанцы кое-чему научились и начали сами обслуживать своих «одноруких бандитов». Они прекратили приглашать к себе Сашу, и он опять лишился работы.

Он подвизался в разных местах, но денег на семью не хватало. Тогда, он зашёл в павильон игровых автоматов и побродил по полутёмному залу. Саша бросил пару монет и выиграл пригоршню мелочи. Продолжить своё «ограбление» он не рискнул и сразу вышел на улицу.

На другой день он заглянул в соседний квартал, взял один скромный выигрыш и опять удалился. Так он начал ходить по огромному кругу и зарабатывать деньги на жизнь. Парень был весьма осторожен, но это его не спасло. Удивительно скоро о Саше узнали почти все хозяева «одноруких бандитов» в округе.

Однажды, он заглянул в павильон и к нему подошли два

небритых громилы. «Азеры» встали у него по бокам и предложили выйти на улицу. Сопротивляться не было смысла, и Саша поплёлся следом за ними. Двигаясь, как под конвоем, парень свернул за угол низкого здания, и там наткнулся на своего одноклассника.

Со времени их давней встречи, Тофик явно «поднялся» и выглядел, весьма импозантно. Он был одет, как с иголки и вёл себя, как «крёстный отец» итальянских бандитов.

Тофик взглянул на потёртые шмотки наладчика и тихо сказал: – Когда я узнал про твой беспардонный грабёж, то хотел вырвать тебе руки и ноги. Потом, немного подумал и понял, что ты в нашем районе, что-то вроде ходячей рекламы.

Ты ведь показываешь окружающим лохам, что выигрыши, хоть и достаточно редко, но всё же случаются. Так что, можешь опять посещать мои заведения. – он недолго умолк и закончил: – Но за каждую ходку выигрывать один только раз и не чаще, чем два раза в неделю.

– Понял. – сказал Александр и, на всякий случай, спросил: – Мне можно идти?

– Иди. – согласился его одноклассник и они двинулись, каждый своею дорогой.

Несколько лет, Саша пользовался разрешением Тофика и «зашибал» какие-то скромные деньги. Постепенно прежние автоматы сломались и бесследно исчезли из игровых павильонов.

Их место заняла новая техника, о чьём хитром устройстве парень не знал почти ничего. Попробовав на них поиграть, Саша с огорчением понял, его «везенье» закончилось, и прекратил посещать «одноруких бандитов».

Дуб Иммануила Канта

Осень 1771-го года. В ворота замка «Гросс Вонсдорф», построенного в XIII-м веке, въехал старый фиакр, прибывший из Кёнигсберга. В открытой коляске сидел всего один пассажир. Это был немолодой человек, которому перевалило за сорок. Лицо очень худое, болезненное, с большим длинным носом.

Философы никогда не отличались особым богатством. Поэтому, Кант был одет достаточно просто: тёмный сюртук, такие же брюки, сапоги и потёртая шляпа. В руках обычная трость с костяным набалдашником.

Фиакр остановился возле крыльца высокого замка. Сидевший на веранде хозяин, увидел подкатившего гостя, сбежал с высоких ступеней, и кинулся прямо к нему.

– Иммануил! – крикнул он радостным голосом: – Наконец, ты решил заглянуть.

– Здравствуй мой друг. – сказал ему Кант: – А где же твоя молодая супруга?

– Дорогая! – завопил барон фон Шреттер: – Посмотри, кто к нам приехал.

Из двери, ведущей вглубь замка, выглянула дородная красивая фрау. Она всплеснула руками и, крикнув: – Фридрих, веди его в дом, а я распоряджусь насчёт чая. – скрылась из виду.

Кант расплатился с возницей, спустился на каменные плиты двора и прежде, чем обняться с хозяином, снял с головы немодную шляпу. Жёлудь, лежавший на тулье, скатился на зелёный газон.

Хозяин это увидел, но промолчал. Он подумал о том, что спелый плод упал на философа, когда тот проезжал сквозь дубраву, и таким хитрым способом, добрался до самого дома. Ну, а философ, думал о чём-то своём, и не обратил на это внимания.

Кант тоже заметил семя благородного дерева и тихо сказал: – Пусть, там лежит. Может быть, из него когда-нибудь вырастит внушительный дуб?

Всё так и случилось. Тот лесной патриарх стоит там до сих пор.

Егорка

Жили в Самаре муж и жена, умные, красивые, добрые люди. Обоим чуть перевалило за тридцать. Оба уже доктора медицинских наук. И он и она, всегда получали неплохую зарплату.

У них имелась большая квартира в тихом центре любимого города. Дом, так сказать, полная чаша. Плюс ко всему, дача, машина, поездки по белому свету. Не оказалось у них лишь одного. Не дал им Бог, почему-то, детей.

Сначала им некогда было думать о таких мелочах. Потом, когда всего, что хотели, добились, они вдруг задумались над данной проблемой. Супруги долго ходили по разным врачам, лечились в разных больницах, ездили по санаториям, проризателям и экстрасенсам. Всё оказалось напрасным.

Муж и жена посоветовались и быстро решили, нужно им взять к себе сироту. Они собрали все необходимые справки и встали в длинную очередь на усыновление ребёнка.

Немедленно выяснилось, что бездетных обеспеченных граждан в Самаре целые толпы. Поэтому, перед ними стояли сотни людей, желающих обеспечивать чужую кровиночку.

К сожалению супругов, детей без родителей, в наше суматошное время оказалось не очень-то много. Так что, ждать им пришлось бы несколько лет. Если не больше.

Совершенно отчаявшись, муж и жена купили путёвку в

Италию. Они съездили в город под названием Бари, пришли в большой католический храм и поклонились мощам святого подвижника. Его в нашей стране называют Николой-угодником.

Молодые паломники поставили пудовую свечку в алтарь, долго молились и внесли большое пожертвование на восстановление церкви.

Не успели они вернуться на родину, как у жены зазвонил телефон. Она прижала сотовый к уху и поняла, что говорит соседка по дому. Она работала акушером в роддоме и была в курсе проблем ближайшей подруги.

– Приезжайте скорее! – сказала врачиха: – У нас одна мамочка хочет сейчас отказаться от новорождённого мальчика. Если вы поторопитесь, то я по благу устрою его для тебя.

– А что собой представляет мама ребёнка? – засомневалась неожиданно дама: – Вдруг она пьяница, или, что хуже всего, наркоманка?

– Нет. – успокоила врачиха подругу: – Я всё проверила. Она хорошая работающая женщина. Имеет пять прекрасных, умных, красивых детей. Они недавно приходили в роддом к своей маме. Так что, я с ними немного общалась.

– А почему она отказалась от этого мальчика? – продолжала выпытывать дама: – Он что, болеет чем-то серьёзным?

– Нет, он совершенно здоров. – усмехнулась врачиха: – А у этой роженицы, полгода назад умер обеспеченный муж.

Через какое-то время она познакомилась с тренером фитнеса и у них началась большая любовь. Её избранник узнал, что у его милой пассии пять штук детей и сразу куда-то слинял.

Делать аборт было поздно, и она решила рожать. К сожалению, теперь она проживает совершенно одна и может рассчитывать лишь на себя. Поэтому, ей сейчас некогда сидеть с малышом. Она не сможет забрать ребёнка домой.

На этом расспросы закончились, и дама метнулась в роддом. Малыш ей очень понравился. Она назвала сиротку Егоркой и начала оформлять огромную уйму бумаг. По благу всё сделали тихо и быстро. Мальчик тотчас переехал в их большую квартиру. Все трое зажили дружной счастливой семьёй.

Через полгода, героине рассказа позвонили из центра усыновления и сразу спросили: – Вы всё ещё думаете взять чужого ребёнка в семью? В ближайшие дни, у нас ожидается появление большого количества отказных малышей.

– Почему вы решили, что их будет много? – спросила удивлённая дама.

– Потому, что девять месяцев назад в нашей стране проходил мундиаль. – со смехом ответила молодая чиновница: – Так что, в Самару нагрянула тьма иностранцев из разных концов нашей планеты.

Российские женщины всегда были, большими интернационалистками в этом вопросе. Поэтому, скоро во всех роддо-

мах появиться много детей самого разного цвета и облика. Выбирайте, какой вам больше понравится.

Новоиспечённая дама посовещалась со своим любящим мужем. Они дружно решили взять ещё и сестрёнку Егорке.

Трудовая книжка

На проходной крупного научно-исследовательского института Самары появилась молодая бухгалтерша. Модельной походкой она подошла к двум вахтёрам, сидящим за барьером у двери и, поздоровавшись, громко сказала:

– Любовь Фёдоровна, Владимир Степанович. В следующую рабочую смену принесите свои паспорта и свидетельства о рождении. Нам нужно проверить ту информацию, что находится в ваших личных делах. – девчонка широко улыбнулась седым ветеранам и умчалась обратно.

– И зачем это нужно? – удивился старый мужчина: – Всё много раз проверяли и записали в разных местах: в отделе кадров этой конторы, в районной администрации, в военкомате, в милиции, в ЖКО и так далее.

– А вдруг там наверху внезапно надумали, пересчитать наши пенсии? – с надеждой спросила его Любовь Фёдоровна: – У меня, например, она очень маленькая.

– Так у вас, наверное, стаж небольшой? Поэтому и получаете минимальную ставку. – ответил старик.

– Да он у меня с семи лет начинается. – возмутилась старушка: – Так что, я уже разменяла седьмой десяток рабочего стажа. – ожидая возражения от пожилого напарника, она

начала объяснять:

– В далёкие тридцатые годы, на моей родине в Азербайджане, дети трудились с пятилетнего возраста. Я, например, мыла пробирки в больнице и нашей аптеке. У меня даже имеется вкладыш, вклеенный в трудовую книжку. Правда, мой стаж числится только со школьной скамьи. Лишь после этого, нам начинали начислять трудоводни.

– Надо же? – удивился старик: – А я был уверен, что только в нашей Сибири практиковались такие лихие порядки.

– У тебя, что тоже имеется вкладыш? – удивилась Любовь Фёдоровна.

– Да, с пяти лет и нескольких недель от рождения.

– Ну, в Азербайджане понятно. – сказала недоверчиво женщина: – Там тепло почти круглый год и всё постоянно растёт. Нужно всё сеять, полоть, убирать, а людских рук никогда не хватало. Поэтому, малые дети ворошили табачные листья в сушилках, собирали гусениц в винограде и на кустах зелёного хлопка.

Да и в прочих местах, они были всегда, у всех на подхвате: в полях, на току, и на сборе различных плодовых культур. Ну, а в Сибири то что? Насколько я знаю, там же ничего не растёт, кроме картошки, капусты и ржи. Да и то лишь местами и не каждое лето.

– Зато, вокруг нашей деревни было удивительно много кедровых лесов. – ответил старик: – Взрослые били кедро-

вые шишки, а дети их собирали. Лушили орехи и очищали их от скорлупы.

– И зачем же вам нужно, так много орехов? – удивилась вахтёрша.

– Большую часть сдавали в государственную заготконтору. Кое-что оставляли себе. Ведь в те времена без орехов там нельзя было выжить. Ядро сразу шло в пищу. Из него же давили кедровое масло, на котором всё жарили и добавляли в еду.

Жмых, что оставался после такой процедуры, перемалывали и добавляли в муку при выпечке хлеба. Её всегда у нас не хватало. Скорлупу от кедровых орехов использовали для изготовления бальзамов или настоек. Вся шелуха вместе с шишками шла зимой прямо в печку с другими дровами.

Поэтому в сезон заготовки, в тайге находились все поголовно, и старый и малый. Причём с рассвета и до позднего вечера.

– Да. – расстроено согласилась Любовь Фёдоровна: – Где бы я ни пахала, трудовой стаж у меня был всегда с самого раннего возраста. И вот на старости лет, нашёлся такой человек, который меня переплюнул.

Она помолчала и грустно добавила: – Я слышала, что и вас пенсия не очень большая?

Мужчина кивнул и печально сказал: – Жаль, что за такую длинную рабочую жизнь, считай, что с младенческих лет, мы не получили даже средненькой пенсии. Не то что, наше боль-

ШОЕ НАЧАЛЬСТВО.

История о моём дедушке

Мой дедушка по линии мамы – Соболев Фёдор Терентьевич родился шестого июля 1912 года. Он лишился родителей в возрасте семи недель от роду. Они погибли от какой-то болезни. Моя прабабушка Соболева Харитиния Ивановна, взяла ребёнка к себе, и он вырос вместе с её остальными многими внуками.

Семья была очень большая, и в ней постоянно воспитывалось несколько соседских сирот, что остались одни. Жили они тогда очень скудно. Едва мальчик немного подрос, ему пришлось, «идти в услужение к людям».

У большого писателя, Максима Горького эти мучения прекрасно описаны в трёх автобиографических повестях: «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Так, что я не стану сейчас повторяться.

В пять лет, маленький Фёдор самостоятельно научился читать, благодаря чему, какое-то время, подвизался служкою в православном приходе. Там он досконально изучил всю толстую Библию: Ветхий и Новый Завет. После чего, совершенно внезапно, стал атеистом. Он ушёл из церкви и усердно работал, где только мог.

В 1917-м, произошла революция в Питере. Советская власть установилась в Азербайджане в 1920 году. В середи-

не тридцатых годов, началась «борьба с религией». Подросший, к этому времени, Фёдор участвовал в диспутах со священниками, и побивал их цитатами из святого писания.

Дедушка обладал весьма обострённым чувством справедливости. Однажды он со своим верным приятелем, таким же сиротой, как и он, решили утопить животинку «кулака-мироода».

Ребята взяли несколько досок и положили вплотную друг к другу, на край колодца и землю. Они попытались завести лошадь на пандус, чтобы сбросить её в холодную воду.

Кобыла весьма испугалась и не хотела подниматься по шаткой поверхности. Тогда они развернули беднягу и заставили, шагать по настилу хвостом вперёд. Животное больше не видело, куда её толкают подростки и, в конце концов, поднялось на сруб.

Доски тотчас опрокинулись, и кобыла скользнула задними ногами в колодец. К счастью скотинки, он оказался очень уж мелким и достаточно узким. Так что, бедная лошадь оказалась почти в вертикальной позиции.

Она упёрлась задними копытами в дно, а её голова оказалась над самой водой. Кобыла громко заржала. Прибежали соседи, надавали пацанам по шеям, и при помощи толстых верёвок подняли беднягу на твёрдую землю.

Учиться дедушке было, к сожалению, некогда, да к тому же, и не на что. Он до всего всегда сам доходил. Не проведя в школе ни единого дня, он одолел арифметику, алгебру и

геометрию.

Кроме русского языка, Фёдор в совершенстве владел азербайджанским и иранским фарси. Он постоянно учиться всю жизнь, стал шофёром, механиком, изобретателем и рационализатором.

В 1939 году началась война с соседней Финляндией. Спустя несколько месяцев, в Азербайджане объявили мобилизацию. Дедушку призвали в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Вместе с другими солдатами, его погрузили в теплушку и повезли к рубежам великой страны.

Прибыв на фронт, Фёдор Терентьевич стал водителем автомобиля «ГАЗ-АА» и занялся трудной, неблагодарной работой. Изо дня в день, он крутил баранку машины и усердно обслуживал потребности ненасытного молоха «зимней войны». Он вёз на передовую десятки молодых и здоровых людей, а возвращал назад горстку калек, обильно истекающих кровью.

Согласно техпаспорту, бортовой грузовик мог возить 1500 килограммов различного груза. Благодаря чему, его звали «полуторкой». Правда, никто не смотрел в те годы в инструкцию. В кузов совали столько всего, сколько в него могло поместиться. Иногда общий вес доходил до двух и более тонн. Причём, большую часть этих тяжестей приходилось воровать водителям.

22 июня 1941 года, гитлеровская Германия напала на на-

шу страну. Так мой дедушка, не заезжая домой, попал с одной войны на другую. В первый период баталий, фашистские лётчики безраздельно владели всем небом. Они нападали на всё, что движется в воздухе и на земле. Но больше всех, досаждали солдатам бомбардировщики «Ju 87».

У тех пикировщиков не убирались посадочные стойки шасси, что делало их похожими на тощие ноги, обутые в огромные боты. Поэтому, боевые машины прозвали «лап-тёжниками».

К сожалению советских бойцов, нелестное прозвище не уменьшало опасность, исходящую с неба. Заметив автомобиль или пешую колонну солдат, «юнкеры» камнем летели к земле. Они включали сирену и с оглушительным воем швыряли на цель пятидесятикилограммовую бомбу.

Во время жестоких боёв мой дедушка часто оказывался под ураганным огнём и под бомбёжкой. Несколько раз его сильно ранило или контузило. Однако, дедушке очень везло. Всё обходилось без крупных увечий. Он приходил в хорошую форму, и вновь возвращался на фронт.

Однажды, Фёдор Терентьевич и вовсе попал в такой переплёт, из которого было почти невозможно выйти живым. Он приехал на батарею артиллерийских орудий и привёз боеприпасы. Ящики быстро сгрузили, а на их место уложили нескольких раненых красноармейцев. Рядом с шофёром, посадили пушкаря-лейтенанта, которого недавно контузило.

Дедушка уселся за руль, повёл машину назад, и тут начался мощный обстрел. Один из снарядов попал точно в кузов «полуторки». Фугас взорвался с ужасающей силой и разнёс на куски грузовую платформу.

Из облака дыма и пламени вылетела кабина машины с уцелевшим передним мостом. Она проехала несколько метров на пробитых колёсах, и скатилась в большую воронку. Рядом с ней упал другой крупный снаряд. Вал взрыхлённой земли поднялся в воздух и засыпал яму, так ровно, будто её никогда там и не было.

К счастью, артиллеристы увидели, что случилось с несчастной машиной. Едва прекратился обстрел, солдаты выбрались из соседних окопов и поползли откапывать кабину «полуторки».

Скоро из земли вытащили контуженного лейтенанта. Всё его тело оказалось избито осколками, а сидевшего рядом водителя лишь оглушило. Через пару минут, офицер тихо умер. Дедушка вернулся в сознание, но с тех пор, стал иногда заикаться.

Однажды Фёдор Терентьевич снова поехал на передовую позицию. Он отвёз туда отделение солдат, оружие и провизию, взял раненых и стрелою помчался назад. В это время, фашисты начали наступление по всей линии фронта, прорвали оборону советских дивизий и окружили часть наших сил.

«Полуторка» дедушки оказалась на пути продвижения вражеских войск. Её тотчас заметили и обстреляли немецкие танки. Снаряд упал рядом с машиной. Она загорелась, но Фёдор Терентьевич успел выскочить из тесной кабины и прыгнул в глубокий овраг.

Оказавшись в низине, он подождал, пока немцы уйдут дальше вперёд, примкнул к какой-то воинской части и вместе с солдатами стал пробиваться к своим. Скоро красноармейцы, вырвались из очередного «котла». Их встретили «особисты» в синих фуражках и обвинили, в оставлении позиции без приказа начальства. Всех поголовно обозвали последними трусами и приговорили к отправке в «штрафной батальон».

Так уж случилось, что мимо колонны «предателей» ехал полковник медслужбы, хорошо знавший Фёдора. Каким-то неведомым чудом, офицер узнал молодого водителя в толпе грязных и оборванных воинов. Врач поговорил с «вертухаями», обменял его на бутылку чистого спирта и взял солдата с собой.

Дедушка благополучно вернулся в тот госпиталь, где служил до последнего времени, и продолжил работать на санитарной машине. В медсанбате он ещё ближе сошёлся с пожилым офицером.

Нужно сказать, что тот военврач всю жизнь занимался изучением кожной экземы. То есть, тем заболеванием,

которое вызывается расстройством нервной системы. Видя любознательность Фёдора, он стал объяснять ему причины страшного недуга и методы его излечения.

Заметив, что водитель проявил интерес, полковник отдал ему все свои тетради и книги. Мол, бери, изучай. Если встречались больные экземой, офицер звал солдата, велел ему стоять рядом и объяснял, что и как.

Когда выдавалась минутка затишья, водитель читал записи медика. Он научился распознавать виды болезни и составлять нужные мази. Вскоре полковник погиб под обстрелом фашистов. На память о нём, Фёдор Терентьевич оставил себе бумаги врача.

Со временем, он стал значительно чаще применять свои знания и помогать сослуживцам, у которых возникала болезнь. Так он воевал до последнего дня кровопролитной войны, участвовал во взятии столицы Германии и оставил свою скромную подпись на стенах Рейхстага.

В ходе боевых столкновений, дедушка дважды попадал в кинохронику. Как это ни странно звучит, но столь редкие кадры видели односельчане и моя милая мама, которая в то время была ещё маленькой девочкой.

Как гласило преданье в семье, эти кадры мелькали в документальном фильме – «Они были первыми», и в художественном фильме – «Падение Берлина».

В одной из этих картин был эпизод, в котором офицер принимает рапорт у бойца с бородой. Капитан задает во-

прос: – Почему вы не бриты?

Солдат отвечает, что у него экзема, и он не может использовать бритву. Офицер приказывает Фёдору Соболеву осмотреть больного и выдать ему нужную мазь.

Пока мой дедушка находился на фронте, моя бабушка работала в колхозной бригаде. Кроме четверых своих кровных детей, она стала воспитывать ещё девять сирот, что привезли из районов, захваченных вражеской армией.

Женщина обладала невероятным усердием. Благодаря чему, её большая семья не голодала так сильно, как те, что находились вокруг. Все дети трудились в саду, в огороде, сажали рожь и пшеницу на пустошах.

Скоро советская власть начала собирать помощь для жителей блокадного города имени Ленина. Бабушка сдала в этот фонд двести пудов выращенного ею зерна. Про столь великодушный поступок напечатали во многих газетах. Там поместили фотографию Евдокии Николаевны и тринадцати её родных и приёмных детей.

Каким-то неведомым чудом, корреспонденты нашли дедушку, служившего на линии фронта. Ему в торжественной обстановке вручили газету со снимком жены и семейства.

На имя бабушки пришла благодарность от правительства СССР за подписью генерального секретаря коммунистической партии. По словам моей мамы, в письме были такие тёплые строчки: – «Спасибо Вам за хлеб. За сотни душ, кото-

рых Вы от голода спасали. Мой низкий Вам поклон! Иосиф Сталин».

После окончания Великой Отечественной войны дедушка был направлен на Дальний Восток на войну с Японией. Как и всю войну, он служил шофёром на санитарной машине и перевозил раненных. За эти боевые заслуги Родина наградила его медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией».

В 1947 году он, наконец-то, вернулся в село, откуда ушёл более восьми лет назад. К этому времени, дети-сироты, которые жили в его тесной хате, благополучно разъехались по своим детдомам. Ему приходилось кормить лишь четверых малых детей. Отдохнув пару дней, он пошёл на работу в обнищавший колхоз.

Оставаясь в душе изобретателем, он разработал и сам изготовил устройство для механической посадки черенков винограда. Оно крепилось к обычному трактору и заменяло труд десятков людей.

Дедушку с его агрегатом возили в Москву на ВДНХ, где высоко оценили, сложное по тем временам, приспособление. Фёдора Терентьевича тогда наградили легковым автомобилем «Москвич-401».

С тем механизмом дедушка много ездил по южным республикам СССР и несколько раз был даже командирован за границу страны. Как это часто случается, со временем вы-

яснилось, что заявка на его агрегат оказалась оформлена на никому неизвестных людей. То есть, у него просто украли ценное изобретение.

Несмотря на огромную занятость, дедушка помогал тем сельчанам, у которых появлялась экзема. Он много времени посвящал общению с больными. Слава о нём, как о народном целителе, и о его чудодейственных средствах, разошлась по всему Азербайджану. К нему ехали люди с разных концов южной республики.

В кармане его пиджака всегда лежала маленькая чёрная лупа. Часовщики её вставляют в прищуренный глаз, чтобы хорошо рассмотреть все детали. Фёдор Терентьевич никому не отказывал в лечении и снабжал больных мазями совершенно бесплатно. Для составления препаратов он покупал лекарства в аптеке, собирал травы, толок и пережигал вещества разного рода.

В особо тяжёлых и запущенных случаях, он оставлял больных жить у себя в доме на две-три недели. В течении этого времени, дедушка старался подобрать то лекарство, что помогло бы наверняка.

Однажды ему пришлось лечить одного из членов правительства Азербайджана. Как и все остальные сограждане, вельможный министр жил в его простом доме почти две недели и уехал здоровым.

В последние годы принимать страждущих, моему дедуш-

ке помогала его младшая дочь, моя тётушка – Соболева Светлана Фёдоровна. Со временем она окончила медицинское училище и стала работать в районной поликлинике города Куйбышева, ныне, Самара.

Полученный на ВДНХ, автомобиль «Москвич-401» дешушка сразу же продал. Взял вырученные от этой «коммерции» деньги, поехал в соседнюю пограничную часть, где купил списанный джип «ГАЗ-67». Он своими руками восстановил ту машину и много лет ездил на ней на рыбалку и на охоту.

Фёдор Терентьевич очень любил это занятие. После возвращения домой с фронта, он долгое время, не мог отвыкнуть от постоянного грохота жутких сражений.

Во время пролёта диких пернатых в южные страны, он, со своим старым другом, таким же седым ветераном войны, доставал их кладовки двустволку и уезжал в камыши. Там он стрелял уток с гусями.

Иногда, два охотника привозили домой полную лодку битой добычи, которой одаривали многих соседей. Старшие дочери, брали бечёвку, связывали тушки по парам, и вешали эти гирлянды на тонкие шеи. Потом, шли по деревне, разносили их по дворам и предлагали всем людям совершенно бесплатно.

Охота требовала денег на снаряжение и боеприпасы. Поэтому приходилось часть дичи продавать на ближайшей

станции железной дороги. Ту птицу, что оставалась консервировали на зиму.

Сначала, её просто солили. Получалась, так сказать, солонина. Затем, научились делать тушёнку. Уток долго варили, мясо отделяли от кости, стерилизовали и закатывали в стеклянные, полулитровые банки.

Та же история происходила и после рыбалки. В те времена, в воде было полно разной живности, и не запрещалось использовать бредни и сети. Поэтому, мой дедушка со старым приятелем приводил домой лодку, нагруженную крупной рыбой до самого верха. После чего, моей будущей маме и ещё маленьким тётушкам приходилось несладко. Они накладывали улов в обычные вёдра и разносили его по деревне.

Время от времени, в камыши заходили огромные сазаны до метра длинной, и весом в тридцать-тридцать пять килограммов. Иногда появлялись и осетры величиною в два метра.

И те и другие, увлечённо кормились в заболоченной местности и, в ходе отлива, частенько оказывались на мелководье. Они застревали в густой вязкой тине, и стояли там неподвижно по многу часов. До тех пор, пока не менялось направление ветра и не нагоняло воду с Каспийского моря.

Сами хорошо понимаете, что такую мощную рыбу два человека вряд ли возьмут. Прежде чем погрузить подобного монстра в скромную лодку, приходилось стрелять в них из

ружья. Иначе он начнёт биться и опрокинет твою плоскодонку. Ты свалишься в воде и потеряешь улов.

Осенью и зимой Фёдор Терентьевич ездил «на кабана». А это, если кто-то не знает, свирепая, дикая и очень большая свинья. Длинною она превышает рост человека. В холке может достигнуть, целого метра и набрать вес до двухсот килограммов. Мало того, она бежит гораздо быстрее людей, а ударом тяжёлого рыла сбивает с ног крупную лошадь.

Однажды, моему дедушке пришлось в этом во всём убедиться на собственном опыте. В тот памятный день, он долго бродил по заболоченным плавням и, наконец, подстрелил кабана.

Фёдор Терентьевич дождался, когда затихнет агония, и подошёл к большому животному с острым кинжалом. Нужно было перерезать горло добычи, и спустить кровь из неё. Иначе мясо окажется не таким вкусным, как должно было быть.

В это момент, страшный зверь вскочил на ноги, мотнул тупой мордой и достал своим рылом охотника. Клыки секача насквозь пробили резиновые сапоги, ватные брюки с кальсонами и вонзились в правую ногу. Дедушка отлетел на несколько метров и, обливаясь кровью, рухнул в жидкую грязь.

Нужно сказать, ему повезло и это движение оказалось последним, что смог сделать кабан. Если б удар пришёлся в жи-

вот, то охотник скончался на месте. К счастью, вебрь упал и больше не шевельнулся ни разу. Товарищ дедушки наложил другу повязку и помог добраться до дома вместе с ценной добычей.

Благодаря охоте с рыбалкой, даже в то трудное, послевоенное время мяса, птица, рыба и даже икра, никогда не переводились в их доме.

Вместе с бабушкой и семерыми детьми, дедушка посадил и вырастил, большой виноградник и сад, где росли разнообразные фрукты. Он был человеком умным, талантливым, честным и очень доверчивым.

Многие люди часто использовали его открытость и бескорыстие. Но он всё равно не уставал повторять: – Красота человека в том, что он умеет прощать! – и добавлял: – Нужно быть умнее обидчика и заговорить с ним самому!

Всю свою жизнь Фёдор Терентьевич не переставал постоянно учиться и следил за новинками науки и техники. Он первым в деревне приобрел всеволновый радиоприемник и холодильник. Во всём районе у него первого появился тогда телевизор.

Новинка так заинтересовала деревню, что старшим дочерям Фёдора Терентьевича, тотчас нашлась очередная работа. Каждый день они брали газету, в которой печаталась программа телепередач. Переписывали её крупными буквами и вывешивали возле ворот.

Сельчане являлись смотреть телевизор целыми семьями. Причём приходили, каждый со своим табуретом. «КВН» с маленьким, с открытку, экраном и круглой линзой с водой, выносили из комнаты на не застеклённую большую веранду. Там его могли посмотреть, как можно больше людей.

За годы жизни в деревне, дедушку несколько раз избирали председателем большого колхоза. Многие годы Фёдор Терентьевич трудился главным инженером сельхозпредприятия.

Затем, рядом построили завод по производству виноградных соков и вин. Хорошо зная дедушку, руководство района назначило его туда главным механиком. Там он и служил до тех пор, пока не вышел на пенсию в 1974 году.

За свою долгую жизнь дедушка заработал огромный, заслуженный авторитет у всех селян. Во всех разговорах между собой, люди его величали только по имени отчеству – Фёдор Терентьевич.

Хотя почти всех его многочисленных родственников продолжали звать только по имени. Добавляли лишь прозвище, произошедшее от имени его бабушки – Харетиньичивы. К именам жены дедушки и его дочерей стали добавлять новое прозвище – Тереньтьечивы.

К концу жизни дедушка начал всё больше болеть. В 1976 году его разбил сильный инсульт, частично парализовало, и нарушалась речь. Последний год он передвигался только по

дому, да и то с превеликим трудом. 30 декабря 1978 года Федор Терентьевич умер в возрасте 66-ти лет.

На его похороны пришли все, жившие в огромном селе Новоголовка, и приехали люди из соседних селений Азербайджана. Всю дорогу на кладбище, а это более трёх километров, его гроб несли на руках.

Бабушка, Евдокия Николаевна, умерла в городе Куйбышеве, двадцать шестого февраля 1990 года.

Дачники и натуральные удобрения

Вы, наверное, знаете, кого в нашей стране презрительно кличут дачниками-неудачниками? Это не богачи, которые отдыхают на лоне природы. А те несчастные люди, что в свободное время пахут там, словно рабы.

На мой взгляд, это не совсем нормальные граждане. Ведь в погоне за урожаем фруктов и зелени, они готовы пойти на всё, что угодно. Вот вам один из ярких примеров.

Моя мама очень любила ковыряться в земле. Как-то раз она мне сообщила о странной соседке по садово-огородному обществу. Пока эта женщина трудилась на большом предприятии, она представляла собою очень культурную и весьма утончённую даму. Мало того, она всегда выглядела так хорошо, словно недавно сошла с обложки журнала «Бурда».

То есть, была жуткой модницей. Для неё, маникюр на руках и причёска являлись главным смыслом всей жизни. О дорогой и стильной одежде, я вообще умолчу. Это само собой разумеется.

В то давнее время, она удивительно редко появлялась на даче, а если, что-то там и сажала, то только цветы, и то только в перчатках. Причём, всеми силами дама старалась не прикасаться к земле. Видно, сильно боялась запачкаться.

Стремительно мчались неумолимые годы. Героиня рассказа постепенно состарилась и вышла на пенсию. Вот тут, в

ней внезапно проснулась, необоримая тяга к крестьянскому образу жизни.

Первым делом, она посадила слегка проросший чеснок. Для этого, она очистила каждую дольку от шелухи, отрезала пробившиеся чуть корешки и посадила зелёными росточками вниз. Потом долго думала, почему у неё ничего не возшло?

Она вплотную занялась садово-огородным участком, и вся былая ухоженность дамы бесследно исчезла неизвестно куда. Мало того, изменились взгляды на всё, что находится рядом.

Как-то раз, моя милая мама возвращалась домой. Её догнала соседка, и они вместе пошли к остановке автобуса. Скоро дачи закончились. Узкий просёлок нырнул в лиственный лес, за которым находилось шоссе.

На самой опушке, когда-то, утончённая дама, наткнулась на скромную горку свежих конских каштанов. Видимо, здесь не очень давно, проехал местный лесник и остановился по каким-то делам.

Лошадь решила воспользоваться небольшой передышкой и вот, вам пожалуйста, результат налицо. Ну, да дело житейское, с кем не бывает? Тем более, что это же не человек, а неразумный домашний питомец. Хоть, и очень большой.

Одним словом, дама увидела эту, немного дымящуюся, навозную кучу, радостно взвизгнула и метнулась вперёд,

словно к внезапно обрётённым сокровищам. На ходу она рылась в старенькой сумке и, наконец, достала оттуда пакет из прочного пластика. Женщина встала на четвереньки перед неожиданным подарком небес и хотела уже собирать всё руками.

Моя мама выросла в далёком селе и хорошо понимала, что конский навоз является лучшим из всех удобрением для различных растений. Однако, увидев странные действия ближайшей соседки, она поспешила спросить: – Ты что собираешься делать?

– Как это, что? – удивилась женщина такому вопросу: – Разведу его в тёплой воде и подкормлю огурцы с помидорами. Так и спасу их от недостатка различных веществ.

– Ты же завтра собиралась приехать на дачу? – напомнила моя мама подруге: – Вот тогда и возмёшь. Кстати он немного подсохнет и не будет так сильно пачкать, как свежий.

– Ни за что? – возмущённо воскликнула дама: – За это долгое время, кто-то из дачников его обязательно стащит.

– Ты решила сейчас вернуться на дачу? – продолжала мама допрос: – Пока будешь бегать туда и сюда, автобусы перестанут ходить, и придётся тебе, здесь ночевать. А домашним своим ты, наверно, сказала, что приедешь сегодня. Значит, они начнут волноваться. Ещё чего доброго, тебя станут искать.

– Ну, тогда я возьму это с собой. Дома положу на балкон,

а завтра с утра, привезу всё назад.

– Да ты, что очумела? – удивилась мама словам странной соседки: – Он же сильно воняет. Тебя сразу высадят из любого автобуса. Будешь топтать пешком до самого города.

– Что же мне делать теперь? – расстроилась дама: – Жалко его тут бросать. Ведь сколько пользы оно могло принести моим чахлым растениям.

– Сложи его в свой пакет, и спрячь в кустах на опушке. Завтра приедешь и спокойно возьмёшь.

Соседка обрадовалась такому решению и вновь потянулась к навозу.

– Да не руками, его собирай. Горе, ты моё, бестолковое. – в сердцах крикнула моя кроткая мама: – Сейчас вся испачкаешься, а где мыться станешь потом? Вода у нас давно уже кончилась. Так и будешь добираться до дома с грязными лапами? Сорви большой лист лопуха и используй его, как перчатку.

Так соседка и сделала. Она упаковала «сокровище» в старый мешок, спрятала в ближайших кустах, и женщины двинулись дальше.

Моя мама вернулась с дачи домой и рассказала, мне эту смешную историю. Почти всю неделю, я вспоминал нашу соседку и хохотал над ней до упаду. Потом мне стало уже не до смеха.

Дело всё в том, что моя дорогая родительница неожидан-

но вспомнила неприятную вещь – мы довольно давно не подкармливали почву на даче. Она немного подумала и решила, мол, нужно ей тоже, хорошенько, удобрить участок.

В отличие от любимой подруги, она всё ещё продолжала работать. Причём, трудилась диспетчером в крупном автотранспортном предприятии города. Там было множество грузовиков.

Часть из них вывозили навоз на поля с колхозных животноводческих ферм. Существовали тогда такие агропром.предприятия. Типа объединений сегодняшних фермеров.

На следующее утро, моя мама поговорила с людьми и быстро узнала, кое-что интересное. Выяснилось, что этим прибыльным делом промышляет вполне устоявшаяся группировка водителей. Можно сказать, доморощенный клан местной мафии.

Они объединились в небольшую команду и подключили к работе руководителей животноводческих ферм и агрономов колхозов. Благодаря подобному сговору, у них появлялись никем неучтённые тонны навоза. В том числе, конского.

Вот это «богатство» они продавали тем дачникам, что обитали поблизости. Так как, у них не оказалось ни одного конкурента, то они заломили непомерно высокие цены.

Кстати сказать, недавно я залез в интернет и узнал, сколько сейчас стоит тонна коровяка? Оказалось, что цены остались на том прежнем уровне. Конечно, если учесть безудержный рост российской инфляции.

Что раньше тонна навоза тянула десятую часть средней зарплаты советского труженика, тоже она стоит сейчас. Так что, и я могу позволить себе, его прикупить. Вот только за-чем? На моё счастье, дачи у нас теперь уже нет.

Ну, да я не об этом хотел рассказать. После того, как моя милая мама всё хорошенько узнала, она отдала кому нужно, деньги и заказала машину пахучей субстанции. В назначенный водителем день, ценный товар привезли на участок и свалили его напротив нашей калитки.

Огромная куча перегородила дорогу, по которой всё время, ездили наши соседи. Они подняли шум, и я выслушал великое множество забористых слов. Их не принято повторять в приличном сообществе.

Узнав пожелания милых людей, я взялся за работу. Мне одному, нужно было, убрать с узкой дороги пять тонн навоза, и перенести на свою территорию. Труд был, конечно, невероятно тяжёлый, но у меня имелась тележка. Да и до места складирования, оказалось не так далеко. Всего метров десять-двенадцать. Так что, это казалось под силу архитектору-проектировщику вроде меня.

Вот только, мои неприятности на этом не кончились. Дело заключалось в другом. Как оказалось, вместе с тем удобрением в кузове грузовика приехало множество злых насекомых. То есть, пара десятков проголодавшихся оводов и пять-шесть очень крупных слепней.

Если кто-то не знает в чём, собственно, разница, то я им сейчас объясню. Овод, это крупная муха очень похожая на простую пчелу. Только она вовсе не чёрная с жёлтой полоской, а безрадостно серая, словно её посыпали пылью. Даже глаза, у неё цвета старого пепла.

Жала у них, правда, нет, но кусается твари нисколько не хуже, чем осы. Они очень легко прокусывают кожу людей и животных и пьют горячую кровь большим хоботком. Причём, делают это лишь злобные самки. Самцы у них существа утончённые и невероятно возвышенные. Они, как прекрасные бабочки питаются только нектаром цветов.

Ну, а слепень, тот значительно симпатичнее овода. Одни глаза у него чего только стоят. Большие, выпученные и переливаются всеми оттенками радуги. К моему сожалению, несмотря на свою красоту, это более вредная живность.

Во-первых, он вдвое больше обычного овода и похож не пчелу, а на крупного шершня. Шершни это такие громадные, до четырёх сантиметров в длину, и очень опасные осы. Десятка укусов, хватает на то, чтобы мужчина погиб в страшных мучениях.

Во-вторых, самки слепня кладут свои яйца под кожу всех теплокровных существ. Причём безразлично, кто им попался в пути, человек или бык? Из яиц очень быстро вылупляются десятки личинок, и начинают с большим аппетитом жевать тело носителя. При этом, возникают ужасные боли в тех

мышцах, где они поселились. Поэтому, тех червяков вырезают хирургическим скальпелем.

Теперь вы понимаете, что я делал тогда. Не столько занимался погрузкой с разгрузкой, сколько скакал у кучи с навозом и отмахивался грязной лопатой от летучих существ.

Должен сказать, что слепни оказались чуть благороднее и предупреждали о своём появлении. Они издавали гудение, которое весьма походило на жужжание большого шмеля. Нужно было, держать ухо остро и отскакивать в сторону при их приближении.

А вот мерзкие оводы подлетали совершенно бесшумно и сразу впивались в голую кожу. К тому же, делали это с удивительной силой. Было так неприятно, словно в тебя ткнули шилом.

Я прыгал на месте от боли и, в надежде убить кровопийцу, хлопал ладонью себя по укушенной точке. Иногда, я попадал по большой вредной мухе. Значительно чаще они удирали, и через пару секунд нападали опять.

Плюс ко всему, в тот знаменательный день стояла удивительно жаркая погода без ветра. Насколько я помню, в тени было около тридцати пяти градусов, а на солнце, наверно, за сорок. Я имею в виду градусник дедушки Цельсия.

Совершенно естественно, что на таком солнцепёке я выдерживал возле кучи навоза не более пары-тройки минут. За

это короткое время я нагружал тачку доверху и удирал вместе с ней в тень ближайшего дерева.

Минут пять я «отдыхал» от перегрева. Затем вытряхивал из тележки её содержимое и возвращался назад, к удобрению. Запах свежего коровяка, я не могу вам сейчас передать. Не хватает в моём лексиконе цензурных, но убедительных слов.

Таким образом, я словно раб упорно трудился до самого вечера. За пять долгих часов, я кое-как закончил работу, освободил всю дорогу для проезда любимых соседей и, оставшись без сил, стал собираться домой.

На даче у нас находился металлический бак размером на пару-тройку кубов. Лето стояло потрясающе жаркое и воды, в тот страшный день почти не осталось. Мне удалось лишь слегка вымыть руки и шею с лицом.

Нужно ли сейчас говорить, как от меня все ворочали нос? В первую очередь, пассажиры муниципального транспорта? Хорошо, что хоть дома меня ожидала полная ванна.

Зато наша дача была обеспечена экологически чистым продуктом на долгие годы вперёд. Думаю, что подобные действия лишь помогали российской природе и больной экономике нашей страны. К тому же, моей милой маме не пришлось собирать свежий навоз за животными, как это делала наша соседка

Шумная свадьба

С двенадцати лет, Таня Зиновьева сильно хотела, выйти замуж за Колю Потанина. В шестом классе, она только смотрела на красивого мальчика. В седьмом, угощала его яблоками, конфетами и шоколадом. В восьмом, часто звала сходить с ней в кино и на танцы. В девятом, приглашала домой, когда оба родителя надолго уезжали на дачу.

Через какое-то время, неожиданно выяснилось, что Таня уже на сносях. Срок разрешения от бремени быстро приближался к концу, а Коля даже не думал предложить руку и сердце своей «потяжелевшей» подруге. Видя, что дело не движется с места, на парня надели родители с обеих сторон.

Кое-как они убедили упрямца, что нужно ему, узаконить отношения с девушкой. Наконец, десятиклассники подали заявление в ЗАГС. Чиновники сделали исключение для молоденькой пары. Они назначали сочетание браком на самую близкую дату, какую смогли отыскать.

Таня была на девятом месяце первой беременности и на седьмом небе от счастья. Совершенно естественно, что она весьма волновалась по данному поводу. Ведь сбывалась мечта всей её жизни. Вот так и вышло, что накануне важного дня, у девушки вдруг начались сильные схватки.

Ближе к полуночи, молодую невесту увезли в родильное отделение районной больницы. В пять утра, она благополуч-

но разрешилась от бремени. В восемь, Таня была уже в парикмахерской. В девять, её нарядили в фату и белое платье. В десять, она стала женой горячо любимого Коли.

В четырнадцать, молодожены и гости примчались в квартиру молодого супруга. Ну, а там началось привычное для россиян, торжество. Всем было потрясающе весело. Люди пили, ели, плясали, и повторяли всё это один круг за другим. К удивлению приглашенных гостей, молодая роженица не отставала от них.

Лишь в двадцать два тридцать по местному времени, родители Тани уговорили счастливую дочку, наконец-то, вернуться в роддом. Молодую супругу силком посадили в машину, отвезли в отделение и сдали дежурному медику, потрясённому до самых глубин зачерстневшей души.

Выяснилось, что эскулапы и не заметили, когда из палаты сбежала юная мама. Дело всё в том, что остальные роженицы прикрывали Татьяну и говорили врачам, что не очень давно, она ушла в туалет. Тем и в голову тогда не пришло, что это неправда.

Меж тем, весёлая свадьба продолжала шуметь. Стояла тёплая весенняя ночь. В панельной «хрущёвке» всем стало по-настоящему жарко. Оно и понятно, ведь для гостей приготовили много крепких напитков и вкусной еды.

Мало того, каждые четверть часа, включался магнитофон,

а поддатых людей приглашали на танцы. В основном, они были достаточно быстрыми и весьма экспрессивными.

Пытаясь охладить атмосферу, хозяева открыли все окна и балконную дверь. Время от времени, народ выходил из квартиры на воздух, чтобы слегка освежиться. Представители сильного пола курили, женщины просто стояли и болтали о том и о сём. Потом, все опять возвращались к богато накрытым столам.

Один из гостей чуть задержался. Вдруг голова у него закружилась от обильно выпитой водки. Парень облокотился на невысокие стальные перила. Как часто бывает по пьяному делу, он потерял равновесие. Перевалился с балкона наружу и обрушился вниз с высоты в пять этажей.

Не издавая ни звука, подвыпивший гость пролетел больше трёх метров и попал в крону пышного дерева. Там он обрушил десятки прочных сучков, влетел в куст цветущей сирени и проломился сквозь ветки насквозь. После чего, рухнул плашмя на влажный газон.

Парень с трудом поднялся с мягкой земли, и очумело покрутил головой. Поняв, где оказался, он решил, что нужно срочно вернуться на свадьбу. Иначе там всё допьют и съедят без него. Сильно качаясь, он дошёл до подъезда, шагнул в открытую дверь и, держась рукою за стенку, поднялся по лестнице на пятый этаж.

Все гости плясали очередной рок-н-ролл. Никто не заме-

тил, что гость появился не с балкона квартиры, а через настежь открытую наружную дверь. Главное, что он немедленно влился в ряды весёлых танцоров.

Лишь после того, как все уселись за стол, кто-то заметил, с парнем что-то не так. Он был весь исцарапан. Рубашка и брюки изорваны в тонкие ленты. Их покрывали пятна размазанной зелени и чёрной земли.

Сердобольные женщины спросили у парня: – Что же случилось с тобой? Ты с кем-то подрался на улице?

Он не стал изворачиваться и честно ответил. Мол, ничего такого, особенного. Просто упал с балкона на землю.

Его тут же погрузили в машину, которая недавно приехала из родильного дома. Парня устроили на заднем сидении и снова помчались в больницу.

В приёмном покое врачи осмотрели беднягу. К своему изумлению, медики поняли, что он отделался только ушибами и множеством ссадин. Не было ни переломов, ни ушибов внутренних органов, ни даже лёгкого сотрясения мозга. Вот уж действительно, Бог бережёт сильно пьяных людей.

Госпитализировать парня не имелось причин. Его снова посадили в машину и отвезли в ту квартиру, где продолжалась шумная свадьба. Там, вместе со всеми, он и гулял до утра. Потом немного поспал и повторил всё новому кругу с остальными гостями.

Благодаря той истории, вся округа надолго запомнила бракосочетание Тани Зиновьевой и Коли Потанина.

Как это ни странно, но пожилые родители не бросили юных супругов в такой непростой ситуации. Они взяли воспитанье ребёнка в крепкие, взрослые руки и дали Тане и Коле возможность продолжить своё обучение.

Молодожёны окончили школу, и поступили каждый в свой институт. Она устремилась в КИСИ, а он в политех. Оба благополучно защитили дипломы, и пошли на работу.

Они до сих пор счастливы вместе. У них уже трое детей. Так же, как в первую «ходку», все прочие роды у Тани прошли на удивленье легко. Словно, она в туалет «по большому» сходила.

Высокие двери

Стояла поздняя осень. На улице было холодно, очень сыро и ветрено. Вдоль узкой дороги теснились небольшие дома старой постройки высотой от двух до четырёх этажей. Почти все окна строений заливала плотная тьма. Лишь редкие фонари позволяли увидеть асфальт, заставленный множеством автомашин.

– Нам с тобою сюда. – сказала моя милая мама. Она открыла высокую остеклённую створку, хорошо изготовленную из какого-то прочного дерева. Мы переступили порог и оказались в совершенно пустом помещении. В нём висела одна тусклая лампочка, что едва разгоняла плотные сумерки. Миновав ещё одни двери, мы вдруг попали в совершенно другое пространство.

На меня тут же обрушились волны яркого света, удивительных запахов и ровного монотонного гула. Перед нами открылась длинная неширокая улица, сильно загромождённая толпою народа.

Сотни людей суетливо ходили туда и сюда. У всех в руках имелись большие авоськи, набитые различными свёртками. Сквозь обёрточную бумагу угадывались различные вещи, посуда для кухни или какие-то бытовые приборы.

Справа и слева виднелись большие проёмы, ведущие в отдельные торговые залы. С обеих сторон, находились два ря-

да широких балконов с решётчатым стальным ограждением. Они тянулись над магазинами и уходили куда-то вперёд.

На втором и третьем ярусе здания тоже мелькало очень много народу. Одни люди входили в широкие двери, расположенные вдоль длинных открытых площадок. Другие выходили оттуда, неся в руках то, что недавно купили.

Чуть выше я разглядел какую-то странную штуку. Она представляла собой множество металлических дуг, стоящих на стенах продольных домов. Секунду спустя, я догадался, что вижу необычную крышу.

К моему удивлению, она состояла не из деревянных брусков, пыльных досок, и кровельной жести. Она оказалась из прозрачных стеклянных листов. Сквозь них я увидел луну, которая на секунду мелькнула среди плотного полога туч.

– Дорогие покупатели. Если вы потеряли друг друга, встречайтесь возле фонтана. Он расположен на центральной алее. – донеслось до меня из больших репродукторов, что висели на стенах.

– «Надо же,» – сказал я себе: – «в этом большом магазине есть даже фонтан».

В ту славную пору мне было шесть с чем-то лет. Не очень давно, у меня родилась сестра. Мы оказались проездом в Москве и хотели, ей что-то купить. А заодно, приобрести подарки родным, которые проживали в Баку.

Моя милая мама увидела, что-то ей нужное, и устреми-

лась туда. В отделе лежало столько различных игрушек, что у меня разбежались глаза. Мама немного подумала и решила взять «неваляшку».

Это такая красивая кукла, которая состояла из двух шаров из пластмассы, расположенных один на другом. Один шар был поменьше и находился вверху. На нём имелись глаза, которые во время движения, перемещались туда и сюда.

Второй шар оказался чуть больше и размещался внизу. Если игрушку толкнуть, то она не падала на бок, а начинала качаться. Изнутри доносился нежный перезвон колокольчиков.

К моему удивлению, таких кукол в Москве производили полно, и все они оказались самых разных размеров. Одни были величиною с два моих кулака, другие доставали ребёнку почти до колен.

В то время, в магазинах вертелось столько народу, что возле любого прилавка постоянно тянулась длинная очередь. Пока моя мама стояла за «неваляшкой» я, от нечего делать, гулял по торговому залу.

– Далеко не ходи. – услышал я вслед.

– Хорошо. – откликнулся я, вышел сквозь широкий проём и огляделся вокруг. Везде было так много всего интересного, что я тотчас забыл о своём обещании маме.

Возле входа стояли два металлических ящика размером с двухстворчатый шкаф. В верхней части устройства имелось

окно, сквозь которое смог бы пролезть даже подросток. Его закрывало стекло с яркой надписью наискосок. Я прочёл по складам «Газированная вода».

Чуть ниже, справа и слева имелись узкие прорезы. Над одной было выбито «10 копеек», над другой цифра в три раза больше. В центре громоздкой конструкции находилась неглубокая ниша. Там виднелся прозрачный гранёный стакан. Насколько я знал, его можно ополоснуть в маленькой мойке, расположенной рядом.

Тут же висели два телефона, величиной с небольшой чемоданчик. Слева, на рычагах, болтались массивные трубки, привязанные к аппаратам толстым электрическим кабелем.

Я хорошо всё рассмотрел и узнал, что если хочется поговорить, то нужно бросить в узкую щель пятнадцать копеек. Денег у меня при себе не имелось, пить пока не хотелось, звонить было некому. Я с лёгкой душой, двинулся дальше.

На соседней стене находились странные ящики размером с меня. На их передней поверхности крепилось узкое зеркало. Сверху торчала короткая блестящая трубка. Вокруг витали приятные запахи, которые ощущались тогда в парикмахерских.

Мне шёл лишь седьмой год от рождения. В школу я ещё не ходил, а читал тогда не очень уверенно. Я понял лишь то, что в автомат нужно бросить всё те же пятнадцать копеек. Для чего это нужно, я не смог разобрать.

Хорошо, что жизнь подсказала ответ. К сияющим ящикам

подошла какая-то красивая женщина с пышной причёской. Она осмотрела устройства, выбрала одно из их череды и сунула в щель небольшую монетку.

Из верхней трубочки вылетело маленькое белесое облачко и окутало голову дамы. В воздухе распространился аромат одеколona. Сразу запахло лесными цветами. Глядя в зеркало, женщина поправила волосы и направилась к выходу.

Насладившись невиданным зрелищем и благовонием, я вспомнил, то объявление, что слышал, войдя в магазин. В нём говорилось о каком-то фонтане.

– «Нужно на него посмотреть. Вдруг потеряюсь, так буду знать, куда мне идти, чтобы встретиться с мамой? – подумалось мне.

Я шёл мимо множества залов, наполненных людьми и товарами. Кругом виднелись протяжённые очереди. Одна из них почему-то заполнилась мне. Наверное, потому, что там находились лишь женщины.

Оказалось, что все они покупали чулки из капрона. Я случайно услышал, как одна дама сказала другой: – Стоим битый час. Сначала были чулки многих цветов и фасонов. Интересно, что достанется нам?

Когда я шагал мимо прилавка, там оказалась дородная женщина сельского типа. По всей видимости, она приехала из глубинки России. Стройная продавщица взглянула на даму кустодиевских форм и пропорций. Она сморщила милое

личико и спросила с презрительной миной: – Вам с чёрной пяткой или дать однотонные?

На что женщина равнодушно ответила: – Ну, если остался лишь брак производства, то мне, в общем, без разницы! Всё равно, в валенках видно не будет!

Разглядывая людей и товары, я медленно продвигался вперёд. За это недолгое время, по радио несколько раз повторили то объявление, где говорилось о встрече возле фонтана.

Вдруг предо мной оказалась круглая ваза из камня высотой в три моих роста. Из невидимых трубочек брызгали тонкие струйки. Они все стекали в небольшой неглубокий бассейн. В прозрачной воде плавали крупные разноцветные карпы. На дне блестели монетки, в основном, серебро с гербом СССР.

Разглядывая крупных увесистых рыб, я застыл возле бортика и стоял пару-тройку минут. Вдруг сзади послышался голос моей милой мамы: – Я же тебе говорила, не уходи далеко.

Она взяла меня за руку и повела по другим торговым отделам. Нужно было купить ещё очень много вещей.

Лет через двадцать, я вновь оказался в столице по каким-то очень важным делам. Сделав всё, что хотел, я прогулялся по Красной Площади и свернул ко входу в большой магазин. Мне нужно было что-то купить.

В то время, как и сейчас, в Москве у меня почти не было знакомых людей. Так что, я и не ждал там кого-то увидеть. Каково же было моё удивление, когда возле дверей я столкнулся тем человеком, с которым и дома, в Самаре, нечасто встречался.

Им оказался приятель моего лучшего друга. В те давние годы, я увлекался настольной игрой, называвшейся теннисом. На соревнованиях города я пересекался с другими спортсменами. Все мы знали друг друга в лицо. Иногда, здоровались за руку и о чём-то болтали.

И вот, в самом сердце страны, мы почти налетели один на другого. Так уж случилось, что оба куда-то спешили. Поэтому, мы просто кивнули и разошлись в разные стороны.

В тот день, в магазине всё шло, как обычно. Кругом толпился народ, на короткое время заглянувший в Москву. Кто-то прибыл в командировку, кто-то оказался проездом, кто-то решил осмотреть достопримечательности огромного города.

Все они выкроили пару часов из плотного графика, и пошли в самый большой магазин. Все хотели, что-то купить на память себе, родным и друзьям. Перед каждым прилавком стояли протяжённые очереди из десятков людей.

В одном из отделов продавали любой инвентарь, нужный советским спортсменам. Кругом лежали тапочки, кеды, майки, трусы и прочая физкультурная форма. Обычно там было довольно свободно. В этот же примечательный день, туда

завезли новомодные английские плавки.

Совершенно естественно, что к прилавку немедленно встал длинный хвост из людей. В основном это были тётушки разного возраста. Они покупали обновку своим любимым мужчинам: сыновьям, братьям или мужьям. Как они все там оказались до сих пор непонятно.

Оглядев протяжённую очередь, я с огорчением понял, что торчать там придётся достаточно долго. Тут я заметил молодую высокую девушку, которой было не более семнадцати лет. К счастью, она находилась недалеко от прилавка.

Я подошёл к стройной красавице, слегка наклонился и тихо сказал на ушко: – Не могли бы вы мне, взять плавки сорок восьмого размера?

Она посмотрела мне прямо в глаза и вдруг, согласно кивнула. Женщины, стоявшие сзади, стали вопить: – Молодой человек, встаньте в очередь, как все остальные.

Я уже собрался уйти, но тут девушка повернулась к горластым матронам и крикнула звонким мальчишечьим дискантом: – Что вы шумите, что мой муж!

Все голоса сразу стихли. Воцарилась та тишина, которую зовут абсолютной. Видно всё тётушки неожиданно вспомнили свои юные годы.

Товар был штучным, брали его не так чтобы много. Поэтому, очередь быстро продвигалась вперёд. Минут через пять, девушка взяла у молодой продавщицы парочку плавков. Она расплатилась за них, и мы вышли из душного зала.

В коридоре красавица отдала мне шикарные английские плавки. Я протянул ей деньги и большую плитку шоколада «Гвардейский», что лежала в моей старенькой сумке. На том мы, навсегда и расстались. А ведь кто знает, не упустил ли я в этот момент любовь всей моей жизни?

Жизнь среднего класса в России

Среди многих знакомых общительной Верочки была молодая чета. Они оба учились в строительном институте, только чуть раньше, чем женщина, лет на пять или шесть. Благополучно закончив КИСИ, молодожёны пошли на работу по любимой специальности.

В те времена, её было в России навалом. На любой остановке муниципального транспорта виднелись щиты с удивительной надписью – «Требуются». Чуть ниже висели бумажки с перечнем различных вакансий. Искали людей самых разных профессий. От простых рабочих до инженеров с учёными. Выбирай, не хочу.

К 1991-му году, супруги создали себе репутацию неплохих архитекторов в городе. Тем временем, руководители советских заводов и фабрик прихватизировали достояние народа. Они выгнали рабочих на улицу, а ценнейшую технику и оборудование сдали в металлолом.

На огромные деньги, добытые «честным и непосильным трудом», нувориши начали строиться. И тут подфартило талантливым зодчим. Они взялись проектировать жильё для богатых людей.

Те, кто был победнее, заказывал себе трёхэтажный коттедж, размером с футбольное поле. Кто наворовал значительно больше, нуждался в обширном поместье с настоящим

дворцом.

И чтобы везде, ярко блистала золотая лепнина. В пример, богачи приводили дом Воронцова в Алушке и другие строения, что они когда-то встречали в советском Крыму.

В то давнее время, в них находились всесоюзные здравницы. Туда мог попасть любой гражданин СССР. Нужно было лишь взять путёвку в профкоме. Теперь там стоят большие заборы, за ними опять живут нувориши.

Дела архитекторов шли так хорошо, что они купили всё то, что так долго хотели: большую квартиру в центре Самары, дорогую стильную мебель и очень «крутую» машину в виде чёрного японского джипа.

Немного подумав, они отправили своих двух детей за границу. Мол, теперь они не та голытьба, что обитает вокруг. Пусть ребята поучатся в Англии и привыкнут к хорошим условиям жизни.

– Наконец-то, сбылась вековая мечта советских интеллигентных людей. – всюду говорили везучие зодчие: – Закончилась та уравниловка, что царил в проклятом Советском Союзе. Теперь, те российские граждане, что владели специальностью и любили работать, стали цениться значительно выше всех неумех и бездельников.

Только они и являются истинной солью русской земли. Теперь они превратились в, так называемый, средний класс нашего развитого индустриального общества.

В этой сплочённой семье всё шло именно так, как демократы твердили по радио с телеком. Иван с Катериной зарабатывали огромные деньги и «поднимались», как на дрожжах.

На большие доходы, они купили внушительный бревенчатый дом, стоящий в деревне, недалеко от Самары. В первую очередь, супруги наняли бригаду строителей и сделали там капитальный ремонт.

Работяги расширили окна до тех огромных размеров, что обычно встречались в Италии или во Франции. Ещё возвели большую веранду и установили высокие стеклянные двери, ведущие в сад. То есть, приблизили облик строения к тому идеалу, что был у помещиков начала двадцатого века.

Мало того, архитекторы облагородили старый сарай и купили себе молодого коня. Ведь успешные граждане должны кататься верхом. Правда, не все предпочитали четвероногих животных. Большая часть богачей любила сидеть на шее у бедных сограждан.

Постепенно, «хозяева жизни» возвели себе дворцы и коттеджи. Многие из нуворишей, вообще, утекли за рубеж. Новых заказчиков становилось всё меньше и меньше. С течением времени, работа исчезла совсем. Никому больше не требовался талант и умение двух архитекторов.

Оно и понятно, «наследие СССР» руководство России

успешно разграбило, а вот «новую экономику», так и не создало. Нельзя же «возвращаться обратно в совок» и делить на всех те доходы, что они получают от сырья или нефти. Это же будет простой уравниловкой. Разве не с этим боролись все демократы «великой» страны, начиная с Горбачёва и Ельцина?

Как бы то ни было, но остались два «крутых» архитектора на скромном пособии для безработных. Или, как говорится теперь: – Они стали фрилансерами. Мол, как ты потопаешь, так и полопаешь.

С другой стороны, два этих зодчих оказались весьма в неплохом положении. Квартира, мебель и прочие нужные вещи у них имелись в наличии. Машина была ещё на ходу.

Хотя владеть старым джипом стало удивительно дорого. Он жрал бензин целыми вёдрами. Да и запчасти к нему всё труднее найти. На западе, такие машины давно уже больше не делали. Так что, если сломается, то хоть бросай его где-то в дороге.

А тут ещё дом в предместье Самары на шее висел. Можно было бы сдать городскую квартиру, и обитать всё время в деревне. Но тут возникало много проблем.

Как оказалось, жить там зимою нельзя. Слишком холодно в особняке. Ведь благодаря огромным проёмам в стенах, его нельзя хорошо натопить. На одних дровах разоришься.

Плюс ко всему, во время весенней пробежки, конь поскользнулся на мокрой земле. Он неудачно упал и очень

сильно повредил себе спину. Так что, кататься на нём больше нельзя.

Продать больную скотинку они не смогли. Россия не викторианская Англия. У нас не привилась нелепая мода на верховую езду. Теперь и здоровые кони никому не нужны. Животное брали лишь на скотобойню, на мясо. Такому исходу вдруг воспротивилась интеллигентская совесть бедных фрилансеров.

Загородные дома или дачи у нуворишей давно уже есть. Других богачей в нашей стране что-то невидно. Скорее всего, они никогда не появятся. Работы для двух архитекторов нет никакой. Вот и уходят их деньги на содержание деревенского дома и коня-инвалида. А к слову сказать, живут эти животные лет по двадцать и более.

Рассказывая об этом супругу, Верочка неожиданно вспомнила ещё одну пару знакомых. Они учились в КИСИ вместе с ней. Жена в той семье была дочерью зодчего, довольно известного в определённых кругах.

Благодаря любимому папе, она создала небольшую контору, что бралась проектировать всё, что угодно. Инженеров тогда ещё было в России в достатке. Удавалось найти человека любой нужной профессии.

Лет десять кряду, дела шли хорошо. Супруги считали, что по доходам они приближаются к уровню жизни среднего класса. Не к такому, как в США или в Англии с Францией,

но всё же, и это для России неплохо.

Затем, молодые чиновники отодвинули в сторону старого зодчего, и он оказался на пенсии. Поток заказчиков пошёл уже мимо него. Контора его милой дочери осталась совсем без работы.

Теперь его крепкий зять шьёт брюки и куртки с пальто в небольшом ателье. Его дорогая жена убирает квартиры у очень богатых людей. Хорошо, что она познакомилась с ними, когда была на коне. Иначе кто бы пустил к себе голытьбу?

Несмотря на изменение в жизни друзей, Верочка продолжала встречаться с супругами. Во время таких посиделок, речь постоянно касалась политики и экономики нашей «великой» страны.

Непонятно с чего, но подруга всегда выступала за «родное» правительство. Причём, говорила, что называется, с пеной у рта. Её муж тотчас возражал. Несколько раз доходило почти что, до драки.

Верочка случайно узнала, что дочка подруги живёт с «крутым» бизнесменом. Великовозрастный зять владел крупной сетью зубных кабинетов в Москве. Тогда стало понятно, почему его тёща так защищала современную власть. Мол, пусть я плохо живу, так хоть Светланка отлично устроилась.

Конец ПЗП

В 14-го января 2020 года, на моём рабочем столе зазвонил телефон. Я поднял трубку и услышал голос начальницы строительного отдела института «ПромЗерноПроект». Она приглашала меня в свой кабинет.

Когда-то давно, данная организация была проектным институтом всесоюзного уровня. Она усердно трудилась не только для краёв и республик СССР, но и для многих стран нашей планеты.

Заказов было полно. В «конторе» работало почти девятьсот инженеров и техников. Их кабинеты занимали пятиэтажное здание шириною в пятнадцать и длиною в сто сорок метров.

Ведь как ни крути, а везде на Земле люди растили ячмень, пшеницу, рожь или рис. Всё это нужно было собрать, очистить от пыли и плевел, хорошо просушить и засыпать в закрома на хранение.

То есть, крестьянам требовались элеваторы и разнообразные здания, где обрабатывают весь урожай. Плюс ко всему, нужны всякие мельницы для изготовления крупы и муки.

Затем, начались глобальные реформы советской республики, которые, как нам говорили тогда, «приведут к процветанию России». Спустя тридцать лет, оказалось, что нам нагло ввали. У «наших хозяев» были совсем другие задумки.

Огромное здание теперь пребывало в чьих-то загребущих руках. Институт «ПЗП» превратился в маленькую частную лавочку, где трудилось всего лишь пятнадцать сотрудников. Трое из них, привлекались к работе лишь время от времени.

Судя по отчётам правительства, в России, как прежде выращивали много зерна. Но, то ли, оно теперь было девственно чистым и генномодифицированным, то есть совершенно не гнило от сырости? То ли, без всякой очистки и сушки шло за границу прямо с полей?

Скорее всего, все плодородные земли попали в «нужные руки» нескольких невероятно огромных агрокомпаний. Монополисты уничтожили фермеров и мелких производителей всевозможных культур. Они завели свои проектные фирмы, а все остальные оказались никому не нужны.

Увидев меня, начальница указала на стул, стоящий возле её небольшого стола, и посмотрев мне в глаза, твёрдо сказала: – Работы нет никакой, и в ближайшие месяцы ничего не предвидится.

К этому времени, мой возраст уже перешёл пенсионный рубеж. Кусок чёрствого хлеба мне был обеспечен «родным» государством. Я давно был готов к такому повороту событий. Написав заявление об увольнении по собственной просьбе, я тут же пошёл к хозяину нашей конторы.

Из разговора с женщиной я с прискорбьем узнал кое-какие детали. Оказалось, что две недели назад, шеф ездил в

Москву для «участия в тендере». Сельхоз министерству России нужно было построить большой элеватор для хранения зерна и крупную мельницу для производства муки.

В огромной приёмной сидело всего два человека. Ещё одного недавно позвали к большому чиновнику. Все они были хозяевами частных контор, и занимались разработкой подобных объектов. Люди представляли Самару, Краснодар и Сибирь. Больше таких специалистов в «великой» стране уже не осталось, совсем.

Мужчины часто встречались в кабинетах Москвы, хорошо знали друг друга и свободно общались на разные темы. А чего же им было между собой враждовать? Документы с предложением цены за проект давно находились в распоряжении заказчика. Ничего в них уже нельзя изменить. Осталось лишь ждать, волевого решения вельможных персон.

– Ты сколько насчитал за работу? – спросил сибиряк.

– Четыре миллиона рублей, а как у тебя? – поинтересовался мой шеф.

– Четыре пятнадцать. – ответил мужчина и хмуро добавил: – У Краснодара три девятьсот.

Разница оказалась совсем небольшой. Всё говорило о том, что цена соответствует реальной стоимости данной работы.

Тут моего шефа позвали к министру. Чиновник глянул в бумаги и сразу взял быка за рога: – Ты просишь четыре миллиона рублей. Министерство сможет вам дать лишь два

восемьсот. Краснодар готов сделать всё за данную сумму.

– За данные деньги я не смогу разработать документацию в полном объёме. – покачал головой мой начальник и печально вздохнул: – Ведь придётся ещё заплатить и за экспертизу проекта. А их услуги потянут тыщ на семьсот.

– Как знаешь. – лениво бросил министр. Его вид говорил, что разговор завершён.

Мой шеф вышел в приёмную. Он опустился на стул и стал ждать момента, когда сибиряк тоже выйдет из кабинета начальства. Тот появился через пару минут. Выяснилось, что и он отказался, работать за половину цены.

– Три дня назад, – продолжил рассказ мой насупленный шеф: – из министерства мне прислали письмо. Оно сообщало, что Краснодар просит убрать из состава проекта часть производственных зданий. Иначе, он не сумеет, разработать документацию в полном объёме.

Внизу стояла приписка министра, обращенная лично к владельцу нашей конторы: – Роман, составь мне такую бумагу, где говорится о том, что Краснодар не может выбрасывать эти сооружения из общего перечня. Иначе нарушиться вся технология переработки зерна.

– Я ответил в Москву, что ничего им писать я не буду. Мол, вы договаривались с краснодарской конторой, и разбирайтесь с ней сами. Зачем, мне врагов себе наживать?

Под конец разговора, шеф сообщил, что работы у нас впереди нет никакой. Я отдал заявление и получил полный рас-

чёт. Вернувшись в отдел, я рассказал всем сотрудникам о беседе с начальством, собрал свои вещи и пошёл восвояси.

Через пару недель, я был в том же здании, по личным делам и зашёл в свой бывший отдел. Там начинался капитальный ремонт. Видно хозяин решил сдавать все помещения в аренду.

Вопрос только в том, кому оно в нашей Самаре теперь может понадобиться? Шесть лет назад, в здании было много народу. Все бегали по коридорам, как муравьи. Теперь же вокруг полно пустых кабинетов.

Например, от нашей конторы осталось пять человек: хозяин, завкадрами, его родная сестра, то бишь, секретарша и пара инженеров-строителей. Они «подбирали хвосты» по несданным объектам. Все остальные благополучно уволились. Прочие фирмы тоже закрылись.

– Ну, вот и настал конец «ПЗП». Теперь в «великой» стране осталось лишь две частных конторы подобного профиля, в Сибири и Краснодаре. Только они, ещё смогут, запроектировать здания для хранения и переработки зерна.

Скорее всего, теперь будем есть искусственную муку из Китая». – подумал я грустно и поплёлся домой.

Иду на Вы. Шаг первый

После того, как институт «ПромЗерноПроект» приказал долго жить, я обзвонил всех знакомых архитекторов и инженеров. Поговорив с каждым о том и о сём, я рассказал абонентам о закрытии фирмы и с надеждой спросил – нет ли возможности, куда-то устроиться?

Все, как один человек, ответили мне, что их «институты» сидят без заказов и ждут неизвестно чего? Они постоянно участвуют в тендерах, но все объекты уходят только к родным и друзьям крупных самарских чиновников.

Большая часть проектировщиков города, оказалась без всякого дела. Старики «наслаждались» существованием на миниатюрную пенсию, которой хватало лишь на оплату квартиры и на то, чтоб не откинуть копыта от голода.

Те, кто был чуть моложе, нашли для себя работу охранников. Кто-то попал в гардеробщики, кто-то превратился в уборщиц в ещё не закрытых конторах. Молодёжь устроилась мерчендайзерами в торговых сетях. Они там раскладывали товары на полках.

Я погрузился, по поводу окончания очередного периода своей биографии, плюнул на всё и стал жить себе дальше. Через пару недель всё устаканилось. Я сидел за компьютером и писал те литературные опусы, до которых пока не доходили конечности: руки и ноги.

В конце января, мой интернет отключился. Наступил очередной срок оплаты. В Самаре стояла середина зимы. Температура минус двенадцать с небольшим ветерком. Я оделся в соответствии с погодой на улице и двинулся в офис оператора сотовой связи. До него было не так далеко, всего с километр.

Прогулявшись по небольшому морозцу, я, через пятнадцать минут, достиг намеченной цели и подошёл к терминалу, принимавшему деньги. Выяснилось, что автомат не работает. Он и раньше меня плохо слушался, а теперь совсем отказал.

Я направился к стойке, за которой сидели две молодые кассирши. Девушка в модных очках оказалась свободна. Я назвал номер модема.

Она пощёлкала мышкой компьютера и спросила очаровательным голосом: – Какую сумму кладёте на счёт?

За интернет я платил ещё в прошлом году. Зная, что после Рождественских праздников цены в стране опять поднялись, я тут же задал встречный вопрос: – А сколько сейчас стоит данный тариф?

Девушка меня, словно не слышала. Она смотрела на монитор, что-то читала и, ожидала, когда я отвечу.

– В декабре было двести сорок рублей. – сказал я кассирше: – У меня на счету что-то осталось с прошлых оплат. Возьми двести пятьдесят, чтобы было без сдачи. – я протя-

нул две бумажные сотни с полтинником.

Она пробила нужную сумму, отдала мне маленький чек и занялась новым клиентом.

Через четверть часа, я вернулся домой. Скинув в прихожей тяжёлые зимние вещи, я прошёл в тесную комнату, включил старый компьютер и с удивленьем узнал, что интернет не работает. Пришлось снова одеться и бежать в тот самый офис, откуда недавно пришёл.

Девушка, которая меня обслужила, была занята другим посетителем. Чуть вдалеке, в небольшом закутке, сидела её молодая начальница. Перед ней стоял такой же экран, как перед другими сотрудницами. В данный момент она оказалась совершенно одна.

Я подошёл к менеджеру, подал ей чек, который не успел к счастью выбросить, и объяснил ситуацию.

Женщина посмотрела в компьютер и сообщила: – С первого января ваш тариф стоит 275 рублей в течение месяца. Вы заплатили 250. Этого мало для оказания данной услуги.

– И сколько на счёте сейчас? – спросил я изумлённо.

– Двух рублей не хватает. – заявила мне женщина: – Доплатите и всё будет работать. (В то время, на два рубля можно было купить лишь небольшую коробку со спичками.)

Осознав смехотворность названной суммы, я вскинулся от недовольства, и громко спросил: – А почему мне ничего не сказали, когда я платил?

– Кто вас обслуживал? – спросила начальница.

– Вон та молодая коза. – кипя раздражением, указал я на девушку.

– У нас ни одной козы не работает! – осадила меня строгая женщина.

– Девушка, что сидит в дальнем углу. – поправился я.

– Идите и заплатите ей два рубля. – закончила дама разговоры со мной.

Переполненный злостью, я, громко ворча на такую работу, направился к двум юным сотрудницам офиса. Помня, что нахожусь в общественном месте, произносил я тогда только цензурные фразы. Да и не так, чтобы громко. Скорее вполголоса.

Обе кассирши были заняты делом. Два человека уже оплатили услуги. Они ждали получения чеков, чтобы убрать их в кошельки. Других посетителей поблизости не было.

Худенькая оперционистка, что так обслужила меня, сидела, потупив глаза. Её молодая соседка, девица ярко выраженного хабального типа, отпустила клиента и попыталась заткнуть извержение моего красноречия. Она заявила, что хватит кричать. Это мешает работать.

– Когда перевалит за шестьдесят, посмотрим, как ты начнёшь реагировать на такие фортели. – сказал я в ответ: – А то заставили меня старика, снова тащится сюда.

Ответить девушке было, в общем-то, нечего. Тогда она

применила обычный приём всех работников российского сервиса. То есть, прикинулась оскорблённой невинностью: – Я с вами не переходила на ты! – заявила она и постаралась испепелить меня злобным взглядом.

Она не держала в руках ни кастета, ни биты, которой играют в бейсбол. Весила явно меньше меня. Ростом была значительно ниже. Поэтому, я не боялся её грозных очей.

– Возьмите с меня два рубля, и я сразу уйду. – я протянул ей купюру.

– Я занята другою работой. – фыркнула разъярённая фурия и уткнулась в компьютер.

Тут освободилась та девушка, что была виновата во всей этой истории. Я протянул ей деньги и чек и спокойно сказал: – Раз заставила меня прогуляться, то и дальше тебе работать со мной.

Девушка молча взяла мои деньги. Злая соседка выхватила из пальцев подруги купюру, швырнула бумажку на стойку и прокричала: – Не обслуживай ты его. Пусть идёт куда хочет.

Я снова отдал девушке деньги. Фурия опять отняла у соседки купюру и бросила мне. Так продолжалось ещё пару раз. Тогда я не выдержал и заявил: – Зовите сюда ваше начальство. Я буду разговаривать с ним.

Скандалистка вскочила и кинулась в тот закуток, где сидела более взрослая женщина. Пользуясь отсутствием боевицей подруги, девушка взяла мои деньги, сунула сдачу и про-

била мне чек.

Тут прибежала её «крутая» товарка. Видно, начальница приказала ей не скандалить со мной. Не то ещё вдруг, позвонит в главный офис. Оправдывайся перед руководством потом. Вернувшись назад, злая, как собака, мегера только сверкала глазами.

Взглянув на кипящую, как чайник, девицу я с усмешкой сказал: – Я здесь рядом живу. Если и сейчас интернет не подключите, я снова приду.

К счастью модем заработал. Бежать к ним, ещё один раз мне уже не пришлось. Правда, платежи за февраль и за март я проводил в другом отделении данной компании. Оно находилось чуть дальше, чем первое, но там работали лишь молодые ребята лет двадцати.

Иду на Вы. Шаг второй

Неделю спустя, я успокоился и почти позабыл инцидент с молодыми кассиршами. Внезапно в квартире закончился хлеб. Я влез в сапоги с наполовину отпавшей подошвой, надел пуховик ярко-жёлтого цвета и, натянув на макушку вязаную «шапку шахида», пошёл в магазин.

Минут через десять, я спокойно ступил в небольшую пекарню. За прилавком топталась одна продавщица лет двадцати. Возле неё находилась её молодая коллега. Перед ними стояла покупательница такого же возраста.

Скромно одетая девушка тыкала в пальцем в витрину, на которой лежала разнообразная выпечка. Она лениво выспрашивала, как и что называется и с какою начинкой внутри?

Рядом с каждым из тех пирожков лежал чётко написанный ценник. В нём было название свежей продукции, его содержание и, конечно, цена. Но, то ли, юная фифа не умела читать? То ли, ей было лень это делать? Ведь проще спросить персонал. К тому же, хоть какое-то время, можно побыть в центре внимания всех окружающих.

Других покупателей поблизости не было. Поэтому, одна продавщица терпеливо общалась с клиенткой: – Это с капустой, это с картошкой, это с повидлом. Не хотите ли взять и чашечку кофе?

Я шагнул поближе к прилавку. Вторая работница глянула

на старика в странной одежде и поняла, что я не из богатых клиентов. Она вошла в разговор своей компаньонки и начала ей помогать.

То есть, стала давать комментарии типа: это удивительно вкусно, это очень полезно, это только из печи. Так придворные пекари убеждают принцессу отведать, что-то на завтрак.

Я положил на прилавок деньги без сдачи и обратился с той продавщице, с которой секунду назад встречался глазами: – Буханку белого хлеба

– Вы видите, мы обслуживает покупателя. – взвилась она.

– Ваша подруга и одна с ней управится. – откликнулся я.

– У нас всего одна касса. – продолжала упрямиться де-вушка. Было отчётливо видно, ей очень неприятно общаться со мной, но надо же, что-то ответить нахалу. Мол, отстань старя рвань. Мешаешь работать.

– Пока она, у вас ничего не берёт. – возразил я спокойно.

Продавщица презрительно фыркнула. Она направилась к полке, находящейся рядом, принесла мне буханку, швырнула её на прилавок и зло прошипела: – Нужно ждать своей очереди. Молодой человек.

– Да я тебе в деда гожусь. – сказал я ровным тоном.

И тут я услышал коронную фразу работников российского сервиса. – Я с вами не переходила на Ты. – от возмущения на лице продавщицы вспыхнул яркий румянец. Передо мною стояла святая невинность, вдруг оскорблённая в своих лучших чувствах.

– Вот именно. – подтвердил я её выражение. Мол, не мешало бы поучтивей беседовать с пожилыми людьми.

– Наглости у людей нет никакого предела. – бросила подавальщица в белом халате и скрылась за дверью, ведущей в пекарню.

Я ничего не стал говорить. Всё равно бесполезно. Таких людей не исправишь. Взяв буханку белого хлеба, я направился к выходу. Уходя, я непроизвольно заметил интересную вещь, та юная фифа, что очень усердно обхаживали две продавщицы, вообще, ничего не купила. То ли, не было денег? То ли, при виде меня, совсем пропал аппетит?

– Одним всё, другим всё остальное. – сказал я себе.

Иду на Вы. Шаг третий

Ещё через несколько дней, я доел красный, сладкий маринованный перец, которым меня угостила любимая тётушка. Он был приготовлен с добавлением ложки прованского масла для вкуса.

Мыть литровую банку я совсем не хотел. Во-первых, такая посуда никому не нужна. Редко, кто из наших сограждан делает заготовки на зиму. Всё можно купить в магазине. Консервированные фрукты и овощи стоят ненамного дороже, чем свежие.

Во-вторых, масло сильно испачкает белую раковину, что стояла в моей маленькой кухне. Придётся потом, и её отмыть ядовитым шампунем. Получится двойная работа.

К моему удовольствию, ёмкость имела железную крышку. Мало того, она закрывалась при помощи поворота руки. Оставив в сосуде ярко-алый рассол, я его закрутил, как можно плотней, и поставил в прозрачный пакет. Натянув на себя тёплые вещи, я взял полупустую посуду и пошёл в магазин, за продуктами.

По пути находилась площадка контейнеров для сбора у граждан твёрдых отходов. Туда я и решил, выбросить лишнюю тару. Зачем ей стоять пару дней возле ведра и ожидать пока накопится мусор? За это долгое время в ней обязательно появится плесень.

Добравшись до нужного места, я поставил стеклянную банку в почти полный, открытый сверху контейнер. Рядом со мной появилась высокая женщина. Она была в замшевой, длинной дублёнке с большим капюшоном, отороченным мехом.

Лишь приглядевшись, я понял, что дорогая одежда очень потёртая, а местами довольно засалена. Лицо этой дамы оказалось сильно испитым. Возраст за пятьдесят.

По всему было видно, она из так называемых, «новых бедных людей». Поэтому, она часто рылась в помоечных баках. Искала в мусоре то, что удалось бы хоть как-то использовать.

К примеру, в Самаре, платы от электронной аппаратуры и техники, и любое железо, можно сдавать в специальные приёмные пункты. За них там дают какие-то мелкие деньги, которые хватает на хлеб.

Провода эти люди, срезали везде, где только возможно. Даже те, что находились под большим напряжением. Они воровали металл с дачных участков и из цехов закрытых заводов.

Так было в «святых девяностых годах», как говорила супружница вечного пьяного Ельцина. Сейчас всё вернулось на круги своя. Большинство россиян выживает только за счёт подобного промысла.

Увидев, как я что-то поставил в контейнер, женщина обратилась ко мне: – А что у вас в банке?

– Рассол. – не стал я лукавить.

– О, нужно взять. – оживлённо воскликнула дама.

– Он из-под красного болгарского перца. Слишком уж острый. Тебе не понравится. – сказал я напоследок.

Уходя от помойки, я размышлял: – Сейчас баба крикнет мне вслед: – Я с вами не переходила на ТЫ!

Как это ни странно, я ничего не услышал. Видимо дама, снимала пробу с рассола.

Разговор с нанимателем

Не очень давно я служил архитектором в одной частной конторе. Платили там не так, чтобы много, но заставляли пахать за двоих. Да ещё и начальство относилось ко всем, как к крепостным позапрошлого века.

Как-то раз я услышал, что хозяин нашей маленькой фирмы говорил с кем-то по сотовому. Никого не стесняясь, он сказал своему абоненту: – Чего ты о них беспокоишься? Инженеры это же мусор. Выгоним этих, других наберём.

Совершенно естественно, что я решил найти для себя другую работу. Для этого вошёл в интернет и дал объявление на сайте «Head Hunter». Пройдясь по всем нужным окнам, я разместил своё резюме, телефон, а так же e-mail. Оставалось лишь ждать человека, которому нужен проектировщик вроде меня.

В конце января, мне позвонили. Мужской уверенный голос задал вопрос, что я умею? Пришлось без утайки всё рассказать. Он сообщил, что у них в перспективе очень много серьёзных объектов.

Им нужны специалисты высокого класса, которые умеют делать работу самого различного профиля. Судя по анкете на сайте, я им подхожу, но на всякий пожарный, нужно взглянуть на портфолио моих прежних проектов. После че-

го, меня пригласили прийти к ним для знакомства.

Сказав руководству, что мне нужно уйти по личным делам, я отпросился с работы и помчался по адресу, данному мне собеседником. Доехал до места я удивительно быстро, а не так, как обычно, когда долгу приходится ждать муниципального транспорта.

В большом офисном здании я быстро нашёл дверь с нужным мне номером. Успокоив дыхание, встревоженное подъёмом по лестнице, я постучал в тонкую створку, и смело шагнул за порог.

Я попал в небольшой кабинет размером три метра на шесть. В нём стоял шкаф для верхней одежды, четыре маленьких конторских стола с мониторами и четыре офисных стула. В комнате было трое мужчин лет тридцати. Развернуться там оказалось собственно негде. Сесть посетителю тоже.

Любезный молодой человек мне сообщил, что начальник конторы сейчас подойдёт. От нечего делать, я достал альбомы с портфолио. В них находились цветные картинки, что я сделал с трёхмерных виртуальных моделей.

Я показывал их своему собеседнику и рассказывал об этих объектах. Почти все они были успешно построены. Некоторые находились поблизости от данного здания. Их все легко узнавали.

Мой визави восхищался увиденным. Двое других немного послушали болтовню архитектора, рекламирующего свои

достижения. Затем, они сильно поморщились, переглянулись, встали с жёстких сидений, и пошли покурить.

Тут появился сухощавый начальник конторы. Ему было, где-то под сорок. Я начал рассказ по новому кругу. К моей откровенной досаде, на хозяина фирмы мои наработки не произвели впечатления.

Он небрежно листал цветные картинки фасадов и лениво рассматривал планы многоэтажных домов, крупных торговых и офисных центров. Всё говорило о том, что это ему совсем ни к чему. А замечательный «рендер моделей», тем более.

Кончилось тем, что он спросил напрямую: – А вы в Автокаде работать умеете?

Немного опешив от такого вопроса, я постарался объяснить человеку, что всё, что он только что видел, сделано в названной им чертёжной программе. Тут он стал говорить, что нужно его новой конторе.

С его слов выходило, что я буду должен, всё делать совершенно один. То ли, он и не знал, что над любым крупным зданием усиленно трудятся десять, а то и все двадцать сотрудников?

То ли, хотел нанять на работу исполнителя типа Леонардо да Винчи. Того, кто «на все руки от скуки». Плюс ко всему, и согласования с городскими властями лягут на его мощные плечи.

После таких «умных» слов я догадался, передо мной дилетанты, что никогда не проектировали серьёзных объектов. То есть, детишки или племянники каких-то крупных чиновников.

Вельможные боссы начнут пропускать через эту фирмёшку большие заказы. Главная часть из оплаты ляжёт на банковские счета за границей, а пахать будут обычные лохи, вроде меня. Причём, один за семерых человек.

Я уже собирался уйти, но мой собеседник спросил, когда я приду к ним на работу? И смогу ли я высидеть в офисе с девяти до шести каждый день? Пришлось слегка задержаться, чтобы ответить на важный вопрос.

В то время, мой производственный стаж перевалил за сорок три года. Я почти пятилетку находился на честно «заслуженном отдыхе». К сожалению, государственных денег не хватало на жизнь. Поэтому, я усердно трудился в проектной конторе.

«Родное» правительство решило вдруг сэкономить на работающих пенсионерах России и издало людоедский указ. Там говорилось о том, что тем чудачкам, кто продолжает пахать, не будут давать компенсацию, равную ежегодной инфляции.

А чтоб получить небольшую прибавку, которая не соответствовала реальному уровню повышения цен, нужно было уволиться, и просидеть дома целых три месяца. Только по-

том, тебе начинали платить, как всем остальным ветеранам.

Я сообщил нанимателю, что смогу к ним придти лишь после девятого мая. Две недели уйдёт на увольнение с прежней работы и три месяца только на то, чтоб получить добавление к пенсии.

– А вы сможете работать на «удалёнке»? – живо поинтересовался мужчина.

– Да. – кивнул я нанимателю: – У меня есть компьютер и Автокад с интернетом.

– Это нас очень устраивает. – обрадовался сорокалетний хозяин: – Только зарплата будет не сорок тысяч, а лишь тридцать пять.

– «Интересная выходит картина». – сразу подумалось мне: – «Значит, я буду использовать личную технику. Плюс ко всему, отдавать из своего кошелька за электричество, за интернет и телефон для постоянных разговоров с конторой.

Меж тем, как данная фирма сэкономит на аренде ещё одного кабинета. Она не создаст мне рабочее место. То есть, не купит новый компьютер с программой, мебель и прочие нужные вещи. Мало того, она ещё и платить мне станет меньше на двенадцать с половиной процентов. Нехилый гешефт».

Не обращая внимания на мой кислый вид, мужчина бодро продолжил: – Для начала выполните небольшую работу. Нужно вычертить планы четырёхэтажного здания. По ним

мы будем делать проект реконструкции. Как скоро вы сможете справиться с этим заданием?

Он протянул мне пачку листов А4. Быстро их проглядев, я понял что это ксерокопии тех чертежей, которые выдаёт БТИ (бюро технической инвентаризации города).

На них оказалось много пометок карандашом. Видно, кто-то прошёлся с рулеткой по зданию и нанёс кое-какие размеры. Здание было шириною метров пятнадцать, а длиною все шестьдесят.

– На эти планы мне потребуется не меньше недели. – сказал я уныло. Передо мной лежала работа для техника, а не для архитектора с высокой квалификацией.

– Кроме того, – продолжил я говорить: – для проекта реконструкции здания нужны будут разрезы с фасадами. Это потребует ещё столько же времени. А если делать «трёхмерку», то добавьте сюда ещё дней пять или семь. Итого, уйдёт около месяца.

– «Трёхмерка» теперь никому нужна. – отрезал мой визави: – А вы должны внести в планы воздухопроводы и все батареи. Они на бумаге отмечены.

Я печально покачал головой и двинулся дальше. Хочу объяснить, что прежде, чем заключать договор с нанимателем, я задаю три главных вопроса: какая работа, какие установлены сроки и какая оплата?

Если что-то меня не устраивает, я отказываюсь продолжать разговор. С первыми пунктами моего алгоритма я уже

разобрался. Оставалось узнать, стоит ли за данные деньги пахать на такого жлоба?

– Я у вас пока не работаю и мне интересно, как будет производиться оплата? – спросил я мужчину.

– Вы начертите планы и пришлете их нам по интернету. Мы всё посмотрим и, если они нас утроят, то переведём вам деньги на карточку.

– Я уже сорок лет кручусь в этом бизнесе. – сказал я как можно спокойнее: – Я уже очень много видел заказчиков. Договариваешься ты с человеком. Он тебе улыбается, обещает всё заплатить, берёт чертежи и исчезает неизвестно куда.

Поэтому, или давайте аванс в полсотни процентов, или работу поменьше. Чтобы мне было потом, не очень обидно её потерять.

– У нас с вами всё на доверии. – возмущённо ответил хозяин: – Как можно подозревать всех в этом мире? Мы никого не обманываем.

– «Ладно,» – сказал я себе: – «потрачу неделю свободного времени, сделаю планы, а там будет видно. Если заплатят, то продолжу работу».

– Хорошо. – согласился я обречёно: – У вас есть электронные копии чертежей БТИ?

– Да. – сказал наниматель: – Давайте флешку, я их запишу.

– К сожалению, дома забыл. – сознался я огорченно: – Сбросьте чертежи на свою. Я её привезу вместе готовой работой.

– У нас нет сейчас флешки. – с ухмылкой сказал сорокалетний мужчина. По лицу было отчётливо видно, что он просто лукавит.

– Ну, мы же с вами говорим о доверии. – воскликнул я удивлённо и неожиданно вспомнил, что подобное запоминающее устройство в любом магазине стоило двести рублей. В то время, как буханка белого хлеба тянула на сорок.

– Всё равно флешки нет. – отрезал хозяин проектной конторы.

Я немедленно понял, что больше мне здесь делать нечего. Собрав альбомы с портфолио, я сложил их в пакет и, думая о напрасно потерянном времени, направился к двери. Там я столкнулся с теми мужчинами, что пошли покурить.

И тут меня внезапно «накрыло». У меня и в прежние годы, иногда возникало довольно странное чувство. Оно весьма походило на то ощущение, когда вы сидите перед дисплеем, а твоим компьютером на расстоянии управляет другой человек. То бишь, сисадмин работает по «удалённому доступу».

Вы видите все, что происходит вокруг, но вмешаться не можете. Плюс ко всему, вы слышите свой собственный голос, что произносит те фразы, которые вы не хотели сейчас говорить.

Вот и я, вдруг стал объяснять, что над каждым крупным объектом должны работать строители самых разных специ-

альностей. Это генпланщики, технологи, архитекторы, конструкторы, теплотехники, сантехники, слаботочники, электрики и, конечно же, сметчики.

Усилия всех этих людей должен координировать один человек – главный инженер проекта. Иначе возникнет огромное число неувязок, ошибок и разных огрехов.

Мои слова вызвали недоумение у всех окружающих. Заметив это, я тотчас заткнулся. Деревянной походкой робота «Фёдора», которым хвалятся журналюги по телеку, я вышел из комнаты. За порогом меня враз отпустило.

– «Выходит, что всё это было затеяно,» – сказал я угрюмо себе: – «лишь для того, чтобы слегка просветить четырёх дилетантов. Теперь они, очень возможно, поймут, что должны делать и как? Или найдут тех людей, которые будут работать за них. Вероятней всего, второй вариант».

Удалённый доступ

Разговор с очередным нанимателем, закончился, как обычно, впустую. Сильно расстроенный, я вернулся назад, на свою постылую службу. Было удивительно жаль того времени, что ушло на поездку туда и обратно. Лучше за эти часы я сделал бы что-то полезное. Не для себя, так для хозяина фирмы. Глядишь, осталось бы мне поменьше работы.

А тут ещё неприятная сцена в автобусе вконец испортила мне настроение. В салон с задней площадки вошла холёная дородная женщина. Она долго рылась в большом кошельке. Наконец, достала купюру с номиналом в тысячу «полновесных российских рублей».

Идти к месту водителя было её далеко. Да и люди забили узкий проход. Поэтому, дама сунула деньги тому, кто стоял впереди, и вежливо попросила его: – Передайте, пожалуйста. (Проезд тогда стоил тридцать рублей).

Лохматый старик без возражений переслал сумму дальше. Голубая бумажка стала переходить от одного пассажира к другому. Она добралась до первой площадки, где попала к стройному парню лет восемнадцати.

Автобус затормозил у остановки. Дверь с шумом открылась. Человек с деньгами в руке вышел на улицу и спокойной походкой двинулся прочь от дороги. Машина медленно тронулась в путь по маршруту.

– Задержите его! – закричала женщина с задней площадки. В салоне было несколько крепких мужчин, но никто из них из салона не выскочил и не побежал за воришкой.

– «Зачем тратить силы ради чужой тыщи рублей?» – невольно подумалось мне. Следом явилась ещё одна мысль: – «Бескорыстная помощь осталось в далёких советских годах. При капитализме, каждый сам за себя».

Рядом с рабочим столом сидел мой хороший товарищ, с которым я был знаком много лет. Он заметил моё угнетённое состояние духа, наклонился ко мне и тихо спросил: – Что-то случилось?

Вместо ответа я отрицательно покачал головой. Цифры в углу монитора показывали пятнадцать ноль-ноль. Начался очередной перерыв, положенный проектировщикам по российским законам.

Мы дружно поднялись из офисных кресел, и вышли в пустой коридор, покурить. Чтобы избавиться от негативных эмоций, переполнявших меня, я рассказал Александру о своём неудачном вояже. Под конец, я сообщил и о том, что случилось после беседы.

Неизвестно зачем, я поведал о том, что время от времени, у меня возникало довольно странное чувство. Оно сильно походило на то ощущение, когда ты сидишь перед экраном компьютера, а им на расстоянии управляет другой человек.

То бишь, сисадмин что-то делает по «удалённому доступу».

Ты видишь всё, что происходит у тебя перед носом, но вмешаться не можешь. Плюс ко всему, до тебя доносится собственный голос, который произносит те фразы, которые ты даже не думал сейчас говорить.

Особенно часто так получалось в присутствии привлекательных женщин. Только услышав от дам нечто вроде – придурок, я понимал, что брякнул вовсе не то, что хотел им сказать.

К моему сожалению, все попытки исправить возникший конфуз не приносили потом никакого успеха. То есть, упустил братец шанс, так уже не ропщи. Дорога ложка к обеду.

Насколько я знал, Александр являлся довольно непростым человеком. Он был очень спортивным подростком, отлично играл в волейбол, футбол, баскетбол. Имел тонкий слух и неплохой баритон.

Прекрасно импровизировал на саксофоне и классической шестиструнной гитаре. Долгое время ходил в драмкружок, где исполнял главные роли в любительских и «домашних» спектаклях.

Кроме того, как однажды с гордостью в голосе сообщила его старая мама: – Он кончил школу с физико-ПАТОЛОГИЧЕСКИМ отклонением. Впрочем, учитывая её малограмотность, родительницу легко извинить.

Ведь когда сын заявил, что хочет учиться в политехническом, его мама в удивлении воскликнула: – Ну почему нуж-

но идти в ПОЛУ технический институт нашего города? Ступай уж лучше в строительный. Будешь потом, инженером, не техником.

На самом-то деле, он был золотым медалистом школы с физико-математическим направлением, но это не так уж и важно. Всё равно стал обычным проектировщиком и работал теперь в мелкой частной конторе.

Услышав мой грустный рассказ, Александр сочувственно покачал головой и сказал: – Как ты, наверное, знаешь, я долгое время ходил в драмкружок нашего Дворца пионеров. Как мне все говорили тогда, получалось очень неплохо.

Руководитель кружка хорошо ко мне относился и видел во мне талант к лицедейству. Дело дошло до того, что он взял меня за руку и вместе с ещё одним пареньком отвёл в местный театр. Там шёл отбор в студию юных актёров для ТЮЗа.

В большом коридоре толпились десятки красивых девчонок. Все они в разноразмерной повторяли куски сложного текста из Шекспира и Чехова. Отовсюду звучали отрывки из «Гамлета», «Леди Макбет» и «Вишнёвого сада».

Я и приятель совсем не готовились к данным прослушиваниям. Поэтому, мы вместе вошли в комнату приёмной комиссии. Там встали напротив стола и прочли на два голоса какую-то басню из школьной программы. К удивлению всех окружающих, нас, в числе очень немногих, приняли в сту-

дию.

Через какое-то время, мы взялись репетировать пьесы, которые прогоняли в театре. Однажды наш преподаватель сказал: – Приходите завтра к обеду. Режиссер всех посмотрит и, скорее всего, пригласит вас в дневные спектакли. Будете на подхвате у инженю, если они вдруг заболеют. То есть, у тех малорослых актёров, что играли детские роли.

Так уж случилось, что именно в назначенный день в нашей физико-математической школе, должен был проходить какой-то проверочный тест. Я, вместе с приятелем, ехал туда на автобусе.

Машина остановилась прямо напротив театра. Двери открылись, нужно идти. Ведь там нас ожидает совершенно новая жизнь. Перед глазами мелькнул целый ряд удивительно красочных и ярких картин.

Вот, я играю детские роли. Потом, по рекомендации ТЮЗа, поступаю в ГИТИС в Москве. С течением времени, становлюсь популярным актёром кино и театра. Моя известность очень быстро растёт. Я еду на фестивали в Берлине и в Каннах. Меня приглашают на работу в Америку. Я становлюсь звездой Голливуда...

Осталось лишь сделать шаг, прыгнуть с подножки и бежать за своей голубою мечтой. Однако, какая-то могучая сила не давала мне тронуться с места. Я стоял словно приклеенный. Скосил глаза на приятеля, а он тоже замер, как ста-

туя.

Двери автобуса с лязгом закрылись. Машина медленно двинулась дальше. Я с невыносимой тоскою, смотрел на уплывающий куда-то назад театральный подъезд. Мой хороший приятель, молча топтался поблизости, и тоже не делал попыток сойти.

Самое странное, что можно было бы спрыгнуть на другой остановке и бегом вернуться обратно. Однако и этого я сделать не смог. В моей голове внезапно возникли какие-то мысли о предстоящем математическом тесте. Они немедленно вытеснили всё остальное.

– Вот и выходит, – подавленно сказал Александр: – что человек своей голове не хозяин. Кто-то там сверху, всё время, решает за нас. Поманит красивой мечтой, а потом, как скотину загоняет обратно в тёмное стойло. Да и память постоянно твердит, мол, сам ты во всём виноват!

– Да уж... – только и смог выдохнуть я. Немного подумав, я с грустью добавил: – Кое у кого из людей за спиною стоит ангел-хранитель, у нас же с тобой, там находится ангел-вредитель.

Модная стрижка

В конце марта, я вдруг заметил, что волосы у меня отрасли больше, чем нужно. Значит, пора мне постричься. Я тут же решил, в конце недели схожу в парикмахерскую.

В этот же день я узнал, что в «великой» России вдруг началась «пандемия коронавируса». Благодаря чему, завтра с утра закрываются все учрежденья Самары, которые усердно обслуживают население города.

Работать будут только аптеки, продовольственные магазины, банки и офисы операторов сотовой связи. Общественный транспорт станет ходить с большим интервалом, а личными автомобилями пользоваться, вообще, запрещается. Все должны сидеть по квартирам, как при строгом домашнем аресте.

Так и прошло ещё около месяца. К счастью, разрекламированная «мировая зараза» обошла середину Поволжье дальней сторонкой. Местная власть начала ослаблять санитарный режим и разрешила открыть с понедельника кое-какие частные лавочки: бани, парикмахерские и фитнес центры.

Я решил, что не стоит мне стричься в первый же день. Наверняка, там будет столпотворенье народу. Поэтому, отложил свой визит ещё на семь дней. Наконец, наступило нужное мне воскресенье.

Ближе к полуночи, я принял ванну, вымыл длинные волосы, высушил их при помощи фена и улёгся в кровать, на чистую подушку и простынь. Весь понедельник и вторник я просидел за дисплеем. В комнате было вовсе не жарко. Пыль или мусор из-под компьютерной мышки у меня не летела. На голову, что-либо не падало. Спал я в той же постели.

В среду с утра, я пошёл в парикмахерскую. К моему удивлению там было полно посетителей. Две пожилые работницы, возрастом под шестьдесят, стригли меня много раз. Обе они оказались заняты делом, возились со школьницами, которым красили длинные волосы.

Насколько я знал, процедура была очень долгой. Поэтому, я занял очередь к их третьей товарке, крепенькой женщине лет тридцати. Её я увидел впервые, но взглянув на помятое жизнью лицо, почему-то решил, обкарнать меня под «канадку», она всё же сумеет.

Обычно на мне тренируются совсем молодые девчонки, которые только вчера пришли сюда с улицы. Одна из них, удивительно сильно привязалась к пульверизатору. Она так часто брызгала на мою бедную голову, что у меня капли потекли по лицу и за шиворот. Я был принуждён, прервать весьма интересный процесс.

Вторая возилась со мной почти целый час. Хотя все управляются за пятнадцать минут. Третьей вдруг не понравились

мои «жирные» волосы и она приказала их вымыть под струёй холодной воды. Потом, она не могла сдвинуть машинку по черепу. Устройство для стрижки хорошо «прилипло» к моей чистой коже.

Выяснилось, что парикмахерша тридцатилетнего возраста объединила способности трёх неумех, с которыми мне приходилось общаться. Для начала, она послала мыть голову того паренька, который был передо мной.

Я даже слегка удивился. На мой взгляд, ему и срезать было, в общем-то, нечего, а тот коротенький ёжик, что торчал на макушке, был достаточно чистым. Таким же, как у всех остальных.

– «Надо же, какой любитель купаться и стричься», – сказал я себе.

Возилась она с данным клиентом, минут сорок, не меньше. Я слышал, как молодой человек заказал модельную стрижку и подумал о том, что женщина симулирует высокую сложность работы. Поэтому, так много времени, прыгает возле него.

Минул час после того, как я вошёл в парикмахерскую. Паренек, что был передо мной, всё же, поднялся из неудобного кресла. На мой придирчивый взгляд, на его голове, мало что изменилось. Только зря заплатил полтыщи рублей.

Наконец, очередь дошла до меня. Едва я уселся, как женщина вдруг заявила, что волосы у меня слишком грязные.

Поэтому, я их должен немедленно вымыть.

На улице было тогда градусов десять по Цельсию. В помещении не больше шестнадцати. Сидеть в моём возрасте с мокрой башкой, значит, тотчас простудиться, а может быть, подхватить воспаление лёгких.

И это во время «пандемии коронального вируса». Да если меня вдруг упрячут в больницу «великой» России, я там подхватчу эту заразу и точно откину копыта. Это тебе не советское время. С тех пор медицину у нас почти совершенно разрушили. Разве, что в центре Москвы осталось, что-то приличное.

– Стригите, как есть. – сказал я в ответ.

– Вы когда мыли голову? – взвилась парикмахерша

– Вчера. – бросил я, чтоб отвязаться от её притязаний.

– Волосы у вас слишком грязные! – настаивала упрямая женщина. Можно было подумать, что целых два дня я не сидел за компьютером в прохладной гостиной, а усердно трудился в угольной шахте.

В перепалку вмешалась хозяйка салона. Двигаясь к креслу, я прошёл мимо неё. Так что, тётушка хорошо рассмотрела состояние моей шевелюры: – Воды сейчас нет! – со значеньем сказала она.

– Могу постричь его только машинкой. – отрезала женщина.

Я собирался сказать, что согласно постановлению правительства, она должна прикасаться ко мне только в перчатках.

Однако, решил, что не стоит обострять ситуацию.

Просидев час и десять минут, я не хотел тащиться куда-то ещё и ждать столько же, если не больше. Наверняка, везде сейчас длинная очередь из сильно обросших людей.

– Стригите машинкой. – сказал я со вздохом и добавил уже про себя: – «Всё равно на работу ходить мне больше не нужно. Через пару недель волосы вырастут до того состояния, которое мне нужно теперь».

Парикмахерша взяла инструмент, приступила к работе и возилась со мной почти полчаса. Наверное, сильно боялась запачкаться.

Дождавшись, когда стрижка закончится, я, сдерживая своё раздражение, со вздохом сказал: – Моя мама меня стригла машинкой всего за десять минут.

– Я вас ещё и ножницами кое-где подравняла. – возмущённо воскликнула женщина. Интересно, что там было равнять после прохода машинки с насадкой?

Не вступая в полемику, я провёл рукою по черепу, ощутил волоски длиной пять миллиметров и угрюмо спросил: – Сколько с меня?

– Двести пятьдесят. – не моргнув глазом заломила она.

– Да такие деньги я всегда платил за «канадку». – хотел я сказать. К сожалению, нервогрёпка с «модной причёской» меня почти доконала. Я решил промолчать и не стал возмущаться по данному поводу.

Не стал я говорить и о том, что если сия парикмахерша настолько брезглива, то пусть идёт работать проктологом. Кто его знает, вдруг она близкая родственница хозяйки салона? Придётся со стрижкой ходить значительно дальше, чем в данное время.

Я протянул ей купюру в пять сотен рублей. Недовольная женщина взяла деньги и ушла куда-то внутрь помещения. Наверное, думала, что в сердцах я забуду про сдачу и уйду, хлопнув дверью.

К разочарованию женщины я всё же дождался её возвращения. В отместку она принесла мне две бумажки по сотне и полста разной мелочью.

Да здравствуют «золотые» работники российского сервиса.

Талоны на сахар

В конце восьмидесятых годов, в середине жаркого августа, наступила пора заготовок на зиму. На дачах самарцев в большом изобилии зрели плоды их упорных трудов. Для консервации нужен был сахар.

В субботу, я пошёл в «Гастроном» и ПРОСТО ТАК, без всяких проблем, купил десять килограммов «песку». Я обратил внимание на то, что мешки со сладким продуктом загромождали половину обширного зала.

Ближе к позднему вечеру, я с моей мамой, наварил варений с компотом почти на целую зиму. В них ушло всё, что я притащил поутру. В воскресенье, я снова пошёл в магазин, чтобы, на всякий случай, купить ещё десять кило. Вдруг захотим, что-нибудь ещё закрутить?

Так же, как и вчера, мешки в магазине занимали почти всё пустое пространство. Кроме них, в помещении оказалось множество женщин разного возраста. Все громко кричали, что у них пропадают ягоды с фруктами, и им нужен сахар для заготовок.

Продавцы в грязно-белых халатах им отвечали, что в связи с нехваткой «песка», в нашей стране введены «карточки» на данный продукт. То бишь, талоны. Теперь на одного человека, можно будет купить, не более двух килограммов за месяц.

– Какая нехватка? – кричали женщин хором: – Весь город завален «песком»! Только у вас в магазине лежит несколько тонн.

– Распоряженье райкома! – устало отбрёхивались работницы советской торговли.

Покупательницы начали требовать, чтобы им дали талоны. Мол, возьмём хоть по паре кило. Продавцы отвечали, что их ещё никто не печатал, и когда они появятся в городе, никому неизвестно.

Стоявший рядом пожилой человек печально вздохнул и сказал: – Вечно нашим властям, нужно поставить народ, за чем-нибудь в очередь. – он злобно плюнул и исчез за входными дверями.

В это самое время, в зал тихо вошла седая старушка. Она проковыляла к прилавку и купила бисквитный торт небольшого размера.

– Бабушка. – спросила у неё продавщица: – У Вас день рождения?

– Нет, внучка! – ответила женщина: – Хочу поесть сладкого пока ещё дёшево! И вам всем советую! – она взяла коробку со сладью и направилась к двери.

Несколько женщин последовали простому совету старушки. Каждая взяла по какому-то торту и, ругаясь в полголоса, вышла на улицу. Сахар остался лежать в штабелях из мешков. Заготовки на зиму остановились по всей огромной Са-

маре.

Спустя несколько дней, «КАТАстройка» понеслась себе дальше. Директорша магазина организовала частную лавочку и назвала её своим звучным именем. Она продала сама себе сахар, который по всем бумагам, реализовали неделю назад. Причём, она купила продукт по госцене.

Уже через день, «на витринах кооператива произошли изменения в лучшую сторону», как говорили тогда нам по телику. Появился расфасованный в пакеты «песок». Только он стоил уже вдвое больше. Следом подорожали бисквитные торты и всё остальное.

Права оказалась старушка. Вот что значит жизненный опыт, накопленный в нашей «великой» России.

Танкист

Вечеринка с друзьями прошла, как иногда говорится, в тёплой и доброжелательной для нас обстановке. Поговорили, повспоминали о счастливых прошлых годах. Как это бывает обычно, засиделись до половины десятого.

Вроде бы, час и не поздний, а муниципальный транспорт в Самаре уже завершил все поездки по обычным маршрутам. Метро ходило до самой полуночи, но оно, в нашем городе, к сожалению не в счёт.

Станций в советское время построили на удивление мало, и все они расположены весьма неудачно. Раньше их размещали возле крупных заводов, а сейчас там находятся лишь одни пустыри. Поэтому, мало кто пользовался подземной железной дорогой.

Оставалось одно, разъезжаться по домам на такси. Леночка вызвала по телефону машину. Минут через пять раздался звонок: – Вас ожидает «Opel» тёмно-серого цвета. Слегка поддатые гости попрощались с хозяевами, и вышли к машине, стоявшей их возле крыльца.

Внутри находился водитель лет сорока. Он сразу спросил: – Куда вы заказывали?

Оказалось, что каким-то таинственным образом Леночка перепутала адрес. Назвала не ту улицу, где жила сейчас с мужем, а ту, где была её небольшая квартира. С минуту она

препиралась с шофёром. Потом, общалась по рации с недовольным диспетчером.

Наконец, всё решилось. Пассажиры сели в машину и тронулись в путь. Водитель продолжил тихо ворчать. Леночка не утерпела и нервно спросила: – Что вы такой агрессивный?

– Я агрессивный? – возмутился водитель.

– Вы! – не уступила ему пассажирка.

– Давайте не ссориться. – вмешался я в перепалку: – Довезите нас до нужного места и там мы простимся навеки.

Водитель немедленно сбавил напор и сказал намного спокойней: – Просто у меня голос такой, очень громкий.

Видно, шофёр не до конца успокоился. Ему было нужно каким-то макаром выплеснуть своё раздражение. Мужчина решил это сделать, при помощи быстрой езды и погнал свою «тачку» с потрясающей скоростью. Нас с женою кидало в салоне, словно камни в дробилке.

С 1991-го года прошло одиннадцать лет, а дороги в Самаре так и не подверглись ремонту. То есть, со времен СССР, проклятого демократической властью, новые «хозяева жизни» не ударили пальцем о палец. Они были заняты чем-то другим.

Благоразумная Леночка прикусила язык. Я же не выдержал и с интересом спросил: – А вы не пытались вступить в «Камаз-Профи»? (Тогда у всех на слуху была профессиональная команда водителей с автозавода. Они гоняли гру-

зовики на ралли от Парижа к Дакару, иногда занимали, какие-то призовые места).

Водитель слегка сбросил скорость и неожиданно для пассажиров начал ругать свою на жизнь: – Я бывший танкист. – заявил он с горечью в голосе: – Майор. Пенсию дали такую, что на жизнь не хватает. Приходиться теперь таксовать. Никто не хочет прислушаться к нашим военным, ушедшим на пенсию.

Желая направить беседу в спокойное русло, я осторожно спросил: – На «Т-72», наверно, гоняли?

– Классная штука. – немедленно завёлся водитель: – А пушка там, вообще! До сих пор нет равной в мире. – он назвал длинный номер, что означал маркировку данного боевого орудия.

Меня с пьяных глаз понесло, и я начал давать советы шофёру. Нужно сказать, совершенно дурацкие: – На вашем месте я бы собрал таких танкистов, как вы. Все бы по сколько-то сбросились и приобрели списанный танк.

В этом месяце взяли один. В следующем, купили другой. Глядишь, и батальон у вас бы собрался. Подшаманили бы боевые машины. Натырили боеприпасы с любого армейского склада, да и подъехали к учреждениям, которые вас посылают по матушке. Шарахнули холостым в сторону окон, глядишь, вас тогда и услышали.

Я ожидал, что в ответ на моё предложение раздастся искренний залиvistый смех. Мол, кто же в нашей «законопо-

слушной» стране продаст человеку боевую машину? Тем более майору-танкисту, недовольному крохотной пенсией.

Неожиданно для меня и для Леночки водитель надолго задумался и не проронил ни единого слова. Видно прикидывал, можно ли сделать всё так, как я рассказал? А скорее всего, просто подумал, что везёт провокатора от заинтересованных служб.

Он, молча, довёз нас до дома. Я расплатился и вместе с женой вышел из машины на улицу. Едва мы попали в квартиру, как Леночка на меня зашипела: – Ты чего там молот языком? С ума что ли, сошёл?

– Неудачная шутка! – пробормотал я устало. Не спеша раздеваясь, я двинулся в спальню, разложил удобный диван и, уже засыпая, рухнул в постель.

Авария

Ещё через десять минут, Верочка с Пашей сошли на остановке Энтузиастов и направились к дому. Чтобы отвлечься от мыслей о неприятной поездке, жена рассказала супругу о встрече со старой подругой. Как это часто бывает у женщин, она вспомнила такую историю, которая была прямо связана с предыдущим событием.

– Недавно шла после обеда в свой институт и столкнулась с сотрудницей по старой работе, в конторе Топтыгиной. Мы обнялись, а она вдруг застонала.

– В чём дело? – испуганно воскликнула я.

– Рука перебита во многих местах, восемь ребер поломано, а ещё трещина у меня в позвоночнике. Всё ещё сильно болит. – со слезами сказала Карина.

– Извини, я не знала, а как всё это случилось?

– Я возвращалась в Самару. За час перед этим, прошёл сильный дождь. Дорога вся уже высохла, а на обочинах было множество луж. Я объезжала на скорости неглубокую ямку. Одно колесо вдруг попало в жидкую грязь.

Машина вернулась на трассу и потеряла сцепление с асфальтом. Её закружило волчком, а затем, швырнуло в кювет, расположенный на другой стороне. Не знаю, сколько раз она кувыркалась по полю.

Очнулась, чувствую, я крепко зажата в смятой кабине. Хо-

рошо, что кто-то увидел, как я улетела с дороги. Ко мне подбежали несколько крепких мужчин и стали дёргать за дверцы. Ничего не выходит.

Пришлось вызывать МЧС по мобильнику. Те к нам приехали минут через сорок и разрезали корпус при помощи своих инструментов. Всё это время, я висела кверху ногами. Ладно, что пролитый бензин не начал гореть.

В общем, машина разбилась в лепёшку и восстановлению не подлежит. Я сижу дома и уже третий месяц усердно лечусь. Недавно взяла крупный кредит, чтобы купить себе новую «тачку». Теперь нужно, как можно скорей, браться за дело, и отдавать банку заём.

– И не страшно тебе снова садиться в машину? – спросила я у неё.

– Нет. – сказала Карина и спокойно добавила: – К тому же, она мне нужна для работы.

– А кем ты сейчас занимаешься?

– Таксую. – ответила женщина.

Я прямо опешила и осторожно спросила: – А ты не боишься, что на тебя нападут, ограбят и отнимут машину?

– Я выезжаю лишь днём, вожу только женщин и семейные пары с детьми, которые едут из Самары в селения области. Так что, пассажиры пока, не доставляли никаких неприятностей.

– А ты не пыталась найти другую работу?

– Пыталась. Да всё бесполезно. К тому же, я двадцать лет за рулём. Мне это не сложно.

– Но ведь, это так тяжело. – посочувствовала я старой подруге.

– У меня есть знакомая. – хмуро отозвалась Карина: – Ей уже скоро перевалит за семьдесят, а она даже вечером ездит по городу. У неё трое внуков и дети сидят без работы. Вот и приходится всех содержать.

Заметив, что я сильно расстроилась, Карина поведала мне одну смешную историю. Приехала она как-то по вызову. Её ждут пассажирки: сорокалетняя мама и дочка, где-то под двадцать.

Старшая разглядела водительницу и недовольно мне так говорит: – Не доверяю я женщинам, когда они за рулём.

– У меня большой стаж. – отвечает Карина.

– Это мало меня утешает. – возражает клиентка: – Мне намного спокойней, когда водитель мужчина.

– Что же, мне накладную бороду нужно с собою возить? – спрашивает Карина у женщины.

Одним словом, они всё-таки сели в машину. Ну, Карина от злости и повезла их, так сказать, с ветерком. Пассажирки находились на заднем сидении и всю дорогу визжали от страха.

Парикмахер

В связи с коронабесием, которое правители мира устроили в нашей стране, почти всё население России оказалось под домашним арестом. Сейчас стало немного свободней, а в первое время, они установили настоящий террор.

Можно было лишь сбегать за едой в магазин или в аптеку за каким-то лекарством, ещё выгулять возле подъезда собаку. Причём обязательно, в перчатках и маске. Хотя, по утверждению медиков, два слоя марли защищали только от пыли при уборке квартиры.

Вокруг многих дворов вдруг натянули полицейские полосатые ленточки, чтобы люди не выходили оттуда. Мол, если вам что-то нужно, то закажите по интернету. Специальная служба вам всё доставит за деньги.

У меня тотчас появился вопрос: – Почему работникам этих таинственных фирм можно всюду ходить, а я должен сидеть под замком? Мало того, платить за доставку продуктов из того магазина, что расположен в ста метрах от дома? Я что, сын миллионера Корейко? У меня пенсия едва превышает прожиточный минимум.

Так прошло более месяца. Меж тем, мои волосы не подчинялись великомудрым приказам правительства. Они продолжали расти с той самой скоростью, которую им положила

природа.

В нашей семье жена стричь не умеет. Ни себя, ни даже меня, под простую «канадку». Я бы, конечно, сумел её обкорнать под горшок, но ей, видишь ли, нужна модельная стрижка от профессиональных тупейных художников.

Лена позвонила тому парикмахеру, который, по её утверждению, творил чудеса. Он уже несколько лет успешно снимал излишки шевелюры жены. Причём, всего за десятую часть её, достаточно скромной, зарплаты за месяц. То есть, за тридцать минут «напряжённой работы» мужик забирал её трёхдневный паёк.

Явишись к нам в дом, кудесник расчески и ножниц начал рассказывать про свою трудную жизнь. Человек сообщил, что в связи с российским локдауном, он уже давно не работает.

Офис, который он арендовал много лет, отняли за большие долги. В счёт погашения суммы, забрали кондиционер и всю его мебель. Кстати сказать, ремонт в том помещении он когда-то провёл за собственный счёт.

Помощь от государства, о которой с удивительной помпой объявило правительство, оказалась весьма символической. Она равнялась российской минимальной зарплате за месяц. То есть, около двенадцати тысяч рублей, что в то время равнялась 170-ти долларам.

Эту огромную сумму нельзя было взять просто так, как в сберкассе, когда-то давно. Её должны были отправить

на расчётный счёт парикмахера, открытый в коммерческом банке. Поэтому, не мог ликвидировать «своё частное дело» в связи со скоростижным банкротством.

Эти «гигантские деньги» дошли до него через полгода. Всё это долгое время, «грабители в белых манишках» брали с него приличную плату за «сохранение счёта». Таким образом, половина вспомоществования «родного» правительства попала к ним в руки.

Никаких накоплений, парикмахер, увы, не имел. У него даже не оказалось машины, чтобы её можно было продать. Из всех средств передвижения он обладал лишь самокатом с электромотором. Сами должны понимать, за него много не спросишь, а зимой далеко не уедешь. На морозе аккумулятор разрядится.

В связи с такой ситуацией, наш тупейный художник сам начал кататься к клиентам. Ну, что тут можно поделывать. Пришлось жене согласиться на такое обслуживание.

В назначенный день, Лена помчалась на остановку автобуса, чтобы встретить дизайнера женских причёсок. Минут через тридцать, в прихожей раздался звонок. Я открыл наружную дверь. Вслед за женой вошёл человек в возрасте под пятьдесят.

За свою долгую жизнь я видел всего несколько мужчин парикмахеров, что работали с дамами. Да и то, лишь по телевизору или в кино. Все они были весьма странного обли-

ка. То есть такого, который создавал впечатление, что перед тобой стоит гомосек. То бишь, «голубой».

Мне почему-то казалось, что придёт этакий женственный тип, с жеманной походкой танцора и холёной испанской бородкой «а ля Ришелье». Этот же мастер весьма отличался от моих представлений о людях подобной профессии. Больше всего, он походил на расстригу-попа из глухой российской деревни.

Причём, из деревни начала прошлого, двадцатого века. А то и конца девятнадцатого. Рыжая борода росла нечесаным веником. Она закрывала всю шею и достигала груди. Жидкие длинные волосы собирались в маленький хвост на затылке.

Взглянув на мужчину, я вспомнил слова древней латинской поговорки: – Врач, исцели себя сам.

Применительно к нашему гостю мне захотелось сказать: – Парикмахер, сам постригись, а заодно и побрейся.

К моему удивлению, ладони у него оказались широкими, а пальцы толстыми и очень короткими. Большие всего, подобные руки могли подойти молотобойцу или, например, кузнецу.

Впрочем, голос у него был достаточно тонким, а говорливость и манера общения хорошо соответствовала эталону дамских угодников.

Стрижка Лены происходила на кухне. Мастер никуда не

спешил и потратил на её шевелюру около часа. Я невольно подслушал его разговор по мобильнику. Оказалось, что какой-либо очереди, как в прежнее время, у него не имелось. Встреча с новым клиентом намечалась намного позднее. Обращаться с красивыми женщинами ему было очень приятно. Так зачем торопится?

Заодно дамский мастер постриг и меня. Сделал всё достаточно быстро, а взял вдвое дороже, чем я платил в простой парикмахерской. Это тоже вполне объяснимо. Всё-таки вызов к клиенту домой. Так сказать, эксклюзив. Да ещё нужно платить за проезд туда и обратно в автобусе. А овёс нынче дорог.

В общем, стрижка закончилась. Мы с ним на пару, убрали лишние волосы с пола и вымыли руки. Гостеприимная Лена предложила мужчине выпить чашечку чая с покупным пирогом.

Пироги с разнообразной начинкой начала продавать небольшая пекарня, где-то, два года назад. Она находилась недалеко от нашего дома. Жена там часто что-то брала.

Сначала всё шло хорошо. Последние несколько месяцев, всё стало меняться в худшую сторону. Нужно отдать должное хозяину фирмы. Цены в пекарне остались всё те же. Ассортимент не уменьшился.

Зато количество вкусной начинки, а затем и размер любой выпечки резко уменьшился. То пироги были с суповую тарелку, а теперь стали только с десертную. Если и дальше

всё так же продолжится, то в ближайшее время, величина пирогов не превысит диаметра кофейного блюдечка.

Пака пили чай, мастер не прекращал тараторить, словно сорока. Совершенно естественно, что он стал говорить нам о знакомых ему парикмахерах. Возможно, это были знаменитые люди в Самаре, но я не являлся особенным модником и их совершенно не знал.

Чтобы поддержать разговор, я неожиданно вспомнил о том, как в далёкие советские годы ездил на хлебоуборку в колхоз. Среди командированных в глубинку людей, находилось пять или шесть молодых парикмахерш. Все они оказались весьма разбитными девчонками. В течение дня, они завели себе ухажёров среди шоферов.

Через несколько суток пошли странные слухи. Выяснилось, что их крутая компания нашла прекрасное место для ночных посиделок. За околицей скромной деревни стоял большой стог прошлогодней соломы. Он был размером шесть метров на восемь и высотой в два человеческих роста.

Один из водителей разогнал грузовик, и на скорости въехал в длинную сторону вороха. От такого удара образовалась обширная вмятина величиной с приличную комнату.

Ночью в южной степи очень темно. Шофера ставили одну из машин вплотную к пещере и включали мощные фары. Чем там молодёжь занималась никому не известно. Однако, смех, пьяные крики парней и залиvistый визг парикмахерш

разносились на полкилометра вокруг.

– Да уж! – согласился мастер со мной: – В те времена, девчонки у нас попадались довольно отчаянные. Однажды, в конце декабря, мы, после работы, пошли отмечать Новый Год всей парикмахерской. Как говориться сейчас, устроили корпоратив. В нашей компании тогда собралось десять девчонок и я.

Все места в общепите были расписаны задолго до этого дня. Туда оказалось невозможно прорваться. К счастью, в то славное время, у меня имелся хороший знакомый – официант, что работал в ресторане «Руслан». Он и устроил нам праздничный вечер.

Стол находились в центре длинного зала, прямо напротив эстрады. Мы уселись туда и заказали еду, плюс две бутылки шампанского, по бокалу каждой девчонке. Я тогда вообще не пил.

Так получилось, что мы оказались у всех на виду. Все, кто шёл танцевать двигались мимо и видели всех парикмахерш. Они оказались, как на подбор: молодые, красивые, высокая грудь, упругая попа, причёска, словно с картинки.

В общем, скоро все мужики ресторана изрядно подпили, оставили прежних неказистых партнёрш и переключились на нашу тусовку. Они вились возле девчонок, словно мухи над свежей сметаной.

Отовсюду нам присылали бутылки шампанского. Их на-

бралось десять штук, если не больше. Мы их благообразно не трогали. Вино открывали те люди, что приносили презент. Они предлагали какой-нибудь тост и плескали напиток в бокалы девчонок. Те мило всем улыбались и по чуть-чуть пригубляли.

Слышу, люди из нескольких пьяных компаний уже принялись выяснять, какая девчонка, куда с кем поедет? Я сразу понял, что дело идёт к крупной драке между большими командами.

Я потихоньку сказал парикмахершам: – Пора отсюда лить.

Все парикмахерши со мной согласились. Вот только уйти через зал оказалось уже невозможно. В девчонок вцепилась бы куча мужчин. Они не дали бы им ускользнуть без расплаты. Мол, шампанское ты подруга пила, танцевала со мной, раздавался авансы, теперь очередь за всем остальным.

Я поговорил со знакомым официантом и объяснил ситуацию. Он сразу всё понял и вывел девчонок поочерёдно на кухню. Затем, по узенькой лестнице мы все спустились на первый этаж в небольшую подсобку. Туда он принёс всю одежду из гардероба. Мы быстро оделись и вышли на улицу через заднюю дверь ресторана.

К нашему счастью, у здания ожидали две машины такси. Я запихнул по пять парикмахерш в каждую «Волгу» и они благополучно отчалили. Одна поехала на Безымянку, вторая

отправилась в город. Мне места нигде хватило.

Проводив своих подопечных, я остался один. Стрелки показывали полтретьего ночи. Такси рядом нет. Автобусы совершенно исчезли. Видимо все шофера уже отмечали наступление Нового Года. Вдруг разыгралась пурга. Делать было, в общем-то, нечего, я пошёл на трамвай. Вдруг они ещё ходят?

Прошагал полтора километра по колону в снегу и выбрался к улице Аэродромной. Смотрю, едет вагон, который чистил снег на путях. К моему сожалению, он двигался в обратную сторону, к городу.

Я стою на пустой остановке и сотрясаюсь от холода, как осиновый лист на ветру. Минут через тридцать, опять появился вагон, чистящий снег. Теперь он ехал туда, куда нужно.

Ждать я уже больше не мог. Ещё какое-то время, и я околел бы до смерти. Я встал на рельсы и раскинул руки в разные стороны. Мол, стой, всё равно не пущу. Мне уже всё равно, можешь меня переехать. Трамвай остановился. Водитель с какой-то железкой в руке выглянул в дверь.

Стуча зубами от холода, я ему говорю: – Подвези или я тут загнусь.

Он отвечает: – Плати один рубль.

В те времена, за подобную сумму можно было проехать в такси половину Самары, или отлично пообедать в кафе.

Я отдал водителю деньги и с огромным трудом забрался в кабину. Руки и ноги от мороза не гнулись. На моё счастье, там оказалось очень тепло. Так я доехал до своей остановки, расположенной на краю Безымянки. Ну, а оттуда, без всяких проблем, добрался до дома.

Саша и большая Любовь

Нужно сказать, что в своё время, Саша пользовался невероятным успехом у женщин. Веселый, остроумный, весьма обходительный, он неизменно оказывался в центре любой приятной компании. А когда доходило до пения, то его несильный, но приятный дискант просто завораживал дам.

Так что, в годы студенчества у него не было отбою от юных подруг. На одной вечеринке он познакомился со своей ненаглядной женой. Пришёл, как говорится с одной, а ушёл с совершенно другой.

Должен добавить, что с Инной ему повезло. Она была стройной, красивой и удивительно милой. К её недостаткам можно было добавить лишь близорукость. Однако, Саша не огорчился по данному поводу.

Во-первых, она меньше видит импортных тряпок на окружающих и не западает на моде, как её дорогие товарки. Во-вторых, она много раз, в упор не замечала его, когда он провозжал других своих девушек.

Однажды Саша пришёл на свидание немного пораньше и встал чуть в стороне, от крыльца Дома Культуры. Инна пришла минуту в минуту и, не заметив его, стала прохаживаться вдоль тротуара. Она трижды прошла мимо Саши и даже не посмотрела на парня.

Так уж случилось, что в тот замечательный день он впер-

вые надел новый плащ и шляпу с большими полями. Он уже собирался подойти к милой Инне. В этот момент, с карниза помпезного здания, прямо на Сашу, обрушился огромный комок из гуано.

Продуктов жизнедеятельности сизого голубя оказалось потрясающе много. Упав на переднюю часть новой тульи, они не удержались на месте, а скатились на большие поля головного убора.

Фетр тут же прогнулся под тяжестью мерзких отходов, и полужидкая масса скользнула на грудь и полы плаща. Придя в изумление от такого подарка, Саша начал счищать с себя птичье дерьмо. А оно лишь размазывалось всё больше и больше. Пришлось отложить свидание с дамой и проходными дворами добираться домой.

Встречались они не очень-то долго, и быстро сыграли тихую свадьбу. Нужно ли объяснять, что бывшие девушки Саши были расстроены его подлым предательством. Но что тут можно поделать? Любовь!

Через определённое время, у них родился сын Лёша, а через несколько лет дочка по имени Катя. Тем временем, Инна окончила мединститут, поступила в аспирантуру, стала кандидатом наук и стала писать диссертацию для получения звания доктора.

Времени на учебу у женщины уходило удивительно много. Поэтому вся работа по дому и забота о детях легла на

несчастливого Сашу. Однажды утром, он постирал и развесил пелёнки на кухне и приготовил всем завтрак на скорую руку. Потом, накормил двух детей и ждал приходящую няню, что сидела с их маленькой дочерью.

Женщина чуть припоздала. Когда она, наконец-то, явилась, он уже жутко опаздывал. Надевая пиджак на ходу, Саша схватил со стола пакет с бутербродами, и рванул на работу.

По дороге на службу он всё время ловил на себе недоумённые взгляды. И только в конторе мужчина узнал неприятную вещь. Выяснилось, что с воротника его пиджака, на спину свисает детский подгузник. Значит, когда он одевался на кухне, то прихватил его с той веревки, что висела возле плиты.

К этому времени, Саша окончил инженерно-строительный ВУЗ. Он поработал на стройке и получил от организации небольшую «однушку». Потом, устроился в конструкторское бюро, где быстро дорос до начальника группы.

Руководство его очень ценило и помогло с получением полнометражной квартиры из трёх больших комнат. Коллеги его уважали, а женщины, любили как прежде.

Причём, любили так сильно, что один из «рогатых» мужей встретил его после работы. Он дожидался, когда Саша, мило болтавший со своей нынешней пассией, выйдет из проектной конторы.

Современный Отелло, подскочил к воркующим двум голубкам и дал ухажёру по морде лица. Уважающие Сашу, коллеги заступились за избитого мужчиной товарища и спасли его от жестокой расправы.

Виновница происшествия на работу больше не вышла. Она дистанционно уволилась по собственному желанию. Как Саша узнал чуть позднее, ему весьма повезло.

Оказалось, что разгневанный муж был не только мастером спорта по боксу, но и числился на немаленькой должности в головном управлении. К счастью, никто не хотел большого скандала и на этом всё тихо закончилось.

Меж тем, бурная жизнь текла своим чередом. Подошёл государственный праздник, который крепко запомнился окружающим людям. После торжественной части и обильного ужина начались танцы-шманцы-обжиманцы.

Молодой, только что избранный в конторе парторг, не рассчитал своих сил и после удачного па улетел под высокую ёлку. Новогодний атрибут устоял, чего нельзя было сказать о жожаке партийной ячейки. Его пришлось поднимать трём упитанным дамам, с которыми он танцевал.

Главный бухгалтер, мужчина среднего возраста, тоже слегка перебрал за столом. После того, как работники разошлись по домам, он решил, заночевать прямо на месте.

Жил он далеко за окраиной города, и рассудил, что слишком пьян для того, чтобы добираться домой. Он запер дверь

изнутри, сдвинул несколько стульев и спокойно уснул.

Постепенно веселье утихло, танцы закончились, и уставшие люди разбрелись по домам. Одним из последних уходил инженер, который устроился в эту контору неделю назад.

Когда данный «кадр» проходил мимо двери бухгалтерии, главбух вдруг захрапел. Храп этот был, настолько ужасен, что специалист, тут же вызвал патруль.

Слова: – Откройте милиция! – и удары тяжёлых сапог разбудили главбуха. Дверь приоткрылась. Менты гурьбой ворвались в кабинет. Они схвати счетовода за шкирку, заломали руки несчастному и заковали в наручники.

На счастье мужчины, мимо шёл директор конторы, который отпраивлся домой. Шеф предъявил документы, вызволил финработника из лап правопорядка и начал вникать в ситуацию.

Виновник всей суматохи сказал: – Я проходил мимо двери помещения и услышал подозрительный шорох. Как патриот проектной организации я озаботился сохранностью социалистической собственности и вызвал наряд.

Директор сунул ментам пузырь водки и, извинившись за беспокойство, проводил их на улицу. Потом, пожурил патриота конторы, пожелал бухому главбуху хорошо отдохнуть и отбыл восвояси.

В первый день после праздника всплыли и прочие новости. В холле, у выхода стоял старый, обшарпанный стол из

ДСП. В тот памятный вечер, кто-то сорвал его большую столешницу и куда-то унёс. Возможно, она ему пригодилась в хозяйстве?

В то время, завхозом в конторе была солидная дама поистине гренадерской комплекции. Высотой два с лишним метра, а в талии поперек себя шире. Злобные худышки из женщин прозвали её меж собой «Трехдюймовочкой».

Комендантша ходила по коридорам и кричала на все помещения: – Кто украл крышку с большого стола?

Оказавшийся рядом конструктор хотел оправдаться и жалобно пролепетал: – Честное слово, я ничего об этом не знаю! Я помню, как выходил из КБ, а вот с крышкой или без крышки, не могу вам точно сказать!

Как оказалось, многие, как ни старались, но не сумели припомнить детали той шумной пирушки. И в этом нет ничего удивительного. Ведь выпили все довольно изрядно.

В транспортном отделе конторы один из товарищей вообще отключился. Он вдруг откинулся на спинку жёсткого стула и впал в удивительный транс. Глаза были открыты, но взгляд неподвижно застыл. Сотрудник перестал реагировать на прикосновения и голос людей.

По сравнению с другими коллегами, что лежали мордой в салат, его вид был весьма необычен и сильно нервировал всех остальных. Оставшиеся на ногах инженеры быстро нашли приемлемый выход.

Несколько крепких мужчин подняли стул, вместе с за-

стывшим на нём человеком, перенесли его в пустой трехстворчатый шкаф для верхней одежды, а дверцы закрыли. После чего, застолье продолжалось в привычной для всех обстановке.

Ближе к полуночи, вечеринка закончилась, но в шкаф заглянуть все забыли. Люди заперли дверь в кабинет и разошлись по домам. Так он и проспал всю ночь в шифоньере. Лишь утром уборщица выпустила оттуда его.

Но самый крупный скандал вызвала, конечно, любовь. Как тогда было принято, к шумному празднику строительный отдел сильно напрягся и сдал руководству огромный проект.

Ксерокопировальных машин тогда ещё не было. Следуя тогдашней традиции, все листы перечертили тушью на кальку, чтобы потом, сдать на печать. Их все проверили и, в развёрнутом виде, аккуратно сложили в кабинете начальника.

Стол у начальника имелся огромный, размерами с полутороспальную койку. Видимо, это и спровоцировало ту пару влюбленных, что так и остались для всех неизвестными.

Во время таких вечеринок в КБ, двери всегда были настежь открыты. Народ перемещался из комнаты в комнату, ел, пил и общался с друзьями. В помещении начальника тоже кто-то постоянно заглядывал.

Каким-то таинственным образом, злоумышленники раздобыли ключи от двери, и успели все сделать за очень корот-

кое время. Никто не смог догадаться, когда же всё это случилось?

К сожалению начальника, факт, как говорится, был на лицо. Все кальки оказались измяты, многие сильно изорваны, а самые верхние залиты, как пишут в протоколах милиции, характерными пятнами.

Седовласый начальник рассвирепел, словно тигр, и громко кричал на все этажи: – Ну, приспичило кому-то потрахаться, так хоть бы кальки сбросили на пол.

Имена фигурантов не были точно известны. Однако, многие почему-то подумали, что Саша присутствовал в той паре влюблённых. Благодаря своей скромности, он ничего не сказал по данному поводу.

Спустя какое-то время, в КБ устроилась Люба. Сидела она в одной большой комнате с Сашей, и они часто общались по службе. Мало-помалу, возникло сильное чувство. Они стали встречаться, а с течением времени, отношения только окрепли.

Кончилось тем, что Люба вдруг забеременела, и Саша переехал к ней жить. К тому дню, его младшая дочь благополучно окончила школу. Жена Инна, преподавала в мединституте и должна была скоро защититься на доктора.

Всю семейную жизнь Саша воспитывал двух малых детей и хлопотал по хозяйству. Наконец, наследники у него подросли, и можно было, как говорится, заняться собой.

Однако, опять человека охватывает большая любовь, и всё снова идёт по тому же самому кругу. Впереди маячит: развод, новая свадьба и новорождённые дети.

Как сказала одна из сотрудниц КБ: – Всю жизнь Саша возился с пелёнками и вот, на пятом десятке, опять у мужчины пошли соски с горшками.

Всё было отлично, но тут «бывшая» Саши преподнесла всем сюрприз. Среди жаркого лета она явилась в КБ и поднялась на третий этаж. Почему-то, именно в этот момент, изменщика не оказалось на месте.

Инна вошла в просторную рабочую комнату, поставила сумку на стол, стоявший у двери, и тихо спросила: – Можно мне увидеться с Любой?

«Нынешняя» жёнушка Саши оторвалась от кульмана и несмело шагнула навстречу.

Инна открыла сумку приличных размеров. В ней оказалась стеклянная трёхлитровая банка, полная какой-то густой коричневой жидкости. Брошенная мужем, жена сняла полиэтиленовую крышку с сосуда и начала вынимать его из баула.

Предчувствуя что-то недоброе, Люба подскочила к столу и схватила Инну за руки. Завязалась борьба с непонятным исходом. Одна дама, что-то тащила к себе, вторая, попыталась ей помешать.

Весь стройотдел с интересом следил за удивительным «танцем» у двери и напряжённо гадал, чем же всё это закон-

чится?

Неожиданно, трёхлитровая банка вылетела из сумки наружу и грянулась об пол. Послышался грохот стекла. осколки с тёмными брызгами разлетелись в разные стороны.

В этот же миг, воздух заполнила жуткая вонь старых фекалий. Тот, кто хоть однажды заглядывал в давно нечищенный унитаз, наверное помнит этот специфический запах.

«Бывшая» женушка Саши выскочила из кабинета и кинулась к лестнице, ведущей прочь из конторы. Следом, дружной толпой бежали сотрудники большого отдела.

Инна выскочила на летнюю улицу и скрылась неизвестно куда. Люба тоже благоразумно исчезла.

Меж тем, зловоние тотчас расплозлось на три этажа небольшого КБ. Сотрудники немедля подумали, что началась газовая атака врагов, и в совершенном испуге выбежали на улицу.

Если бы там оказался инспектор ГОиЧС, он, несомненно, отметил бы две важных детали. Первое – чёткие действия всего коллектива, и второе – скорость эвакуации сотни людей из пострадавшего здания.

Начались пересуды насчёт применения боевых отравляющих газов неизвестным противником. Все дружно решили, что это происки НАТО с Америкой.

Наконец, силами женщин, что сидели в одной комнате с Любой, картина всего происшествия была восстановлена.

Директор, что находился поблизости, отпустил всех людей по домам, и приказал «Трехдюймовочке» – навести в помещениях должный порядок. Потом сел в машину и тут же уехал неизвестно куда.

Хорошо, что за забором был большой автопарк, где стояли городские автобусы, а КБ относилось к их управлению. Руководство пошло навстречу соседям и обеспечило их инвентарём.

Уборщицы надели на головы противогазы. Затем натянули резиновые перчатки и фартуки, в которых на автомойках поливают машины из шланга, и принялись за работу.

Они выгребли из кабинета дерьмо и помыли полы хлорной известью три раза подряд. Однако, в КБ долго стояла ужасная вонь и смердело так сильно, словно в холерном бараке во времена эпидемии.

К счастью, то роковое событие не сумело разрушить большое и светлое чувство. Саша всё же развёлся с первой женой и женился на Любе. Она родила ему дочь, и они все втроём улетели на Север.

Там получили квартиру, купили машину и жили до конца «КАТАстройки». Затем, демократы всю страну развалили. Почти всех людей, тут же уволили с промыслов.

Продав за бесценок всё, что смогли заработать, они вернулись на родину. Хорошо, что у Саши в Самаре жила старая мама в приличной квартире на проспекте Победы. Они

обменяли ту «сталинку» на трёхкомнатную «малометражку» и переселились туда

Из-за попытки, облить Любу-разлучницу старым дерьмом, у Инны возникли огромные, по тем временам, неприятности. Даму едва не уволили из института, а диссертацию чуть не сняли с защиты. В конце концов, все благополучно утихло.

На кафедре благоразумно решили, нельзя добивать несчастную женщину, брошенную неверным супругом. Тем более, что у неё двое детей, которые ещё не работают. Она защитилась и долго трудилась по медицинской специальности.

Долгий путь на восток

Сергей оканчивал пятый курс института и уверенно шёл на «красный диплом». Перед началом заключительной сессии его вызвал декан, и намекнул парню о том, что если он хорошо защитится, то получит распределение в крупный московский НИИ.

Стало быть, он не поедет в несусветную глушь, а будет работать в сердце страны. Окрылённый столь радостной новостью, Сергей с ещё большей энергией продолжил учёбу. Он пересдал несколько давних экзаменов, и исправил на «отлично» четвёрки, что затесались в зачётку на первых семестрах.

Всё шло прекрасно до тех самых пор, пока в аудитории не появилось два новых студента. Точнее сказать, белокурая красавица Таня и высокий молодой человек по имени Лёня. По непонятным причинам они перевелись из других ВУЗов столицы и, неожиданно-негаданно, оказались в их группе.

Так уж случилось, что девушка сразу приглянулась Сергею, и он осознал, что влюбился с первого взгляда. Парень не стал откладывать важное дело на более позднее время. На первом же перерыве он подошёл к чаровнице и немедля представился.

Они мило болтали минут пять или шесть, и разошлись в разные стороны. Считая, что не стоит сразу просить о свидан-

нии, наш юный герой решил не спешить. Мол, нужно познакомиться с Таней ближе, а потом, будет видно, что там и как?

К огромному сожалению парня, дальше простых разговоров дело у них не пошло. Сергей был весьма привлекательным юношей. Однако, сильно проигрывал Лёне, как называли новичка однокурсницы. Таня тоже не устояла перед шармом «красавчика» и начала с ним очень часто встречаться.

Оно и понятно, оба являлись исконными москвичами, неизвестно в каком поколении. Они жили в центре столицы и происходили из интеллигентных и чрезвычайно богатых семей.

Их предки трудились большими начальниками. Так что, имели шикарные апартаменты в историческом центре древнего города, огромные дачи недалеко от Москвы и катались на новых иностранных машинах. В те времена простые советские граждане не могли о подобном даже мечтать. Впрочем, так же, как и теперь.

А что мог предложить юной красавице парень из захолустной Самары? Разве, что крепкие бицепсы, да кулаки, закалённые в уличных драках и хорошо отшлифованные в любительской секции бокса?

Ничтоже сумняшеся, Сергей подстерёг Леонида после занятий, отвёл красавца в сторонку и хотел предложить ему, побороться за девушку в честном бою. В разгар перепалки, Таня подбежала к зачинщику ссоры и крикнула ему прямо в лицо: – Если ты тронешь его, хоть одним только пальцем, я

буду тебя ненавидеть всю свою долгую жизнь!

Парень сильно смутился, сжал зубы в полном бессилии и пошёл восвояси. Таня метнулась к ошеломлённому Лёне. Они обнялись и направились к новенькой тачке счастливица, припаркованной у тротуара.

После защиты диплома, Сергей получил направление в московский НИИ и хотел съездить на родину, чтобы взять кое-что из вещей. Тут, до него дошли очень странные слухи.

Все, как один, говорили: – Таня и Лёня пришли в институт перед окончанием курса. К этому времени, все неплохие вакансии уже разошлись между блатными студентами. Им достались места не в престижной проектной конторе, как хотели влюблённые, а на крупном заводе, стоящем в какой-то глуши.

Казалось бы, в этом нет чего-либо страшного. Родители девушки имели значительный вес и могли бы устроить дочурку, куда ей только захочется. К сожалению Тани, её вельможные «предки» повели себя по-другому. Они не хотели дать повод своим лютым завистникам и позволить им всем порочить их честное имя.

Её славные родичи побоялись рискнуть отличной карьерой и решили по-своему. Мол, ничего с их дочуркой не станется. Пусть отбудет положенный срок там, куда её запесочили, а уж потом, отработав, вернётся домой.

В общем, всё было правильно. Это и ей бы потом помог-

ло, при продвижении по службе в Москве. Вот только тот комбинат находился в одной, самой дальней точке страны. Почти на границе с Монголией.

Сначала, девушка сильно расстроилась, а после подумала: – «Начать семейную жизнь в диком, медвежьем краю, что может быть романтичней?» – она утешилась таким неожиданным выводом и вновь обрела в отличное расположение духа.

Таня поговорила с любимым и с огорчением узнала о том, что он не хочет ехать в далёкую глушь, а желает остаться в Москве. В этот же день, Леонид обзвонил всех родных. Они рьяно взялись за дело, и нашли ему прекрасное место в столице.

Как сообщала молва, выяснение отношений, случилось прямо на улице и носило довольно бурный характер. Между молодыми людьми, начался разговор на высоких тонах. Громкий спор перешёл в некрасивую ссору и закончился полным разрывом.

Девушка дала Лёне пощёчину, разразилась рыданиями и убежала неизвестно куда. Её ухажёр вспыхнул от гнева, сел свою иномарку и уехал в противоположную сторону.

Подруги Татьяны, с которыми общался Сергей, подтвердили, что данная свара произошла у них на глазах. Сейчас, студентка плачет целыми днями, и покупает вещи попроще, для отбытия в «Тмутаракань».

Парень оценил ситуацию, и увидел ещё один шанс для себя. Он бросился в деканат института и предложил удивлённым чиновникам отправить его вместе с Татьяной.

Там на него посмотрели, как на душевнобольного, но сразу смекнули, что им это сулит. Ведь, благодаря такой рокировке, в столице освобождается место для «своего человечка». Чиновники, быстро оформили все документы, горячо поздравили «чудика» с таким назначением и пожелали успехов на границе с Монголией.

Он созвонился с любимой Татьяной, утешил, как только мог и сообщил ей о том, что они будут вместе. Она лишь слегка улыбнулась, нашла в себе силы удержаться от слёз и сказала: – Спасибо...

После чего, она попросила Сергея взять два билета на поезд. Для него и для неё. Парень с радостью выполнил её поручение, и немедленно доложил об исполнении просьбы.

С этого дня, они очень часто общались по телефонной сети. Правда, почему-то, ни разу не встретились. То у Тани не было времени, то она прихворнула, а то вдруг нагрянули родичи из-за границы. Приехал дядя по маме, который работает в Бельгии.

– Ничего, не стоит мне торопиться. – твердил себе парень: – Это только начало наших с ней отношений. Мы будем в одном тесном купе, и у нас уйдёт на поездку целых одиннадцать дней. Постепенно она привыкнет ко мне. Я стану ей нужен, и она полюбит меня.

Сергей прилетел на вокзал, на час раньше, чем нужно. Он сложил вещи под полку, вышел из голубого вагона и стал нервно бродить по перрону. До отхода их поезда оставалось совсем ничего, а девушки ещё не приехала.

– «Почему она до сих пор не явилась?» – раздумывал он: – «Что могло с ней случиться? Сломалась машина, или сама заболела?» – тысячи мыслей вились в голове, но ответа на них он не знал.

За минуту до отправленья состава, появилась подруга Татьяна и объяснила, что вчера девушка пошла в деканат. Она предъявила там справку о тяжёлой беременности, и её без раздумий оставили работать в Москве.

Ошеломлённый подобным известием, парень замер, как статуя и еле расслышал, как тепловоз дал прощальный гудок. Вагоны тронулись с места, и поезд стал ускоряться.

Едва двигая ватные ноги, он вошёл в тесный тамбур. Проводница отёрла бледного юношу в сторону и заперла дверь. Началось путешествие на окраину нашей страны.

Две недели спустя, Сергей прибыл на недавно выстроенное предприятие военного комплекса. Он получил место в заводском общежитии, устроился в комнате на шестерых и начал работать.

Благодаря блестящим познаниям, он быстро завоевал авторитет у начальства. Молодого специалиста заметили, и

стали давать ему такую работу, которую не доверяли другим новичкам.

Месяц спустя, ему поручили отвезти в управление пакет с документами. Он должен был, сдать бумаги в учётный отдел и, если понадобится, отчитаться по ним. После чего, зайти на вокзал и встретить одного человека, прибывшего к ним из Москвы.

Сергей быстро справился со сложным заданием. На попутной машине он добрался до железной дороги и попал на перрон к приходу нужного поезда. В то время, на их предприятие приезжало много людей из столицы. Молодой человек ожидал встретить пожилого мужчину с портфелем в руках.

Вместо этого, парень услышал радостный возглас: – Сергей!

Он обернулся и тотчас почувствовал, как на шее повисла какая-то девушка. Парень смущённо похлопал её по спине, слегка отстранился и замер, как столб. Перед ним находилась его любимая Таня.

Ещё через год, молодые супруги получили небольшую квартиру в недавно построенном доме. Соседи по общежитию помогли перевезти немногие вещи, занести на этаж и расставить всё по углам. Все выпили по стакану шампанского и, поздравив друзей, разошлись кто куда.

Располневшая в талии, Таня медленно села на табуретку

и тихо сказала: – Я хотела тебе объяснить, что же тогда случилось в Москве. Да всё как-то не знала, с чего бы начать?

После того, как ты позвонил в первый раз, пришла моя мама и сообщила, что наша дальняя родственница «сделала» справку о моей «тяжёлой беременности». Я побежала с ней в институт.

Декан с осуждением покачал головой, но обещал подыскать местечко в столице. Вне себя от неопишуемой радости, я поехала к Лёне. Сказала ему о бумаге, но ничего больше, объяснить не успела.

Едва прозвучало слово – беременность, как он изменился в лице и заявил, что ребёнок совсем не его, а неведомо чей. Поэтому, между нами всё кончено, и он больше видеть меня не желает.

После того, что сказал Леонид, я онемела на какое-то время. Через пару минут, я немного оправилась, но совсем не хотела общаться с подонком. Мало того, я уже не могла жить в Москве.

Я отправилась назад в деканат, но не стала там говорить, что справка фиктивная. Я заявила, мол, передумала и решила поехать туда, куда скажут. К этому времени, оставалось лишь это прекрасное место.

Таня показала рукой за окно, за которым высились высокие горы, и тихо добавила: – Хоть мне и стыдно было смотреть на тебя, но оставаться в столице, для меня оказалось значительно хуже.

Город ведь наш совсем небольшой. Все постоянно толкутся на одних и тех же проспектах и улицах. Вдруг я где-нибудь встречу мерзавца? Что со мной будет при этом, не хотелось даже и думать.

Я купила билет, села в вагон и отправилась сюда, на восток. Должна сообщить, что за всю свою короткую жизнь, я никогда не бывала за пределами западной части страны.

Поэтому, чем дальше состав уходил от столицы, тем сильнее для меня, изменялась вся обстановка вокруг. Местность за вагонным окном, манеры, разговоры и даже одежда попутчиков не походили на то, к чему я привыкла.

Но самое страшное заключается в том, что даже люди становились другими и, постепенно, одна раса сменяла другую. Всё меньше встречалось европеоидных черт, знакомых мне с раннего детства, и появлялось всё больше других, азиатских.

Когда же я вышла на вокзальный перрон, то ощутила себя так необычно, словно покинула родную страну и оказалась в Китае или Тибетской Монголии. Непонятно с чего, я вдруг испугалась и застыла от сильного страха.

Тут я рассмотрела тебя и чуть не закричала от радости. Ведь я встретила здесь знакомого мне человека. Я рванулась навстречу, обняла, и подумала: – «Как же я не заметила раньше, что он такой симпатичный?»»

Кстати сказать, вчера я отправила Леониду письмо. В нём, я сообщила подонку о том, как всё было в Москве. В конце

я добавила, что вышла замуж за хорошего парня, что мы получили квартиру, и скоро у нас, будет общий ребёнок.

Сергей придвинулся к Тане поближе. Он опустился перед женой на колени и нежно обнял её за располневшую талию. Впереди у них была долгая счастливая жизнь.

Настоящий мужчина

Целый день, Влад мотался по городу по делам крупной фирмы, в которой трудился. Молодой человек быстро справился со всеми проблемами и вернулся со службы чуть раньше обычного. По дороге домой, он зашёл в цветочный киоск и купил красивый букет для любимой жены.

Его семейная жизнь длилась целых полгода, но Влад себя чувствовал так, словно он расписался всего день назад. Его переполняла любовь и нежность к супруге. Ради неё он был готов на всё, что угодно. Если, конечно, ему не придётся совершить преступление или же вляпаться в беспросветную глупость.

Парень достал ключ из кармана, открыл дверь квартиры и тихо шагнул в небольшую прихожую. Там он услышал, что жена говорит по мобильнику. Видимо Лида чем-то занималась в гостиной. Она включила громкую связь и, не отрываясь от домашней работы, болтала с подругой.

Голоса юных девушек звучали достаточно громко и довольно отчётливо. Так что, Влад слышал каждое слово. Однако, смысл их беседы его совершенно не радовал.

Жена бурно жаловалась любимой подруге: – Да он у меня просто тряпка во всех отношениях. Начальство совсем не прислушивается к его ценным советам и помыкает всюю.

Подчинённые с ним не считаются и очень стараются его

подсидеть. Он даже со мной ведёт себя, словно старый плюшевый мишка. Боится прижать посильнее, а выражается так, будто попал на приём в Кремлёвском дворце.

– Но раньше тебе, очень нравились эти прекрасные качества. Я имею ввиду то недавнее время, когда он добивался тебя. – искренне удивилась подруга.

– Да, тогда это в нём мне удивительно нравилось. Но одно дело, когда парень ухаживает и обращается с девушкой, словно с хрустальным бокалом. И совершенно другое, когда начинается семейная жизнь.

Мало того, что он полный рохля, так он даже совершенно не пьёт. На любых торжествах, он вместе со всеми подносит рюмку ко рту и, лишь пригубив, ставит на место. На мой женский взгляд, в супруге должна ощущаться мужская натура.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что иногда, он мог бы немножечко выпить, раскрепоститься и стать тем человеком, каков он есть на самом-то деле.

– А может быть, он точно такой, каким тебе представляется?

– Я доподлинно знаю, что с мужчинами делает несколько рюмок. – раздражённо фыркнула Лида.

– И что же, по-твоему, они с ними делают?

– Они открывают в них обаяние и бездну искромётного юмора.

– Откуда ты это знаешь? – потрясённо спросила подруга: –
Всю свою жизнь, ты провела в элитном подмосковном посёлке. Ни твои дорогие родители, ни соседи вокруг, не принимали на грудь больше бокала вина.

Училась ты в дорогушёр гимназии, куда тебя отвозил личный шофёр. Потом ты занималась с преподами дома, почти не являлась на лекции и закончила наш универ почти что экстерном. Где ты могла встретить пьяных и откуда ты знаешь, что они из себя представляют?

– Я видела несколько замечательных фильмов. В том числе «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» – безапелляционно ответила Лида: – Кроме того, мы с тобою ходили на спектакль «Москва–Петушки», поставленный по бессмертной поэме Ерофеева Венички. И везде, поддатый мужчина становился очень забавным и милыми.

– Да только в кино и спектаклях, они такие потешные. В жизни всё обстоит совсем по-другому. – пыталась Лиду урезонить подруга.

– Всё равно. – не сдавалась жена: – Я лично считаю, что супруг не может быть размазнёй. Он должен вести себя, как настоящий мужчина. То есть, он может иногда приходить подшофе. Это так освежает отношения в семье.

Владу уже надоело слушать бессмысленный девичий трёп. Он громко хлопнул входной дверью квартиры и, насколько мог весело, крикнул: – Лидочка! Смотри, что я принёс.

– Мой появился! – с раздражением шикнула Лида в теле-

фонную трубку и отключилась от связи. Она вышла в прихожую, подставила щёку для поцелуя супругу и равнодушно взяла принесённый букет.

Почти всю неделю, Влад размышлял над подслушанным разговором подруг, но так и не смог, придумать хоть что-нибудь дельное. Так уж распорядилась судьба, что он на физическом уровне терпеть не мог алкоголь.

В отличие от прочих людей, спиртные напитки не вызывали у него эйфории. Скорее наоборот. Они лишь оглушали его и повергали в тьму раздражительности и бездну депрессии.

Мало того, затем, наступало похмелье, которое у него продолжалось по много часов. Поэтому, выпивать для того, чтобы порадовать немного жену, ему совсем не хотелось. Он знал свой организм и хорошо понимал, что этого делать не стоит.

Однако, чего только не сделаешь ради любимой супруги. И тут, как на заказ, произошло большое событие. Хозяин той фирмы, в которой вкалывал Влад, внезапно устроил «корпоратив» для сотрудников.

Парень пришёл в ресторан и веселился вместе со всеми. Он ел, вместо водки глотал минералку без газа, танцевал и усиленно думал: – Может быть, всё-таки выпить? Перед окончанием банкета он всё же решился на ужасный поступок и проглотил стакан коньяка.

Отсутствие практики в потреблении крепких напитков, сыграло с ним скверную шутку. Влад потерял контроль над собой, а после, и вовсе, утратил связь с нашей реальностью.

Очнулся Влад утром, на диване в гостиной. Преодолевая похмелье, он стал вспоминать, что натворил прошлым вечером? В воспалённом мозгу всплывали кое-какие отрывки. Мало-помалу, они все сложились в мозаику произошедших событий.

Вот он спорит с начальством и на пальцах доказывает хозяину фирмы, что в последнем проекте, они приняли плохое решение. Вот он наткнулся на своих подчинённых в мужском туалете и поставил их в ряд у стены.

После чего, обещал расквасить им морду, если они станут и дальше его постоянно подсиживать и доносить шефу о том, что творится в отделе. Вот он уже находится дома и требует от дрожащей жены горячий кофе в постель.

Все эти виденья мелькнули в мозгу бедного Влада и погрузили его в бездну отчаяния. Очень похоже, что он натворил отвратительных дел. Скорее всего, придётся ему подыскивать новое место работы.

Да и с Лидой всё вышло весьма неудачно. Он был беззащитно груб, чрезвычайно заносчив и хотел неизвестно чего. Хорошо, что потом спохватился и отпустил дорогую жену в спальную комнату.

В это ужасное время, полное мучительных дум и глубо-

ких раскаяний, Влад что-то услышал. Он повернул голову в сторону шума и увидел такую картину. Из спальни вышла супруга. Глаза у неё были заплаканы.

Сильно согнувшись, Лида тащила в прихожую большой чемодан. На пороге она обернулась и гневно сказала: – Ты просто животное. Я не хочу тебя видеть и навсегда уезжаю к родителям.

Влад побледнел от невыносимого ужаса. Затем, на него снизошло вдохновение. Он отчётливо вспомнил, чем завершился рассказ Джером Клапки Джерома «Миссис Корнер получает по заслугам».

Старинная байка мгновенно мелькнула перед глазами у Влада. По всему выходило, что он оказался в той ситуации, которую хорошо описал английский сатирик. Парень широко улыбнулся и спросил Лиду словами мистера Корнера: – И как тебе это понравилось?

От такого вопроса супруга весьма растерялась и застыла на месте. Она почему-то решила, что у Влада горячка. Посмотрев на весёлого мужа, она поняла, всё гораздо сложнее. Скорее всего, от перепоя он просто рехнулся.

Меж тем, Влад продолжал цитировать классика: – Дорогая, когда ты снова захочешь увидеть меня таким, как вчера? Нет, нет, не отпирайся, ты же ещё не забыла разговора с подругой, который я случайно подслушал.

Ты ей заявила, что настоящий мужчина, может время от

времени, приходиться домой подшофе. Это так освежает отношения в семье.

По удивлённому выражению лица, Влад сразу понял, что жена что-то вспомнила. Он беззаботно продолжил: – Извини дорогая, я не мог доставить тебе удовольствие раньше. Нужно было закрыть очень важный проект, а для данной работы требовалась абсолютная трезвость.

Вчера мне удалось сдать работу начальству. И я сделал всё, что было в моих слабых силах. Надеюсь, теперь ты довольна? Если тебе это понравилось, то разреши мне вести себя, таким образом, хотя бы раз в две недели.

Нужно сказать, что красавица Лида никогда не читала Джерома. У неё всегда было много других, девичьих хлопот. Однако, она повторила слова его героини: – Ты хочешь сказать...

Следуя сценарию классика, Влад её оборвал: – Я хочу сообщить, что в ходе нашей супружеской жизни, ты дала мне понять, что я настоящая тряпка. Дело всё в том, что твоё знание мужчин, основано лишь на глупых книжонках и ещё более глупых комедиях.

Твоя большая проблема заключается в том, что я совсем не похож на этих героев. Но я тебе показал, если ты будешь настаивать, то я стану вести себя так же, как и они.

– Но ты был совершенно другим! – испугано воскликнула Лида.

– Я старался, как мог. – откликнулся Влад: – Не все же мужчины во всём одинаковы? Я и напился так, как сумел. Так, как у меня получилось.

– Я же не говорила, чтобы ты напивался.

– Зато ты имела это в виду. Ты говорила о том, что мужчина, может иногда приходить домой подшофе. И приводила в пример Ерофеева Венечку.

– Но он во хмелю был очень забавный.

– Окружавшие Венечку люди, так почему-то не думали. – сурово насупился Влад: – Судя по пьесе, жена его собиралась уехать к родителям. Ты тоже сегодня хотела так сделать.

– Но ты вёл себя так ужасно. – расплакалась Лида. Потом посмотрела на мужа и с надеждой спросила: – Ты, в самом деле, хватил вчера лишнего или же ты притворялся?

– Честно сказать, то очень много я выпил впервые. Но если ты хочешь, то этого больше, не будет.

Лида тихонечко всхлипнула. Не зная того, она опять повторила слова английского классика: – Я поступила удивительно глупо. Прости меня милый, пожалуйста.

На работе у Влада, тоже всё вдруг изменилось. Начальство стало прислушиваться к его ценным советам и платить по заслугам. Подчинённые начали его уважать. Они уже не считали его бесхарактерным рохлей. Ведь он мог и морду набить.

Доброе дело

Когда-то давно, я отмечал какой-то государственный праздник в одной шумной, очень весёлой компании. Там я столкнулся с одним из гостей хлебосольных хозяев. Как оказалось, Василий был жизнерадостным, и весьма интересным молодым человеком.

Благодаря таким свойствам характера, он имел много друзей и хороших приятелей. После той вечеринки, мы часто встречались у общих знакомых, быстро с ним подружились, и я узнал много чего необычного.

Окончив политехнический техникум, Василий попал по распределению в речной порт города Куйбышева. Он быстро познакомился с каким-то высоким начальником и, благодаря его мощной протекции, устроился на весьма престижную должность.

Парень начал работать механиком на крупном нефтеналивном танкере советского флота. Такие суда с ранней весны до поздних дней осени, возили мазут за границу.

Корабль принадлежал к тому типу судов, что могли плавать, как по реке, так и по морю. Он заполнялся топливом в СССР и шёл по каналам и рекам до самого устья. После чего, спускался в солёные балтийские воды и заходил в порты Финляндии.

Там танкер стоял несколько дней под разгрузкой и пустым

возвращался назад. Я уже точно не помню, сколько рейсов он делал за всю навигацию? Однако, на взгляд жителей нашего города, закрытого для иностранцев, он бывал за границей удивительно часто.

Герой моей повести быстро освоился на новом рабочем пространстве. Парень узнал, что, где и как, а затем, как и все моряки того славного времени, занялся небольшой контрабандой.

Он не был антисоветчиком или тряпичником. Поэтому, не начал возить подрывную литературу и джинсы, которых на барахолке уже было навалом. Василий брал грампластинки зарубежных ансамблей и порнографические журналы разного вида.

Нужно напомнить, что гражданам СССР, оказавшимся вдруг за «бугром», позволялось иметь при себе лишь небольшие карманные деньги. На них можно было несколько раз сходить на «капиталистический» фильм, купить блок сигарет, и выпить бутылочку пива или чашечку кофе.

Благодаря такой постановке вопроса, Василий не мог шиковать. Он скупал в соседней Финляндии лишь чрезвычайно залежалый товар. Тот, который хозяевам лавочек не удавалось продать.

Хоть он и платил сущую мелочь, продавцы ему были весьма благодарны. Ведь с помощью парня они не оставались в убытке. По его настоятельной просьбе, финны совали жур-

налы и «диски» в мешки из прочного пластика и, надёжно запаивали горловины у всех упаковок.

Парень возвращался на советский корабль и сразу спускался в моторный отсек, в котором ударно работал. Там он брал медную проволоку и крепил все покупки к внутренним стенкам внушительной ёмкости. После чего, он заполнял её отработанным маслом, слитым из огромной машины.

Закончив разгрузку мазута, танкер возвращался на родину, где за него брались пограничники. Они «шмонали» корабль от киля до клотика, и упорно искали товар, запрещённый к свободному ввозу в СССР.

Но так происходило лишь на верхних палубах судна. Когда служивые люди спускались в глубины мрачного трюма, то их поведение сразу менялось. Им совсем не хотелось нырять в грязную вонючую жидкость. Поэтому, они только шарили своими баграми по дну крупной ёмкости, на чём досмотр и заканчивался.

По прибытии в родной речной порт, танкер вставал возле пирса. Масло сливали и отправляли на переработку или очистку. После чего, парень лез в пустой бак и доставал оттуда пакеты.

Он аккуратно снимал с них испачканный пластик, а чистенькую контрабанду уносил в портфеле домой. Затем, звонил своим многочисленным друзьям и приятелям. Те приходили к нему и с большим удовольствием раскупали привезённый товар.

В давно минувшие годы, подобные вещи уходили на рынке от десяти «деревянных» до тридцатки за штуку. В то время, как средний оклад по стране не превышал тогда полутора сотен рублей.

Благодаря внушительной прибыли, парень за несколько лет купил себе неплохую квартиру, машину и мебель. То есть, устроился по полной программе. Да ещё и приличную сумму отложил себе на безбедную жизнь.

Всё шло хорошо, до тех самых пор, пока к нему не пришёл его лучший друг. Константин был старше Василия почти на семь лет, а женился, ещё до того, как отправился в армию.

Мужчина явился сильно расстроенный и рассказал довольно простую историю. Выяснилось, что его семнадцатилетняя дочь забеременела от своего однокашника. Казалась бы, что здесь такого? Дело-то очень знакомое. Та же история произошла и с самим Константином.

Однако, дальше пошло всё не так, как хотелось бы огорчённым родителям девушки. Молодой человек вдруг передумал жениться. Ну, а виновница всего тарарама не захотела сделать аборт. Она заупрямилась и решила оставить ребёнка.

Опечаленный таким поворотом событий, отец юной мамы пораскинул мозгами и обратился к своему лучшему, неженатому другу. Он попросил его расписаться с непутёвой дочуркой.

Свой план он объяснил товарищу, так: – Вы поставите

штампы в своих паспортах. Через месяц, молодая жена подаст на развод и ты снова свободен. – мол, тебе всё равно, а мне ты окажешь большую услугу. Соседи не будут болтать, что моя глупая Катька «принесла в подоле».

На том они и решили. Лучший друг взял документы Василия, а спустя несколько дней, принёс их уже с записью на нужной странице. Ещё через месяц, процедура опять повторилась. Рядом с первой отметкой появилась печать о расторжении брака.

По тогдашней традиции, об этом сразу узнали в администрации порта. После чего, парня решили, выгнать с «загранки» за «аморальное поведение в быту». Мол, не успел он жениться, как сразу развёлся. А такой образ жизни «порочит честь и достоинство настоящих советских людей».

Пришлось молодому механику подключить все свои связи. С огромным трудом он смог удержаться на хорошей работе. Василий помотал себе нервы, но всё же, продолжил плавать в Финляндию. Жизнь потекла себе дальше. Парень совсем позабыл о той скромной услуге, которую он оказал своему лучшему другу.

Ещё через год в бухгалтерию порта, где работал Василий, прилетела бумага из районного суда города Куйбышева. Это оказался исполнительный лист на алименты.

Они составляли ровно четверть зарплаты механика. Причём, деньги должны были пойти на содержание ребёнка, чью

маму «счастливый отец» видел лишь раз, года четыре назад. Тогда ей, не стукнуло даже пятнадцати.

Парень бросился к лучшему другу и услышал от него такие слова: – Ты же сам расписался с моей беременной дочерью. Хоть она и ушла от тебя, согласно советским законам, ты должен кормить её сына до восемнадцати лет.

Насколько я знаю, денег у тебя предостаточно. Конечно, ты можешь подать заявление в суд и попытаться признать свой брак недействительным. Только учти, в КГБ тотчас узнают о той контрабанде, что ты возишь в СССР из Финляндии.

На том разговор и закончился. «Лучший друг» вытолкнул парня за дверь. Чуть позже, бедняга узнал кое-что интересное. Оказалось, что его бывшая «дорогая супруга» вышла замуж за родного отца своего любимого сына.

Молодожёны учились в одном институте, получали небольшие стипендии, и им не хватало денег на жизнь. Они обратились за помощью к предкам жены. Вместо того, чтобы давать деньги дочке, Константин предложил ей совершенно другое. Он посоветовал, получать алименты с «барыги, который возил контрабанду в страну».

Василий немного подумал и твёрдо решил, хватит с него и того, что он уже сделал для беременной девушки одно доброе дело. Ведь он с ней расписался. То есть, не позволили соседям «лучшего друга» трепать её «честное» имя.

Тем самым, он испортил свою биографию и едва не лишился престижной работы. Мало кто знает, скольких трудов ему стоило удержаться на танкере, ходившем в Финляндию.

Однако, кормить чужого ребенка до восемнадцати лет он, почему-то, совсем не захотел. К тому же, он понял, что с течением лет аппетиты у «бывшей супруги» обязательно вырастут. Она начнёт требовать всё больше и больше. То есть, начнёт шантажировать тем, что он «возит контрабанду в страну».

Василий всё тщательно взвесил и пришёл к заключению – всё, что нужно для жизни у него уже есть. Денег накоплено довольно прилично. Так что, волноваться ему совершенно не стоит.

После долгих раздумий, Василий уволился из речного порта, где он был на хорошем счету, и устроился сторожем в какую-то небольшую «шаражку». Там платили минимальные деньги, всего семьдесят с чем-то рублей в течении месяца. Подобная ставка была впятеро меньше, чем он получал, когда плавал на танкере.

Вот с этой «значительной суммы» и стали «лупить с него алименты». Теперь они составляли восемнадцать рублей, а не те девяносто, что забирались недавно. То есть, все алименты равнялись половине стипендии его «бывшей жены».

На подобные деньги прожить оказалось нельзя. Идти в КГБ Константину не было смысла. Алиментщик уже не тру-

дился на танкере и не ходил за границу. Пришлось «лучшему другу» помогать своей милой Катьке.

Месяц спустя, Василий договорился с начальником с нового места работы. Тот забирал в бухгалтерии остатки его «огромной» зарплаты, а парень мог вообще не являться на службу.

Благодаря появившемуся свободному времени, Василий начал работать автомехаником. Парень, целыми днями торчал в своём большом гараже и чинил легковушки друзей и знакомых. За это он получал наличные деньги. Выходило несколько не меньше чем раньше.

Теперь он совершенно спокойно занимался любимой работой. Парень всегда находился поблизости от своей уютной квартирой. Ему не приходилось трястись во время каждого «шмона», который проходил на границе. Так что, Василий не о чём не жалел.

Лишь иногда, сильно выпив, автомеханик впадал в меланхолию. Тогда, с горечью в голосе, он вспоминал, как пожалел своего «лучшего друга». Потом он всегда добавлял:

– Правильно все говорят: – Ни одно доброе дело не остаётся у нас безнаказанным.

Киста

На заре своей давней юности, я учился в, так называемом, «вечернем» стройинституте, а днём трудился в большом отделе проектной конторы. Коллектив у нас был весьма разношёрстный, и состоял, как теперь говорят, из представителей различных слоёв нашего общества.

Там ударно «пахали» и рафинированные интеллигенты в пятом-шестом поколении, и выходцы из рабочих и крестьянских семей. Те, что получили всего лишь среднее техническое образование.

Одним из таких «новобранцев» являлся и мой тогдашний приятель по имени Женя. Его родители были простыми людьми и, после окончания техникума, он вкалывал мастером на возведении пятиэтажных домов.

Затем пришёл к нам и показал себя весьма знающим проектировщиком. Он много читал, но имел большие пробелы в образовании. Поэтому, я иногда объяснял любопытному Жене значение тех или иных «импортных» слов.

Парень был очень видный, широкоплечий и достаточно рослый, под метр девяносто. Он обладал могучим мужским обаянием и совершенно не знал отказа у окружающих женщин.

Девушки разного возраста и даже утончённые дамы так и вились возле него, словно бабочки возле ярких цветов. Ну,

а он практически никому не отказывал и с удовольствием пользовался своей популярностью у противоположного пола.

В то время, у нас неплохо трудилась одна молодая сотрудница – Ира. Как-то раз она не пришла на работу. Уже через день, в отдел позвонила её старая мама и рассказала, что же случилось с взрослой дочерью.

Выяснилось, что среди ночи девушке стало вдруг удивительно плохо. Они вызвали «скорую помощь». Врачи отвезли её в городскую больницу, где сразу провели операцию. Родительница рассказала эту историю и назвала адрес медицинского учреждения, расположенного на окраине Куйбышева.

В те давние годы, в людях советской страны присутствовал дух сострадания и взаимопомощи. Поэтому, инженеры тотчас решили помочь. Они собрали сколько-то денег и купили фруктов и соков.

Затем, встал вопрос, кто навестит бедную Иру и передаст ей посылку от всего коллектива? Оказалось, что никто, кроме Жени не знает, где же находится та медсанчасть, которая им так нужна?

Мало того, все очень туманно представляли себе тот отдалённый пролетарский район. В то время, как парень не смог хорошо объяснить, как же туда можно добраться?

Пришлось Жене взять домой авоську с продуктами и, на следующий день, прямо с утра самому ехать к больной. Он быстро добрался до нужного места и узнал, где лежит его сослуживица.

Передал через нянечку подарки товарищей, вышел на улицу и встал под окном нужной палаты. Тогда ещё не было телефонов сотовой связи, и посетители переговаривались с пациентами старым дедовским способом. То есть, во всё горло кричали то, что хотели друг другу сказать.

Вот и Женя, напрягая свой зычный голос, спросил: – Что случилось с тобой?

После чего, сильно смущаясь, Ира в ответ проорала: – Киста неожиданно лопнула!

Услышав это странное слово, парень опешил и, ничтоже сумняшеся, задал новый вопрос: – И как же теперь?

– Вырезали! – беззаботно махнула Ира рукой.

– Совсем? Как же ты без неё? – потрясённо выкрикнул Женя.

Ира только пожала плечами. Парень сокрушённо покачал головой, быстро простился и поехал к себе на работу. Всю дорогу назад, он сокрушённо раздумывал: – «Такая молодая девчонка, и на тебе – вырезали! Как же она теперь замуж пойдёт? И вообще, как она сможет дальше прожить?»

Когда он вошёл в кабинет, люди там уже всё разузнали. Оказалось, что Ира как-как добралась до телефона, что на-

ходилась у дежурной по этажу, и позвонила в контору. Она сказала большое спасибо за все гостинцы и сообщила детали, о своей операции.

Узнав, что сейчас с Ирой всё в полном порядке, сотрудники повеселели и взялись за работу. Один только Женя продолжил сидеть с совершенно потерянным видом.

Соседка по кульману заметила угнетённое состояние парня и поспешила его успокоить: – Да не переживай ты за Иру! Подумаешь, кисту девушке вырезали? Ничего в этом страшного нет. Это же не раковая опухоль, а небольшое образование в организме, обычно наполненное какой-либо жидкостью.

После таких объяснений, Женя вдруг понял, что там, под окном дамского отделения больницы, ему почему-то, послышалось совершенно другое. Оно очень созвучно слову КИСТА, лишь начинается на литеру П, и означает половой орган у женщин.

Семёныч с мясокомбината

Семёныч работал на Куйбышевском мясокомбинате со дня открытия того предприятия. Пришёл он туда сорокалетним мужчиной, а когда я услышал о нём, ему было под семьдесят.

В то время, я искал работу в какой-нибудь проектной конторе. Мой институтский товарищ услышал об этом, позвонил и пригласил к себе, в строительный отдел их скромного ОКСа. Я приехал взглянуть на новое место.

Одноклассник провёл меня по всей территории. Он показал большие цеха, где из разного мяса делали всякого рода колбасы, и вдруг кивнул в сторону одного невысокого кряжистого дедка, проходившего мимо.

Я посмотрел на старика, что не отличался ни какой-либо статью, ни особенной благообразностью. Простой работяга, одетый в затасканный, местами рваный халат линялого серого цвета.

В те времена, подобных людей, было удивительно много на каждом заводе и фабрике города. Сотрудников везде не хватало и они продолжали работать и после ухода на пенсию.

– Ты не смотри, что он такой с виду невзрачный. – пояснил мой проводник: – Он обладает потрясающей силой. Трудиться в колбасном цеху и одиночку легко управляется с тяжёлой каталкой. А она, между прочим, в нагруженном сво-

ём состоянии, весит четыреста с небольшим килограммов. Обычно с такой штукой работают двое, а то и трое крепких парней.

Мало того, каждый день, прямо из проходной он направляется в цех, где забивают животных. Там у него с давних времён на стенке висит алюминиевая солдатская кружка, вместимостью ровно в пол-литра.

Он снимает посуду с гвоздя, подходит к коровам, с которых сливается кровь, и подносит её под дымящуюся паром струю. Наполняет ёмкость до самого верха и выпивает всё залпом.

От такого необычного зрелища, всех непривычных людей сразу выворачивает там наизнанку. А он лишь усмехается. Говорит, мол, в горячей крови содержится вся сила убитого недавно животного. Он пьёт её с раннего детства. Поэтому, никогда не болеет. Затем, ополаскивает кружку под краном с холодной водой, вешает на прежнее место и идёт на работу.

В его обширном цеху всегда трудятся одни только женщины. Они стоят вдоль длинных столов и при помощи специальных устройств, набивают молотым фаршем оболочки колбас.

Готовые батоны вешают на вертикально стоящие рядом каталки, и грузчики отвозят их в печи. После варки или копчения, продукцию везут в холодильник, а оттуда уже рассылают по точкам торговли.

Так вот, Семёныч заходит в свой цех и двигается по большому проходу, вдоль длинных столов, за которыми работают женщины. Он выбирает одну из десятков других, и хлопает ладонью по заднице. Стоящие рядом, подружки понимающе ей улыбаются. Ну, а обласканная мужчиной избранница, бросает дела и идёт следом за грузчиком.

Вдвоём они поднимаются по узкой лестнице, что ведёт на чердак. Женщина задирает халат, спускает бельё и, наклонившись вперёд, берётся руками за подоконник.

Если пассия оказывается выше Семёныча, то он подвигает к ней опрокинутый тазик, который находится там с давних времён. Грузчик встаёт ногами на дно этого тазик. После чего, он оказывается на такой высоте, откуда может достать до причинного места.

Он расстёгивает штаны, достаёт свои причиндалы и, не говоря ни единого слова, начинает процесс, который всегда продолжается достаточно долго. Закончив данное дело, он молчком заправляется и возвращается к прежней работе.

Самое удивительное заключается в том, что как говорят работницы цеха, он обладает нюхом собаки и ни разу ещё не ошибся. То есть, не выбрал ту женщину, у которой пришли, так называемые, критические дни.

Выслушав эту историю, я не поверил в её достоверность, но услышал, в ответ, что всё это чистая правда. Я согласился, что может быть, всё это и так, но выразил большое сомнение

в том, что он никогда не получает отказа.

Ведь там работает больше тридцати с чем-то женщин. Наверняка, есть среди них и такие, что смогли устоять против «животного магнетизма» данного грузчика. Кстати сказать, сто лет назад им очень славился знаменитый Гришка Распутин.

Мой приятель заверил меня, что практически все новые работницы цеха сначала сильно артачатся. Как это так, пойти с каким-то неприглядным на вид стариком? Но потом, слушают прекрасные отзывы своих товарок и всё же решают попробовать.

Мол, чего волноваться? Все уже прошли через это. Всех их регулярно проверяют в медпункте на заболевания всякого рода. Так что, работники цеха ничего не подцепят один от другого. Ну, а после первого раза, они не могут себе отказать в таком большом удовольствии и с нетерпением ждут своей очереди.

– Откуда тебе известно об этом? – поинтересовался я у приятеля.

– Сам знаешь, что женщины существа довольно болтливые. – объяснил мне товарищ: – Со временем кто-то из них не стерпел и рассказал какой-то подружке из соседнего цеха. Та проболталась кому-то ещё, так и узнали все люди завода.

Совершенно естественно, что мужики не поверили и проследили за старым Семёнычем. Они облазили все высокие здания, что стояли поблизости, и нашли нужное место.

Откуда замечательно видно окно, возле которого грузчик каждый день оприходует женщин. После этого, многие сходили туда и удостоверились в правдивости слухов.

Я покачал головой и с грустью подумал: – «Чего только не бывает на свете».

Затем я вспомнил отчёт по сексуальной статистике, который когда-то читал. В нём говорилось о том, что десять процентов «настоящих мужчин» пользуются девяносто процентов всех женщин.

Все остальные, «плохие самцы», стоят тихонько в стороне и подбирают тех дам, которых кто-то уже «поматросил и бросил». Скорее всего, Семёныч был из разряда таких удальцов. Причём, до старости лет.

Поросёнок

В советские времена, вся страна участвовала в «битве за урожай». В те годы я работал в конторе, которая относилась к областному управлению автомобильного транспорта. Поэтому, каждое лето меня посылали на хлебоуборку.

Там я работал диспетчером и, по мере сил и возможности, приглядывал за шоферами, прислали в командировку из города. Общаясь с водителями, я наслушался разных историй, некоторые из которых, почему-то запомнил. Сейчас я хочу рассказать одну байку.

Степан был простым парнем из обычной деревни. Окончив десятилетку, он отслужил в рядах армии и перебрался в Самару. Вся родня у него, так же, как прежде, жила на сельской местности, а он частенько заглядывал в гости к родителям.

Как-то раз, его любимая мама решила откормить небольшого кабанчика к октябрьским праздникам. Женщина попросила сыночка купить для неё поросёнка. Взять его где-то поблизости, почему-то, тогда она не смогла. Не оказалось рядом свободных детёнышей.

В это самое время, парень возил комбикорм в пригородный колхоз. Там он узнал, что у них опоросилась свинья, и часть приплода продают всем желающим. Он заехал в правление сельхозпредприятия, заплатил в бухгалтерии нужную

сумму и получил взамен ордер. В бумаге говорилось о том, что податель сего, может забрать недавно рождённую чушку.

Прибыв на ферму, Степан застал молодую свинарку, что постоянно следила там за скотом. Это была высокая крепкая дама, которая не блистала ни красотой лица, ни соблазнительной формой телес.

Шофёр предъявил ей документ и попросил, выдать ему, купленное в колхозе животное. Та посмотрела на невысокого парня, который едва доставал ей до плеча, презрительно сморщилась и отвела гостя к загону.

Возле огромной, словно гора, свиноматки вертелось с десятков детёнышей трёхнедельного возраста. Среди них хорошо выделялся один, самый крупный и шустрый.

Степан собрался спросить у работницы именно того поросянка. Она опередила водителя, ткнула пальцем в щуплого вида заморыша и твёрдо сказала: – Могу предложить только его.

Парень начал упрашивать молодую свинарку, чтобы она дала ему что-то получше, но получил категоричный отказ. Такое решение, она мотивировала одним обстоятельством. Мол, по долгу службы, ей нужно заботиться о стаде колхоза. Поэтому, она может дать чужаку лишь самую слабую особь.

Уговоры шофёра не возымели никакого действия. Наконец, девица весьма разозлилась. Она сказала: – Или бери, что дают, или мотай побыстрее отсюда. Иначе схлопочешь

по роже. — свинарка удалилась в бытовку и захлопнула дверь за собой.

Степан потоптался перед загоном, сравнил того поросёнка, которого хотелось бы взять, с тем, что ему предлагали. Он понял, что мать будет весьма недовольна покупкой. Шофёр решился на крайние меры и рванулся в бытовку.

Парень увидел, что девица стоит у стола и перебирает бумаги. Хотя дама ему совершенно не нравилась, Степан обнял её сзади. Он схватил руками за её обширные груди., стал их ласкать и нежно шептать ей что-то на ухо.

Свинарка хотела освободиться от захвата водителя, но парень не уступал, и продолжал своё наступление. Он сам не заметил, как возбудился до такой сильной степени, что твёрдый прибор упёрся в её пышный зад.

Ощувив полную готовность мужчины, женщина разом обмякла, и, не оказывая сопротивления, позволила себя наклонить к широкой столешнице. Она опёрлась локтями на доски, прогнулась в спине и призывно подставила крепкие ягодицы.

Действуя левой рукой, парень задрал серый линиялый халат и спустил с дамы трусы. Второй рукой он расстегнул свои брюки, сбросил их на пол и устремился вперёд.

Оказалось, что парень слишком малого роста. Даже поднявшись на цыпочки, он не доставал причиндалами до её причинного места. Почувствовав это, женщина тут же согну-

ла колени, аккуратно присела, и всё получилось, как надо.

После того, как всё завершилось, оба облэгчённо вздохнули и привели себя в полный порядок. Немного нагнувшись, свинарка чмокнула парня в щёку и нежно сказала ему: – Можешь взять того поросёнка, которого хочешь.

Степан не заставил себя долго упрашивать. Он сунул, самого большого детёныша в холщовый мешок, сел в грузовик и, попрощавшись с высокой девицей, уехал.

После этого случая, он проработал в колхозе ещё около месяца. Оказавшись поблизости с фермой, он каждый раз, заезжал к знакомой свинарке и «выражал ей благодарность» за того поросёнка.

Прибалтика

О советской Прибалтике написано удивительно много, что, в общем-то, не вызывает ни у кого удивления. В то время, эта окраина СССР являлась витриной нашей великой страны. В неё долгие годы вкладывались огромные средства. Причём, главный донор, Россия всегда оставалась на очень голодном пайке.

Почти все вспоминают об ухоженности, чистоте и порядке, царящих в городе Риге. О красоте «Старой части» говорить не приходится. Все её много раз видели на различных открытках или в кино. В старых советских фильмах всю «заграницу» снимали именно там.

О городских достопримечательностях тоже распространяться нет смысла. Все помнят Домский собор, Рижский замок, Пороховую башню и прочие старинные здания.

Это сейчас появилась возможность сравнивать Латвию с другими европейскими странами. В восьмидесятых годах, мало кто знал, что вся Прибалтика не представляет, из себя ничего интересного.

Но сейчас, мне вспоминается нечто другое. В первую очередь, отношение латышей к русскоязычному населению планеты, как принято теперь говорить.

В детстве, у меня был крестный отец – латыш по рождению. Неизвестно какими судьбами его занесло в столицу По-

волжья. Это был простой добрый дядька, который относился ко мне, как к любимому сыну.

Может быть, его отношение было вызвано тем, что моя крестная мать, его дорогая жена, приходилась тёткой моему родному отцу? А может быть, потому, что своих детей у них не имелось? Хорошо зная крёстного и слушая его интересные байки о далёкой отчизне, я был уверен, что и все граждане, живущие там, такие же милые и открытые люди, как он.

Однако, через какое-то время, мне пришлось убедиться в обратном. Не знаю, может быть, мне не везло, и у меня на пути встречались не самые хорошие представители нации. Как бы то ни было, но впечатления о поездке в «советскую» Латвию оказались весьма негативными.

Оказался я там совершенно случайно. Кто-то из тогдашних знакомых купил турпутёвку в Прибалтику. Обстоятельства вдруг изменились, и он не смог отправиться в путь. Мне предложили билеты и другие бумаги. Я с искренней радостью согласился с таким предложением.

У крёстного в Латвии имелась родная сестра, но я не собирался к ней заезжать. На мой взгляд, она была слишком далёкой роднёй, которую я совершенно не знал. Мне показалось, что не стоит своим посещением обременять старую женщину. В последствии, я был очень рад, что так поступил.

Я прибыл в Ригу и поселился в указанной в турпутёвке го-

стинице. К вечеру из людей, приехавших так же, как я, сформировали группу туристов. С утра начался осмотр старинного города.

Нас возили по городу, хвалили всех латышей, начиная с давнишних времён, громко славил Латвию и красоту её богатой природы. За пару часов мы объехали всё интересное в центре столицы.

После чего, вдруг оказалось, что смотреть больше нечего. Не ехать же на заводы и фабрики и в районы, состоящие из панельных «хрущёвок»? Такого добра и в России имелось достаточно.

Вечером мы посетили органнй концерт в Домском соборе, на чём программа закончилась. Второй день оказался «свободным». Руководитель тургруппы посоветовал нам съездить самим в другой городок, под названием Сигулда.

Утром, в столовой сформировалась небольшая компания русских людей. Мы добрались до большого автовокзала и стали читать расписание. Оказалось, что оно всё написано на ЛАТВИЙСКОМ наречии.

У нас создалось впечатление, что мы находимся не в СССР, в СТОЛИЦЕ СОЮЗНОЙ республики, а уже за границей. Но тогда, почему нет перевода на английский язык? Ведь это же не глухая деревня, а центр «европейской державы». Тем более, что в каждой гостинице лежали буклеты, написанные для иностранных гостей.

Самое интересное заключалось в другом. Оказалось, что

латыши тогда в Риге составляли сорок процентов всего населения. Остальные являлись посланцами четырнадцати «братских советских» республик.

Мы стояли перед огромным табло, на котором не было места для русской кириллицы. Все путались в перечне хуторов и посёлков и долго искали нужное нам поселение.

Сзади раздался приятный чувственный голос, прозвучавший с ленинградским акцентом: – Молодые люди, что Вы здесь ищете?

Оказалось, что это пожилая латышка. Интеллигентная внешность, прекрасный русский язык, обращение – очень любезное. Она говорит: – Похоже, что Вы все туристы? Я слышала, что Вам нужен какой-то автобус? Куда Вы хотите уехать?

Мы объяснили, куда бы желали отправиться.

– О, собираетесь в Сигулду? – зашебетала латышка: – Там есть много всего интересного, есть на что посмотреть! А потом куда двинется Ваша туристская группа?

Мы назвали турбазу, сейчас уже точно не помню, какую и в каком городишке. Он находился на ЮГО-ЗАПАДЕ латышской «советской» республики.

– А турбаза «такая-то». – ворковала она: – Знаю, конечно, отличное место. Из этого места до города Сигулда значительно ближе, чем отсюда, от Риги. Я лично советую Вам не тратить зря время, и съездить оттуда.

Мы согласились со всезнающей дамой, сказали любезной

латышке: – Большое спасибо! – и никуда не поехали. День провели совершенно бесцельно, просто шатаясь по скучному городу.

Утром нас погрузили в автобус и отвезли на турбазу. Разместившись в дощатых бараках, мы осмотрелись вокруг, поняли, что заняться здесь нечем и спросили русского местного парня: – Как нам добраться до Сигулды?

– Наш посёлок стоит совсем в другой части Латвии! – ответил инструктор.

Он объяснил, что нужный нам город расположен за Ригой, на САВЕРО-ВОСТОКЕ страны. Поэтому, нам нужно вернуться в столицу. Пойти на автовокзал и ехать в противоположную сторону около часа.

Паренёк был весьма удивлен, нашей необычной историей. Как мог кто-то в Риге сказать, мол, отсюда значительно ближе до Сигулды? Это не могло уложиться в его голове. Скорее всего, он ещё не проникся духом жестокого мщения «русским поработителям Латвии».

У нас опять оказался «незанятый» день. От нечего делать, мы после завтрака, поехали в соседний посёлок. В автобусе оказался здоровый латышский мужик. Он вёл себя так, словно в салоне не было никого, кроме него и трёх разновозрастных членов его чрезвычайно развязной семьи.

Все его родичи совсем ничего не стеснялись. Водитель громко поддерживал их разговор. Всё это никак не вязалось

с мифом о сдержанности и большой деликатности людей из Прибалтики. В России себя так вели только пьяные. Да и то не всегда.

Наконец, мы добрались до нужной нам остановки и с облегчением вышли из шумного транспорта.

Парень из нашей тургруппы написал своей девушке короткий отчёт о поездке в «прекрасную» Латвию. Он вложил сообщение в стандартный конверт, который купил ещё в Риге. Молодой человек хотел отправить цидулку домой, а чтобы вдруг не забыть, он всю дорогу держал её в правой руке, у всех на виду.

Мы прибыли на центральную площадь небольшого посёлка. Российский турист увидел людей, сидящих на остановке, подошёл и спросил, где находится почта? В ответ гробовое молчание. Все равнодушно смотрели ему прямо в глаза и не произносили ни единого слова. Они вообще, не реагировали на прозвучавший вопрос.

– Вы что свои письма бросаете просто на землю? – не выдержал парень. Снова молчание. Он обошёл площадь по кругу. Осмотрел стены всех зданий и с трудом отыскал неприметный ящик для почты.

Мы все дружно решили, что здесь собрались жители глухих хуторов, которые не понимают по-русски и двинулись дальше.

Оказалось, что мы ошибались. Все встречные местные

жители не отвечали ни на один наш вопрос. Хотя было видно, что они нас замечательно слышали и наверняка понимали.

Сообразив, что так ничего не добьются, наши туристы перешли на английский. Оказалось, что иностранную речь латыши и вовсе не знали. Это было заметно по их растерянными лицам. Вот тебе и «культурная» европейская нация.

Все надписи в городе пестрели только латышскими буквами. Не нашлось никакого дублирования на русский язык. Чтобы купить какую-то мелочь, приходилось заглядывать во все магазинчики и искать именно тот, что торговал нужным предметом.

Все продавцы отпускали товар, исключительно молча, словно глухонемые. Лица у них выглядели удивительно злыми, словно мы их сейчас оскорбили. Нам демонстрировался этакий вариант интифады, борьбы палестинцев с Израилем на оккупированных им территориях.

Один из парней купил бутылку минеральной воды для любимой жены и попросил продавщицу открыть для него эту посуду. Тогда стеклянная тара запечатывалась прочной металлической пробкой с мелкими зубчиками. Для того, чтобы снять её с горлышка приходилось использовать ключ специфической формы. На худой конец, пассатижи.

– На улице пить не положено! – буркнула недовольная принцесса прилавка.

– У вас вся молодежь открыто пьёт пиво на площади. – возразил ей покупатель, прибывший в Прибалтику из далёкой Сибири.

Латышка лишь презрительно фыркнула. Мол, нашим всё можно, а русским нельзя. После чего, демонстративно отвернулась к окну.

Разозлившийся парень взял бутылку «Нарзана» и вышел на небольшое крыльцо. Там он осмотрелся, зацепил край стальной крышки за дверь магазина и рывком открыл стеклянную ёмкость. Жена с благодарностью приняла от него минеральную воду.

Вернувшись на лесную турбазу, мы проболтались до вечера. После ужина спросили инструктора, чем тут можно заняться? Латыш настоятельно посоветовал нам посетить местный пивбар. Забегаловка располагалась в соседнем небольшом хуторке. Делать было особенно нечего, и мы решили сходить.

Инструктор привёл нас в небольшую избу, оформленную в стиле убогого сельского «кантри». На стенах висели колёса телег и прочая старая утварь, которой место на свалке.

Здесь русских туристов опять «не заметили». Местные говорили только с нашим «Вергилием», естественно лишь на латышском. Проводник заказал нам всем по кружке, как он сказал, домашнего пива, сваренного по старинным рецептам, и кое-что из еды. Нам подали какую-то мутную жид-

кость, с довольно противным амбре.

Из своего любопытства я сделал один осторожный глоток, сильно поморщился и с огромным трудом проглотил то, что попало мне в рот. После чего, отставил огромную кружку и печально подумал: – То ли, действительно здесь пьют эту мерзкую брагу? То ли над нами сейчас «подшутили» и нали-ли каких-то помоев?

Еда тоже не вызывала никакого доверия. Обменявшись красноречивыми взглядами, мы расплатились и тут же ушли из этого «злачного» места. Кстати сказать, деньги с нас взяли очень приличные.

Во всех магазинах округа нам стремились продать лишь бракованные товары и пищевые продукты с истекшим сроком хранения. Видно, они так боролись за независимость от «оккупантов». Взятую бутылку вина «Из клубники» мы вчетвером так и не смогли допить до конца. Вкус гнилых ягод оказался просто ужасным.

На другой день, нас перевезли на очередную турбазу. Она оказалась значительно лучше и походила на большую гостиницу в пять этажей. Соседом по номеру оказался русский сорокалетний мужчина, проживающий в Риге.

В первые минуты знакомства, он решил пообщаться с молодыми парнями и предложил выпить по рюмке перед обедом. Человек вынул из чемодана трехлитровую банку, до половины налитую спиртом, и плеснул грамм по двадцать в

стаканы.

Мы разбавили горючую жидкость водой, сказали всеобъемлющий тост: – На здоровье! – и опрокинули в рот тёплый раствор. Он оказался с отвратительным запахом свежей резины.

– Калошный спирт нацедила зараза. – в сердцах выдохнул покрасневший от злости сосед. Морщась от убойного запаха, он стал объяснять своё выражение: – Я работаю начальником цеха на «VEFe».

Был в то давнее время, весьма современный радиоэлектронный завод. Он выпускал отличную технику, не уступавшей по качеству, продукции европейских концернов.

– Кладовщица латышка. – продолжил гневно мужчина: – Ведь просил её, хорошего спирта налить. Нет же, дала то, что пить невозможно. И во всём они с нами, с русскими, так поступают.

Как-то раз, наш автобус задержался на долгой экскурсии. Совершенно естественно, что тридцать русских туристов опоздали к скромному ужину. В столовой крупной турбазы нас отказались кормить. Заявили, что, мол, ничего уже нет. Куда делась еда, приготовленная на такую ораву, всем наверно понятно?

Мы стали требовать свою убогую пайку. Повара раскричались, как дикие гуси и тут же вызвали администратора. Парень, который жил в этой гостинице уже несколько дней, ше-

потом посоветовал нам с ними не связываться.

Прибежала холёная дама-администратор. Повара на русском языке заявили, что мы их клеймили по-всякому, в том числе, обзывали фашистами. Мы просто опешили от таких обвинений. Администратор стала грозить, что вышвырнет нас с этой турбазы. Мало того, аннулирует наши путёвки.

В те времена, я был секретарём молодёжной организации. На лацкане моего пиджака висел не обычный комсомольский значок, а с какими-то надписями. Сейчас уже, точно не помню, что там тогда находилось. То ли «Ленинский зачёт» с лавровою веткою? То ли «Ударник» какого-то года.

Я вышел вперёд из ряда туристов. Предложил ей отойти к пустому столу и ненадолго присесть. Она слегка растерялась от таких моих слов, но почему-то пошла. Мы разместились напротив друг друга. Я рассказал ей про случай в Риге и об отношении к нам в их городишке.

Какое-то время, она меня внимательно меня слушала, а затем, скрепя сердце, приказала нас покормить. Скорее всего, она вдруг решила, что я работал во внутренних органах, а может быть и в карательных, например в КГБ.

Повара скорчили злобные рожи, но не стали возражать командирше и принесли кое-какую еду. Правда, дали нам вдвое меньше, чем нужно. Видно, всё остальное уже разложили по сумкам.

В те давние годы, по телевизору нам говорили, что все

люди братья. Поэтому, нас покорила предприимчивость местных работников. При выдаче туристического инвентаря латыш-кладовщик попытался нам впарить «в прокат» собственные надувные матрасы. За них он потребовал «хорошие» деньги.

Все отказались. Так что, во время похода, мы ночевали в обычных спальных мешках. Как-никак, стояло тёплое лето, а все были туристами с внушительным стажем. Нас такой ерундой испугать было трудно.

Перед началом похода инструктор посоветовал нам купить спиртное в городском магазине. Он объяснил, что у местных крестьян ничего брать нельзя, в особенности, их самогон.

Они специально делают его для приезжих людей и настаивают на табаке. Были случаи отравлений целыми группами. Иногда со смертельным исходом. – разъяснил русский парень.

Мы вняли его умным советам и купили две пол-литровки на двенадцать туристов.

Природа в Латвии мне очень понравилась. Она мало чем, отличалась от района Поволжья. Только там выпадало больше дождей. Отчего вся растительность постоянно имела ярко-зелёный оттенок. Сказывалась высокая влажность от близкого Балтийского моря.

На одной из турбаз мы ходили в трёхдневный поход на че-

тырëхвесëльных лодках. Множество некрупных озер, соединенных протоками, составляли огромную водяную систему.

В одной из речушек, шириною в три метра, встретились стаи мелких стрекоз, с разноцветными крыльями. Насекомые то неподвижно зависали над нами, то молниями срывались в полёт. Перепонки у них были красные, жёлтые, зелёные и голубые. Все выглядели, словно достаточно яркие бабочки.

На одном из небольших хуторов мы увидели девочку, которая что-то искала на картофельных грядках. Мы подошли и спросили: – Чем она занимается?

Почему-то, девчушка не сделала вид, что не понимала по-русски. Наверное, дорогие родители не успели ещё ей внушить чувство ненависти к русским «пришельцам». Она показала нам коробок из-под спичек, наполненный колорадским жуком, и рассказала, как она сильно устала с ними бороться.

В то время, про этих вредителей мы только читали в учебниках, да видели в познавательных фильмах. Это потом «наши друзья» завезли их в Россию. Кто-то с интересом спросил: – И ты каждый день их здесь собираешь?

– Да... – вздохнула девчушка.

– И много их попадается?

– Как который раз! Иногда очень много бывает.

Целое утро наш караван плыл из одной протоки в дру-

гую. Наконец, мы оказались у длинного острова, на котором должны были обедать. Едва мы вышли на берег, как из кустов выскочили парни и девушки одетые в плавки или купальники. Все их тела были разрисованны углем, зубной пастой и губною помадой.

К головам и одежде были прицеплены листы лопуха, папоротника и ветки деревьев. Многие держали в руках тонкие палки, которые слегка походили на дубинки и копья. Молодежь что-то кричала и прыгала. Все это представление весьма походило на нападение диких людей.

В это время, наш юный инструктор разговаривал на латышском с коллегой, инструктором группы, которая встретила нас так необычно. Они явно смеялись над наивными русскими.

Мы разместились на обширной поляне. «Дикари» погрузились в баркасы и тотчас отчалили. Мы съели сухие пайки, искупались и половили рыбу на удочки. Вода была удивительно чистой. Окуней и плотвы водилось там много. Клёв оказался хорошим. Красота, да и только.

Вечером, на костре приготовили ужин из тех продуктов, что получили на складе турбазы. Выяснилось, что нам дали только консервы «Бараньи почки в собственном соке». Нужно сказать, что такая еда на очень большого любителя. Больше двух ложек, мало кто смог проглотить.

Как всегда, делать здесь было нечего. Все дружно реши-

ли «принять за знакомство по маленькой». Разлили пол-литра сорокоградусной водки. Разговор слегка оживился. Люди, наконец, познакомились.

Решили прикончить вторую поллитру. Строгая женщина, у которой в рюкзаке находилась бутылка, вдруг заявила: – На сегодня всем хватит! Выпили по чуть-чуть и довольно!

Не желая прослыть алкашами, парни оторопело молчали. Милые дамы удивлённо переглянулись друг с другом. Одна из них всё же не выдержала: – Что это здесь за регламент? Все взрослые люди. От двух бутылок на двенадцать туристов ничего плохого не будет.

– Нет! – отрезала трезвенница. Вторую бутылку я завтра отдам.

Настроение сразу испортилось. На этом посиделки и кончились. Все разошлись по палаткам.

Второй день прошёл также, как первый. Хорошо, что хоть погода оказалась на удивление тёплой. Мы плавали на вёсельных лодках, купались, загорали, ловили рыбу и раков, которых потом отпускали. Никому не хотелось с ними возиться.

Вечером, опять собрались у костра. Назначенная сама собой, командирша, торжественно принесла вторую бутылку. Никто к ней не притронулся. Кто-то сказал, что «дорога ложка к обеду».

Нераспечатанная посуда всю ночь простояла на столике,

за которым ели туристы. Утром недовольная «трезвенница» взяла поллитровку и сунула в свой тощий рюкзак. После чего, все стали с ней меньше общаться.

Пришла пора возвращаться. Когда мы собрались уезжать, подошёл ухмыляющийся юный инструктор. Он посоветовал нам нарядиться, как «папуасы» и приветствовать новую группу так же, как встретили нас.

Большая часть русских туристов, молча, проигнорировала такую идею. Лишь несколько женщин решили, что не стоит отказываться от встречи приемников. Они сплели себе венки из цветов и завернулись в те простыни, что имелись в спальных мешках.

Таким образом, из них получились то ли, весталки, то ли, благородные римлянки. Они и встречали прибывших людей. Кто-то продекламировал самодельные вирши в стиле Гомера. Надеюсь, пример нашей группы сломал дурную традицию – делать посмешище из русских людей.

Всё время поездки по Латвии, меня постоянно вселяли в один номер с парнем, жившим в глубинке Сибири. По профессии он был врач-гинеколог. Это был рафинированный интеллигент, с бородкой «под Чехова», вкрадчивыми манерами и мягким ласковым голосом.

Он показывал фокусы с картами, рассказывал анекдоты, играл на гитаре и пел приятным фальцетом. Одним словом, сразу же стал любимцем всех женщин. И это притом, что

он постоянно вворачивал в речь куски отборного мата. Все женщины только смущённо хихикали.

Чем он их так завораживал, что их не коробила мерзкая брань, я так и не смог уяснить. Причём, все остальные мужчины, не сказавшие ни единого бранного слова, считались – непереносимыми в быту грубиянами.

Из озёрного края нас привезли в курортную Юрмалу. В то время, это был дачный поселок, шириною в одну или две узкие улицы. Они протянулись на семь километров между берегом Балтийского моря и прибрежным шоссе.

Местами стояли пансионаты и скромные заводские турбазы. Всё это пряталось в сосновой лесопосадке. Приблизительно в центре данного «города» находилось несколько маленьких зданий.

Это была пара убогих гостиниц, пять или шесть магазинчиков и небольших ресторанчиков. Крупнейшей постройкой населённого пункта являлся открытый летний театр.

В нём размещалось две с лишним сотни посадочных мест. Об этом нам гордо сказал экскурсовод. Дворец Спорта в городе Куйбышеве вмещал шесть тысяч зрителей. Рядом с ним стоял каменный цирк таких же размеров.

Весь день мы купались в мелкой и очень холодной Балтийской воде и валялись на пляже. Вечером поехали в «центр». Солнечная погода, которая сопровождала нас в «озёрном краю» внезапно закончилась. Она сменилась мелким дождём и стылým северным ветром.

За полчаса мы осмотрели все достопримечательности маленькой Юрмалы, проголодались, зашли в небольшой ресторанчик и сели за пустующий столик. Нам немедленно дали понять, отношение к русским здесь такое же плёвое, как и везде.

По баснословной цене мы заказали лучшее латышское блюдо – копчёную курицу. Нам принесли неказистого вида тарелки из «общепита». На них лежали антрацитово-чёрные куски рубленной птицы.

Когда стали есть это блюдо, то оказалось, что внутри оно совершенно сырое. Из разрезанной плоти текла, не запёкшаяся алая кровь. На наши претензии никто из пяти латышей не обратил никакого внимания. Словно то был глас вопиющего в дикой пустыне.

Утром нового дня мы уехали в Ригу. Поздно вечером, я уже летел в самолёте в Самару. В аэропорте «Курумоч» я был в восемь утра. При получении багажа выяснилось, что исчез мой серый небольшой чемодан.

В тележке прибывших с самолётом предметов, сиротливо лежал чей-то «рундук». Формой он был немного похож на мою пропавшую вещь, но имел другой – чёрный цвет. Мало того, он оказался в полтора раза больше размером, выглядел значительно старше и очень сильно ободраным.

Пришлось долго ждать представителя «Аэрофлота», составлять акт о пропаже и вскрывать полупустую чужую по-

клажу. В ней находилось несколько потрёпанных женских нарядов и всё.

К счастью, в кармашке отыскалось письмо с адресом и фамилией растяпы-владелицы. Причём, её написание мне сильно напомнило «советскую» Латвию. Не иначе, как эта латышка решила и здесь отомстить кому-то из русских.

В сопровождении представителя службы аэропорта я пошёл в погоню. Самое странное, что сотрудником, проворонившим мой чемодан, оказалась моя двоюродная сестра, с которой я не встречался лет пять или семь.

В районе Самарской площади мы, наконец, нашли похитителя. Хозяйка с суровым «прибалтийским» лицом, открыла нам дверь. Она узнала, зачем я явился, и принялась меня обвинять. Женщина вдруг заявила, что я схватил её чемодан и удрал. Поэтому ей ничего не осталось, как взять в багажной тележке то, что там находилось.

Спорить с упрямой латышкой сил у меня уже не осталось. Представитель багажной службы «Аэрофлота», моя дорогая кузина, попыталась меня защитить. Но виновница всего происшествия и слушать ничего не хотела. Она из себя корчила невинную жертву.

Я отдал той «разяве», если не сказать по-другому, её чемодан и взял свою небольшую поклажу. Я демонстративно проверил – всё ли на месте? И лишь после этого, не прощаясь, ушёл из квартиры. На улице я простился с сестрой и,

кляня, любовь к путешествиям, поехал домой.

С тех давних пор прошло много лет. Иногда в голове появляется странная мысль: – Интересно, как же теперь живут латыши в прекрасном Евросоюзе, куда они так упорно и долго стремились?

Они так же чванятся своей «высокой» культурой, как во времена незабвенного СССР? Или заняли место людей второй категории? Наверняка, они там находятся на той же ступеньке, что арабы и негры.

–27.10.2023